

Федеральное агентство по образованию
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Ульяновский государственный университет»

На правах рукописи

Романенко Роман Александрович

**ПРОБЛЕМА АКТИВНОЙ РОЛИ ЯЗЫКА В ПРОЦЕССЕ
ПОЗНАНИЯ**

Специальность 09.00.01. – онтология и теория познания

Диссертация на соискание ученой степени

кандидата философских наук

Научный руководитель:

доктор философских наук, профессор

Бажанов В.А.

Ульяновск

2015

Оглавление

Введение.....	3
Глава I. Исторические и методологические предпосылки исследования роли языка в процессе познания.....	15
1.1 Докантовский период осмысления функции языка в познавательной деятельности	16
1.2 Посткантовский период понимания активной роли языка в процессе познания	29
Глава II. Актуальные парадигмы (стратегии) исследований языковой активности	38
2.1 Физиологическая активность и ее отношение к феноменам языка.....	38
2.2 Язык сквозь призму идей установки и языковых игр	49
2.3 Антидекартовский антидуализм как основной принцип анализа целостности и активности языкового феномена	79
Глава III. Реализация активности языка в познавательном процессе.....	94
3.1 Проблема вариативности влияния языковых способностей на когнитивные процессы	94
3.2 Роль вербальной агрессии в когнитивном процессе философствования.....	113
Заключение	126
Библиография	129

Введение

Актуальность темы исследования

Проблема активной роли языка в процессе познания окружающего мира в разной форме и с разными формулировками поднималась со времен Античной философии постоянно. Эта проблема, связанная с более общими вопросами об отношении языка и мышления, о природе и происхождении языка, является значимой для понимания многих аспектов процесса познания. В первую очередь это касается реляционного характера познаваемости мира, активной роли познающего субъекта, включенности в познание его психологических, антропологических, лингвистических и других особенностей. Одной из причин, сделавших указанную проблему особенно популярной в XX – XXI вв., стало развитие психологии, психолингвистики, эпистемологии, «лингвистический поворот» в философии, а в настоящее время прогресс комплекса наук, которые принято относить к когнитивным.

Положение о том, что язык активно участвует в формировании картины познаваемой действительности, а не просто является средством для выражения произведенной мысли, разделяется многими исследователями. Нерешенным остается вопрос о механизмах и факторах, благодаря которым реализуется активная роль языка в познавательном процессе. Необходимо конкретизировать это, а также уточнить, что следует понимать под «активной ролью» языка и каковы механизмы, благодаря которым она может реализоваться.

Сама постановка проблемы активной роли языка предполагает рассмотрение языка как целостности, в известной степени автономной от мышления. Еще В. фон Гумбольдтом, а затем Э. Кассирером, язык, хотя и выделялся в отдельный предмет исследования, но рассматривался в двух аспектах – интеллектуальном и чувственном. Сейчас можно встретить концепции (например, концепция А.Т. Кривоносова), в которых

интеллектуальная составляющая языка относится сугубо к сознанию или мышлению, а язык - это только материальное воспроизведение идей. Поэтому, говоря об активном участии языка в процессе познания, важно обратить внимание на само явление языка и обосновать несводимость языкового поведения к сознательной деятельности. В современных психологических исследованиях влияния языковых способностей на различные когнитивные процессы иногда опускается даже определение языка, а интеллектуальное проявление языка признается без аргументов нетождественным интеллекту. Выводы таких исследований свидетельствуют о наличии корреляции между языковыми и когнитивными способностями, например билингвизмом и математическим интеллектом. Однако до тех пор, пока не будут выявлены теоретические основания для разделения интеллектуальной составляющей в языке от мышления, эти выводы могут быть интерпретированы так: одни интеллектуальные способности коррелируют с другими интеллектуальными способностями, - что тривиально, если не тавтологично.

В области семантики популярными остаются исследования, традиция которых была заложена Декартом и Лейбницем, направленные на поиск семантических универсалий, базисных концептов. В то же время в философии формулируются положения о различных семантических конфигурациях и о принципиальном отличии языковых проявлений, таких как язык философии, язык науки и язык литературы.¹ Эти положения не вписываются в парадигму общего ядра для всякого проявления языков и приводят к иному пониманию функций языка, его реализации активности в познавательных процессах.

¹ См. Вежбицкая А. Семантические универсалии и базисные концепты. – М.: Языки славянских культур, 2011. – 568 с.; Фатенков А. Н. Идея подвижной иерархии в структуре философского дискурса. Диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук. – Нижний Новгород: 2006. – 366 с.

Разработка проблемы активности языка в процессе познания представляется продуктивным философским проектом, признанным пролить свет на более фундаментальные эпистемологические проблемы.

Объект и предмет исследования

Объектом исследования является взаимосвязь языковых способностей и познавательных актов, представленных в психологическом и лингвофилософском наследии.

Предмет - активность языка, как психофизиологического навыка, в процессе познания.

Цели и задачи

Цель диссертационного исследования состоит в выявлении и изучении факторов, определяющих активную роль языка в процессе познания. Для реализации указанной цели в диссертации поставлены следующие исследовательские задачи:

- проанализировать связи между элементами языка и когнитивными процессами, изучить особенности влияния языка на интеллектуальные способности;
- выделить эпистемологические (теоретические) основания для конституирования языковой активности как целостности, нетождественной остальным формам проявления интеллекта, и для обоснования доминирующей роли языка в процессе познания;
- рассмотреть проблему активности языка в более широком контексте активности субъекта познания, провести параллель между языковой активностью и другими фундаментальными антропологическими факторами, определяющими форму и содержание познания;
- продемонстрировать на примере одного из языковых феноменов (вербальная агрессия) значимость языка, не сводимую лишь к формальному средству выражения идей и мыслей, в контексте философской деятельности.

Теоретическая и методологическая основа

При проведении исследовательской работы использовался междисциплинарный подход с привлечением работ по психологии, философии, лингвистики.

Исследование основано на методологии философского анализа. Диахронический и синхронический подходы использованы для постановки проблемы и для ее решения соответственно. Диахронический подход способствует рассмотрению проблемы активности языка в познавательных процессах поэтапно, с момента зарождения данной проблематики в контексте общих проблем эпистемологии до ее конкретизированной автономной формы. Синхронический подход позволяет выделить общие свойства, качество языка необходимые для познавательной деятельности, систематизировать разнообразные факты представленных в научных и философских исследованиях относительно языковых и когнитивных способностей. Интерпретация ряда лингвофилософских концепций позволяет под разными углами оценить как саму проблему, так и подойти к ее всестороннему решению.

Степень научной разработанности темы

Проблема активности языка как психофизиологического феномена в познавательных процессах мало освещена в исследовательской литературе. Если в целом проблемы соотношения языка и когнитивных способностей, языка и действительности привлекают внимание философов и психологов, то исследований, посвященных собственно познавательной функции языка, раскрытию содержания и механизмов языковой активности, существует гораздо меньше. В большинстве работ по концептуализации окружающего мира данная проблематика содержится имплицитно или отражена фрагментарно.

Ценным источником для разработки указанной темы представляется работа «Философские исследования» Л. Витгенштейна, в которой языковое

поведение анализируется как форма активности.² При этом, следует отметить, что автор не брал во внимание результаты психологических и кросс-культурных исследований по данной проблематике. Однако психологический контекст, на наш взгляд, составляет важную часть в исследовании этого вопроса. Вклад в понимание лингвофилософских идей Витгенштейна внесли Грязнов А. Ф., Козлова М. С., Суровцев В. А., Ладов В. А., Яакко Хинтика и др.³

Приблизительно в одно время с исследованиями Витгенштейна советским психологом Узнадзе Д. Н. разрабатывалась концепция установки и ее менее известная вариация – теория *языковой* установки⁴, впоследствии преобразованной в концепцию чувства языка.⁵ В этих работах подчеркивается внесознательная природа языка, влияющая на ход решения интеллектуальных задач. Психологические исследования, имеющие отношение к проблеме языковой активности, проводили такие советские ученые как Л. С. Выготский, Н. А. Бернштейн, С. Л. Рубинштейн, А. А. Леонтьев.⁶

С позиции синергетического подхода рассмотрение языка, как явления, активно структурирующего среду своего существования и создающего в реальности различные формы предметных представлений, было предложено Л. П. Киященко.⁷

² См. Витгенштейн Л. Философские исследования – М.: Астрель, 2011. – 347 с.

³ См. Грязнов А. Ф. Язык и деятельность: Критический анализ витгенштейнианства. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 152 с.; Козлова М. С. Размышления о феноменах сознания в работах позднего Витгенштейна // Проблема сознания в современной западной философии. – М., 1989. С. 190–212.; Козлова М. С. Витгенштейн: новый образ философии // Вопросы философии, 2001, № 7. С. 25–32.; Ладов В. А., Суровцев В. А. Скептик, или к бессмыслице и обратно// Скептицизм, правила и язык – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2008. С. 203 – 230.; Хинтика Я. О Витгенштейне. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2013. – 272 с.

⁴ См. Узнадзе Д. Н. Психологические исследования. – М.: Наука, 1966. – 451 с.

⁵ См. Имедадзе Н. В. Экспериментально-психологическое исследование овладения и владения вторым языком. – Тбилиси: Мецниераба 1979. – 229 с.

⁶ См. Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность. – М.: ЛЕНАНД, 2014. – 224 с.; Выготский Л. С. Мышление и речь. – М.: Лабиринт, 1999. – 352 с.; Бернштейн Н. А. Физиология движений и активность. – М.: Наука, 1990. – 496 с.; Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. – СПб: Питер, 2000. – 720 с.

⁷ См. Киященко Л. П. В поисках исчезающей предметности (очерки о синергетике языка) – М.: ИФРАН, 2000. – 116 с.

Влияние языка на формирование проблемно-тематического поля философии, а также воздействие семантических полей отдельных слов на отечественную философию и культуру исследовались С. А. Лишаевым.⁸

Другие исследования можно разбить на две группы. Это эмпирические научные работы о соотношении языковых и когнитивных процессах. Сюда же относятся обзорные исследования, охватывающие достижения различных авторов, такие как «Философия символических форм. Язык» Э. Кассирера, «Как язык формирует мышление» Л. Бородинки, «Современное понимание проблемы лингвистической относительности: работы по пространственной концептуализации» С. Ю. Бородай и пр.⁹

В исследованиях второй группы внимание концентрируется на более общих аспектах, имеющих непосредственное или косвенное отношение к проблеме активной познавательной функции языка. В этих работах обосновывается эпистемологическая фундаментальность языка, его целостность и независимость от других предметов исследования. В первую очередь такой работой можно считать «О различии организмов человеческого языка» В. фон Гумбольдта.¹⁰ Сюда также можно отнести работу Г. Райла «Понятие сознания», в которой антидекартовский антидуализм приводит к пониманию природы языка как нерасчлененному единому феномену.¹¹ В качестве оппозиции такому целостному и фундаментальному пониманию природы языка представлена концепция А.Т. Кривоносова, выраженная в его «Философии языка».¹² Концепция внутренней формы языка Гумбольдта переосмысливалась Шпетом Г. Г.,¹³ а в современной России представителем философского направления

⁸ См. Лишаев С.А. Метаморфозы слова. – СПб.: Алетейя, 2011. – 232 с.

⁹ Кассирер Э. Философия символических форм. Т. 1: Язык – М.: Академический Проект, 2011. – 271 с.; Бородинки Л. Как язык формирует мышление// В мире науки, №5, 2011. С.15 – 18; Бородай С. Ю. Современное понимание проблемы лингвистической относительности: работы по пространственной концептуализации// Вопросы языкознания, №4, 2013. С. 17 – 54.

¹⁰ См. Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода: Введение во всеобщее языкознание – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 376 с.

¹¹ См. Райл Г. Понятие сознания. – М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. – 408 с.

¹² См. Кривоносов А. Т. Философия языка – М.: Азбуковник, 2012. – 788 с.

¹³ См. Шпет Г. Г. Внутренняя форма слова (Этюды и вариации на тему Гумбольдта). – М.: Государственная Академия Художественных наук, 1927. – 219 с.

неогумбольдтианства является Радченко О. А., в работах которого язык анализируется как мирозозидающий феномен.¹⁴

Такие сборники статей как «Язык и сознание. Аналитические и социально-эпистемологические контексты», «Язык – знание – реальность. К 70-летию А. Л. Никифорова», «Логическая семантика: перспективы для философии языка и эпистемологии» и пр.¹⁵ свидетельствуют о повышенном внимании российских философов к проблемам языка.

В более широком контексте проблемы активности познающего субъекта анализировались и оценивались идеи И. Канта философами разных поколений. К числу этих философов относятся Марков И. К., Бажанов В. А., и др.¹⁶ Кантианские мотивы, выраженные тенденциями к антропологизму и психологизму теории познания, нашли свое отражение в концепции энактивизма.¹⁷

Проблемам знания, смысла, языка в контексте аналитической философии посвящены работы отечественных мыслителей Никифорова А. Л., Макеевой Л. Б., Востриковой Е. В., Куслия П. С.¹⁸ Вопросы из области семантики рассматривались также Марковой Л. А., Фатенковым А. Н.¹⁹

Происхождение языка стало предметом научных исследований Дерягиной М. А., Васильева С. В., Бурлак С., Кошелева А. Д. и др.²⁰ К

¹⁴ См. Радченко О. А. Проблема языкового сообщества в немецкой философии языка первой половины XX века // Вопросы языкознания, № 4, 2000. С. 110 – 138.

¹⁵ См. Язык и сознание. Аналитические и социально-эпистемологические контексты/ под ред. И. Т. Касавина. – М.: Альфа-М, 2013. – 480 с.; Язык. Знание. Реальность: к 70-летию А. Л. Никифорова/под ред. И. Т. Касавина, П. С. Куслия. – М.: Альфа-М, 2011. – 350 с.; Логическая семантика: перспективы для философии и эпистемологии: Сборник научных статей, посвященных юбилею Е. Д. Смирновой/ под ред. Е. Г. Драгаиной-Черной, Д. В. Зайцева. – М.: Креативная экономика, 2011. – 328 с.

¹⁶ См. Марков И. К. Возникновение логики Канта // Кант И. Логика. Труды Петроградского философского общества. Пг., 1915. Вып. 11. С. X – XX; Бажанов В. А. Кантианские мотивы в логике и философии науки. Идея единства априорного и эмпирического знания // Кантовский сборник, 2012, №3. С. 18 – 25.

¹⁷ См. Князева Е. Н. Телесное и энактивное познание: новый проект в эпистемологии и когнитивной науке// Эпистемология: новые горизонты. М.: Канон+, 2011. С. 130 – 154.; Князева Е. Н. Проблема восприятия: А. Бергсон и современная когнитивная наука // Логос, 3 (71), 2009. С. 173 – 184.

¹⁸ См. Язык. Знание. Реальность: к 70-летию А. Л. Никифорова/под ред. И. Т. Касавина, П. С. Куслия. – М.: Альфа-М, 2011. – 350 с.

¹⁹ См. Фатенков А. Н. Идея подвижной иерархии в структуре философского дискурса. Диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук. – Нижний Новгород: 2006. – 366 с.

²⁰ См. Дерягина М. А., Васильев С. В. Формы общения у приматов и происхождение языка человека// Язык в океане языков. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1993. С. 60 – 85; Бурлак С. Происхождение языка: Факты, исследования, гипотезы. – М.: Астрель: CORPUS, 2011. – 464 с.; Кошелев А. Д. О протоязыке и его

физиологическим аспектам языка обращались в своих научных работах Черниговская Т. В., Терехин А. Т., Будилова Е. В., Карпенко М. П., Качалова Л. М. и др.²¹

Проблемами вербальной агрессии занимались Щербинина Ю. В., Михальская А. К., Мартынов К.²²

Источниковая база исследования

В работе использовались в основном первоисточники по данной тематике. Также осмысливались непереведенные и малоизвестные статьи по психологии и психолингвистики, представленные в англоязычных периодических изданиях.

Научная новизна

Новизна диссертационного исследования заключается в осмыслении и интеграции результатов эмпирических исследований относительно функционирования языка, влияния языка на когнитивные процессы с рядом идей аналитической философии, эпистемологии, философии языка и представление этих данных в унифицированном виде.

К существенным элементам научной новизны относятся следующие:

1. В рамках исследования роли языка в формировании картины мира и влияния языковых способностей на способности когнитивные, гипотеза лингвистической относительности дополняется элементами теории языковых игр, языковой установки, физиологической активности, что позволяет

трансформации в человеческий язык (лексико-семантические аспекты)// Дифференционно-интеграционная теория языка. – М.: Языки славянских культур, 2011. С. 155 – 182;

²¹ См. Черниговская Т. В. Nature vs. Nurture в усвоении языка// Дифференционно-интеграционная теория развития. – М.: Языки славянских культур, 2011, С. 479 – 493; Терехин А. Т., Будилова Е. В., Карпенко М. П., Качалова Л. М., Чмыхова Е. В. Возрастные изменения когнитивных свойств мозга: нейросетевой подход// Дифференционно-интеграционная теория развития. – М.: Языки славянских культур, 2011, С. 435 – 448.

²² См. Щербинина Ю. В. Вербальная агрессия. – М.: ЛКИ, 2008. – 360 с.; Михальская А. К. Русский Сократ: лекции по сравнительно-исторической риторике. – М.: Академия, 1996. – 189 с.; Мартынов К. Философия как оскорбление// Отечественные записки, № 6 (64), 2014. URL: <http://strana-oz.ru/2014/6/filosofiya-kak-oskorblenie> (дата обращения: 07.04.2015).

критически и разносторонне подойти к исследуемому вопросу, понять оппозицию категорий «язык» - «мышление», в чем заключается «влияние» одного на другое, как реализуется языковая активность;

2. Представлены аргументы, обосновывающие правомерность рассмотрения активности языка как нетождественной активности интеллекта; понятие «активности» языка раскрывается через исследование двух аспектов языка – языка как системы и языка как процесса;

3. Через раскрытие языковой активности предлагается новый взгляд на парадокс Витгенштейна о следовании правилу и на проблему индивидуального языка; языковые игры представлены как системы стандартизации языковых действий, которые обеспечивают и существование правил и возможность следовать этим правилам; а проявление активности индивидуального языка и гипотетическое предположение его независимости от языковых игр становится основанием парадокса;

4. Дается оценка вербальной агрессии, сопровождающей творческий процесс философствования; анализируется роль вербальной агрессии в познавательной деятельности и показывается, что она является элементом механизма реализации языковой активности, формирующей образ мысли.

Положения выносимые на защиту

1. Язык выполняет функцию опосредования субъекта и объекта познания. Языковые способности определяют возможности субъекта познавать окружающий мир. Языковые действия лежат в основе ряда когнитивных процессов и направляют их. Языковые приемы метафоризации опосредует абстрактное теоретизирование более конкретными категориями, в результате чего создается интеллектуальный, психологический эффект понимания и восприятия информации. Языковая установка является первичной реакцией субъекта на вызовы внешнего мира и представляет собой основной фактор выполнения многих когнитивных задач.

2. Языковые акты уникальны по физиологическим и психическим параметрам, и не всегда контролируются сознанием или интеллектом. Однако языковое поведение подчинено системам стандартных языковых действий («языковым играм»), благодаря которым развивается способность следовать правилам. Практика отдельных индивидуальных языковых актов становится гарантом действий по правилу, процесс освоения правила сопровождается развитием способности следовать правилу, т.е. тенденцией подчинять индивидуальные языковые действия стандартным языковым моделям. Основанием для парадокса Витгенштейна и вопроса о критериях корректного употребления понятия служат как констатация отсутствия фактов относительно сознания, которые могли бы конституировать согласование понятий, так и осмысление индивидуального языка неподчиненного языковым играм.

3. Языковое действие – это многоэтапный процесс, который включает в себе языковую задачу (этап восприятия ситуации и этап определения цели преобразования), программирование решения (этапы определения *что* и *как* надо сделать) и само решение, языковой акт. Языковое действие может реализовываться с разной долей участия сознания и интеллекта, а также и вовсе без их участия.

4. Языковая деятельность является формой осуществления взаимодействия с окружающей средой, а также активного воздействия на эту среду, изменяющего ее с небезразличными для субъекта результатами. Предпосылкой для решения любой языковой задачи является преодоление неподвластных, непредусмотримых сил, которые не могут контролироваться только стереотипами сознания – в коммуникационном процессе такой силой может быть понимание собеседника, а в познавательном процессе сам предмет познания.

5. Отдельные элементы и этнолингвистические особенности языка как системы (семиотический аспект языка) также могут определять восприятие окружающего мира носителя данного языка. Языковые сообщества по-

разному могут кодировать аспекты мира (время, пространство, число), что приводит к различным психологическим эффектам при решении одинаковых задач. Однако эта относительная обусловленность отлична от эпистемологической, абсолютной обусловленности познания языковым явлением, суть которого заключена в понимание языка как процесса.

6. Вербальная агрессия, как одна из форм языковой активности, представляет собой динамическую сторону познавательной деятельности, в частности философствования. Будучи процессом осуществления деятельности, вербальная агрессия формирует установки и внутрисистемные переходы в этой познавательной деятельности – сдвиг мотива на цель и т.д. Подобный взгляд на активность позволяет определить ее как совокупность обусловленных индивидом языковых актов, обеспечивающих реализацию, развитие и видоизменение процесса познания.

Теоретическая и практическая значимость исследования

В настоящем исследовании разработана теоретическая база для более глубокого понимания места и роли языка в познавательной деятельности. Данное исследование, направленное на изучение функциональных особенностей языковых компонентов в познании, имеет существенное значение для более точного представления о сущности языка, а также для понимания того, почему данная проблематика оказалась весьма актуальной для многих философов и психологов.

Результаты диссертационной работы могут быть использованы в дальнейших исследованиях лингвофилософии, в преподавании общих и специальных курсов по философии языка и теории познания.

Апробация результатов исследования

Результаты диссертационного исследования были представлены в форме докладов на международных конференциях²³. По теме исследования

²³ Романенко Р.А. Проблема соотношения языковой и онтологической картин мира в философии Парменида// III Международная молодежная научно-практическая

автором подготовлены и опубликованы статьи в журналах, входящих в перечень российских рецензируемых научных журналов ВАК²⁴.

Структура и объем работы определены поставленными задачами. Диссертация состоит из Введения, трех глав, Заключения и Библиографии. Объем диссертации составляет около 140 страниц. Библиография включает приблизительно 150 источников.

конференция «Научные исследования и разработки молодых ученых». Новосибирск, 2015. С. 134 - 137; Романенко Р.А. Структура языкового действия и его роль в познавательном процессе// VII Международная научно-практическая конференция: «Отечественная наука в эпоху изменений: постулаты прошлого и теории нового времени». Екатеринбург, № 2 (7), 2015. С. 121 – 123.

²⁴ Бажанов В.А., Романенко Р.А. Язык. Знание. Реальность. К семидесятилетию А.Л. Никифорова // Вопросы философии, 2012, №10, с. 176 – 181; Романенко Р.А. Проблема вариативности влияния языковых способностей на когнитивные процессы // Теория и практика общественного развития, 2013, № 10, с. 49 – 52; Романенко Р.А. Феномен вербальной агрессии в философии: этико-эпистемологическая дилемма//Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики, 2014, №1, Ч. 2, с. 170 – 174; Романенко Р.А. Проблема соотношения языка и познания в свете теории установки//Теория и практика общественного развития, 2014, № 3, с. 50 – 53.

ГЛАВА I. Исторические и методологические предпосылки исследования роли языка в процессе познания

Вопрос о значимости языка в познании окружающего мира взаимосвязан с общими аспектами природы и сущности языка. Обоснование языка как отдельного предмета философского и научного исследования является важной предпосылкой для постановки и анализа данной проблемы. Это постепенное историческое обоснование, протянувшееся через несколько веков, привело к пониманию языка как одного из центральных элементов познания с формирующей мышление и картину мира функцией.

Несмотря на то, что сегодня вопросы о языке угрожают поглощением всей эпистемологической проблематике²⁵, а роль языка в ряде концепций определяется как ведущая в познавательных процессах, так было не всегда. Изначально проблема влияния языка на познаваемую реальность находилась на периферии теории познания и только в ходе исторического осмысления данная проблема набирала вес и смещалась ближе к центру. Эволюцию становления лингвоцентризма можно представить следующим образом:

Докантовский период понимания функции языка в познавательной деятельности:

- 1) Первая рефлексия над языком относилась к выявлению его сущности – природное ли это начало соответствующее окружающей реальности или же это спонтанное образование человеческой деятельности (Гераклит, Демокрит, Платон). На этом же этапе появляется имплицитное понимание активности языка как источника лживого мнения противопоставленного истинному знанию чистого разума (Парменид);
- 2) Построение грамматики языка по средствам логических форм преодолевает противопоставление языка и мышления, как двух

²⁵ Касавин И. Т., Вострикова Е. В. Введение. Язык и познание// Язык и сознание. Аналитические и социально-эпистемологические контексты. – М.: Альфа-М. 2013. С. 7

взаимоисключающих средств познания действительности (Аристотель);

- 3) Язык понимается как фундаментальная способность, присущая только человеку. Хотя способность мыслить оценивается как гораздо более важная и не всегда сопровождаемая языковой деятельностью (христианская доктрина). За языком остается функция именования предметов существующих в реальности (Августин);
- 4) Начинается сопоставление различных народных языков пока только с целью выявить глубинную основу языка сопряженную с формами мышления (Декарт, Лейбниц). Язык признается составляющим элементом в духовной, познающей организации субъекта (Гоббс, Локк);

Посткантовский период понимания активной роли языка в процессе познания:

- 5) «Коперниканский переворот» в философии, проделанный Кантом, на первый план выводит субъекта познания и его интеллектуальные способности, конструирующие картину познаваемой реальности. Теперь вместе с активностью субъекта познания исследуется активность языка. Особенности различных языков определяют разнообразие представлений об окружающем мире (Гумбольдт);
- 6) Завершает эту лингвистическую эволюцию этап абсолютизации и онтологизации языка. Язык предстает доминирующим над мышлением феноменом (Уорф), а также единственно возможным предметом философских исследований (Витгенштейн, Венский кружок).

Рассмотрим подробнее эти исторические сдвиги в области языка и познания.

1.1 Докантовский период понимания функции языка в познавательной деятельности

Философское осмысление проблем языкознания, таких как соотношение вещи и имени вещи, мысли и слова появилось впервые в культуре древней Греции, когда мифологической трактовке мировых событий сознательно оказалась противопоставлена основополагающая мысль философского рассуждения, мысль о единообразной закономерности Вселенной.²⁶ Именно в философии древней Греции начала сформировываться идея о зависимости познания окружающего мира от языковых способностей.

Спор о природе слов лег в основу двух взаимоисключающих позиций относительно происхождения и природы языка. Авторами этих двух позиций, названных теорией фюсей (physei) и теорией тезей (fhesei) принято считать Гераклита и Демокрита соответственно.

Гераклит утверждал, что между вещью и названием существует внутренняя связь. Следовательно, изучение слова должно привести к сущности предмета, который назван этим словом.

Согласно Демокриту, вещи обозначаются словами по установлению людей, а не сообразно природе самих вещей. Слово не является двойником той вещи, которое оно обозначает. В качестве доказательства Демокрит указывает на наличие нескольких слов для обозначения одной вещи или наоборот – разные вещи обозначаются одним словом. Следовательно, язык несовершенен и является творчеством людей, а не природы.

Этот спор воспроизведен в диалоге Платона «Кратил». Персонажи произведения, Сократ, Гермоген, Кратил, размышляют об отношении между предметами и их названиями, и каждый выдвигает собственное решение. Кратил, сторонник гераклитовской концепции, считает согласованность имени и вещи природной. Гермоген настаивает на договорном характере имен.

²⁶ Кассирер Э. Философия символических форм. Т. 1: Язык – М.: Академический Проект, 2011. С. 53

Сократ не разделяет полностью ничьей из двух сторон. Познание, считает Сократ, не может сводиться к анализу языка: «не из имен нужно изучать и исследовать вещи, но гораздо скорее из них [вещей] самих».²⁷ Слово не всегда отражает сущность предмета, а связь между предметом и его названием не может быть случайной, иначе человеческое общение было бы невозможным.

В споре Демокрита и Гераклита речь идет пока только об отражательной функции языка. Но соотнесение языковой системы с реальностью становится прологом к вопросу о распределении ролей между субъектом и объектом познания, между словом и вещью.

В философии Парменида также поставлена проблема соотношения названия вещей с их сущностью. Но им была и осмысленна более глубокая философская проблема соотношения системы языка и общей картины мира. Необходимо подробно разобрать идеи Парменида относительно языка, так как они освещают и момент появления философии языка.

Каждая языковая система несет в себе начальное представление о мире. В грамматике русского языка, как и во всех номинативных языках, с помощью падежей выражены субъект-объектные отношения, предлоги служат для концептуализации пространственных отношений, глагольные формы констатируют наличие время и движения, а роль определенного артикля (используемого в европейских языках) заключается в выработке представления о субстанции. Овладевая языком, индивид перенимает уже готовую картину мира, и только потом, благодаря приобщению к науке, философии, культуре, его мировоззрение корректируется, обогащается, и т.п.

В контексте такого понимания роли языка в процессе познания философская концепция Парменида, отрицающая движение и постулирующая тождество бытия и мышления, обращает на себя особое внимание, так как противостоит «традиционной» древне-греческой языковой реальности. Осмыслить бытие с помощью чистого разума, «вырваться из

²⁷ Платон. Кратил// Платон. Собрание соч.: В 4 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1993. С. 678

оков языка» - задача, которую поставил перед собой Парменид. Однако философом поставленная задача решается отчасти лингвистическим способом. Понятие «бытия», им введенное, является лингвистической точкой, исходным положением, от которого концептуализируется новая картина мира, не соответствующая грамматике языка, а значит и сложившейся обыденной концепции мира.

Согласно Пармениду универсум вечен и неподвижен, он «един, единокроен, неизменен и нерожден» а возникновение (генезис) мнимых-согласно-ложному-субъективному-представлению, равно как и ощущения чужды истине.²⁸ Понятие «бытие» призвано объединить в себе все смыслы того, что существует, то, что можно определенно обозначить, а те грамматические конструкции и элементы, которые не могут быть наравне с этими смыслами вобранны в «бытие», Парменидом исключаются. Так отрицается «ничто», «небытие» и любая форма отрицания присущая языку. Лингвистическая проблема перенесена автором в онтологическую систему, чтобы избежать противоречий самому себе – так как отрицается ничто, в которое «входит отрицание вообще».²⁹ В концепции Парменида понятие «бытие» не равно по объему понятию «небытия». Небытие лишь фрагмент языковой реальности, а бытие – основной фундаментальный принцип построения онтологической реальности (в данном контексте сопоставления условно двух реальностей термин «онтологическая реальность» вовсе не тавтологичен). В этом моменте онтологического отрицания лингвистических форм отрицания, с одной стороны, поскольку это отрицание вообще, еще наблюдается зависимость от принудительных форм языка, с другой стороны, выражается воля размежевания «истинного» взгляда на мир от «ложного» видения, обусловленного языковыми особенностями. Намеченная Парменидом тенденция размежевания умопостигаемого от языкового, чем дальше уходила от своего истока, тем больше становилась завуалированной и

²⁸ Парменид// Фрагменты ранних греческих философов. – М: Наука, 1989. С. 278

²⁹ Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии. Книга первая. – СПб.: Наука, 2006. С. 264

казалось бы непричастной к проблеме языка, да и в философии самого Парменида проблема соотношения языка и познания или «ложного мнения» неявна.

На каком основании интерпретацию парменидовского бытия как мнимой единицы семантического поля языка можно считать правдоподобной? Семантическое поле – самая крупная смысловая парадигма, объединяющая слова различных частей речи, значения которых имеют один общий семантический признак, в нашем случае таким признаком является существование. Можно было бы определить «бытие» Парменида как название семантического поля всего языка. Но тогда рассмотрение данного понятия останется в рамках рассмотрения языка, и не только не будет исчерпывать суть данного понятия, но и элиминирует его онтологический аспект. Понятие «единицы» в нашем изначальном определении является альтернативой понятия «доминанты» гипонимического поля, оно не просто возвышается над другими элементами поля, оно определяет возможность присутствия элементов в этом поле и даже более того, является смыслообразующим для этих элементов понятием. «Единица» покрывает семантическое поле, представляет собой единый смысл. «Мнимой» же эта «единица» названа потому, что ее на самом деле не может быть в языке, она противоестественна языковой природе. То есть единицы целостного семантического поля языка не существует. Это условно предполагаемая языковая категория призвана показать, что при определенном изменении структуры языка, а значит и изменении внутренней формы языка, если понятие и не образуется само по себе, то, по крайней мере, подготавливается предпосылка для появления качественно нового понятия (в нашем случае, это «бытие»), которое в свою очередь преобразовывает картину мира.

Итак, рассматривая человеческую речь как нечто сопоставимое с чувственным восприятием, нечто, что целиком относится к *лживому* миру явлений, Парменид стремится снять противоречие, которое возникает в

сравнении формы изложения философствования и обыденного языка. Иначе, все, что сказано Парменидом, следуя логике его основного тезиса о человеческой речи, также будет *ложью*. Фактически Парменид подобрал альтернативу языковой картине мира – интеллектуальное философское видение, но опять же с помощью языковых, опираясь на словотворчество. Здесь следует сделать оговорку относительно понятия *лжи* в контексте философии Парменида. Предложенная М. Хайдеггером интерпретация слова *ψεῦδος*, как тождественного словам «сокрытия» или «утаивания»,³⁰ более удачно вписывается в такую лингвофилософскую трактовку греческого мыслителя, чем популярный перевод словом «ложь». Так как применительно к языковой картине мира более корректным представляется выражение сокрытия языком актов чистого разума, чем утверждение о ложности языка. Отсюда и понятие языковой активности обретает определенный смысл. Эта активность заключается в фундаментальной борьбе за преодоление сокрытого.

Для констатации активности языка в процессе познания важно понять структуру исследуемого феномена. В этом направлении большой вклад внес Аристотель. Он классифицировал грамматические категории, опираясь на знания в области логики. В «Поэтике» Аристотеля дан анализ речи: «Во всяком словесном изложении есть следующие части: элемент, слог, союз, имя, глагол, член, падеж, предложение».³¹

Элементом, Аристотель называет, неделимый звук из которого может возникнуть разумное слово. Под звуком может пониматься и слог, и слово. Различие гласные и полугласных, по Аристотелю, зависит от формы рта, от места их образования, густым и тонким придыханием, долготой и краткостью и, кроме того, острым, тяжелым и средним ударением. Слог

³⁰ Хайдеггер М. Парменид. URL: <http://www.platonizm.ru/content/martin-haydegger-parmenid> (дата обращения: 05.04.2015)

³¹ Аристотель. Поэтика. Об искусстве поэзии// Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. – Минск: Литература, 1998. С. 1094

представляет собой подчиненный значению звук, который состоит из безгласного и гласного. Союз (связка) - это незначащий звук, который не мешает и не содействует сложению единого значащего звука возникшего из многих звуков; он ставится и на концах и в середине предложения, хотя в начале он не может стоять сам по себе. Союзом также называется незначащий звук, который из нескольких значащих звуков может образовать один значащий звук.³²

Аристотелем выделены три части речи: имя — слово, которое что-то называет; глагол — слово, которое не только называет, но и указывает время называемого; частицы, которые не называют, а стоят при именах и глаголах.

Аристотеля принято считать основателем формальной логики. Отождествляя имя с логическим субъектом, философ утверждал, что именем является лишь именительный падеж, глагол имеет исключительно форму 1 лица ед. ч. (все прочие формы имени и глагола - отклонения от этих форм).

Аристотель сформулировал учение о формально-логическом суждении, о субъекте суждения и о предикате. Он первый стал толковать предложения как выражения формально-логических суждений, но не всякие предложения, а только предложения типа «Мурка – кошка», «камни не мягки», т. е. такие, в которых утверждается наличие или отсутствие в субъекте какого-либо признака.

Обозначения «категории» в философии Аристотеля указывают на тесную связь анализа логических и грамматических форм. Категории – это общие характеристики бытия и также высказывания высшего рода. Именно структура предложения стала основой при создании аристотелевской системы категорий. «В категории субстанции ясно проглядывает грамматическое значение существительного, в категориях количества и качества, в «когда?» и «где?» проглядывает значение прилагательного и

³² Аристотель. Поэтика. Об искусстве поэзии// Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. – Минск: Литература, 1998. С. 1094

наречий места и времени».³³ Этот параллелизм логических и грамматических построений, обуславливающих друг друга, признавался и средневековыми мыслителями.

Связав логику с грамматикой, Аристотель имплицитно заложил в эпистемологию трехкомпонентную модель познания: язык, мышление, реальность. Хотя взаимосвязи этих компонентов в то время оставались малоисследованными.

Логическое направление в грамматике, в котором предложение трактуется как выражение формально-логического суждения, останется актуальным и в XXI веке.

Фундаментальное представление о языке, да и все проблемы языкознания античности базировалось на философии и только к началу II в. до н.э. стали приобретать самостоятельность. Язык стал отдельным предметом исследования и проблема взаимосвязи языка и познания начала обретать более выраженную форму.

Античная лингвофилософская мысль в средневековый период была развита в христианских философско-богословских учениях «отцов церкви» - представителей ранней, средней и поздней патристики. Ими язык рассматривался как один из основных атрибутов человека. Внимание уделяется коммуникативной и познавательной функциям языка, проблемам взаимосвязи языка и мышления, сущности языкового знака, происхождению языка и множественности языков. Учение о языке выступало как составная часть богословия, как компонент целостного средневекового видения мира.

В рамках христианской доктрины владение языком представлялось важнейшим отличием человека от животных. Сущность человека виделась в единстве «тела» и «души», а сущность языка понималась в единстве звуков и значений.

Ценность языка заключается в предназначении открывать другому человеку свои мысли. В структуре речевого действия обязательными

³³ Кассирер Э. Философия символических форм. Т. 1: Язык – М.: Академический Проект, 2011. С. 59

элементами являются говорящий, слушающий и воздушная среда, где распространяется звук.

Отцы церкви относились скептически к вопросу о локализации способности к творческому мышлению и языку в головном мозге. Они постулировали единство и неразрывную связь души, ума и слова. Причем ими признавалась способность мыслить без произнесения слов вслух. Таким образом, в патристике ставилась проблема внутренней речи, которая предшествовала речи внешней. Несмотря на то, что отцы церкви отрицали общий источник происхождения человеческого и животного языков, язык человека не обожествлялся и признавался несоответствующим именуемым реалиям (ниже их по достоинству).

Для мыслителей того периода характерно утверждение о существовании единого человеческого языка, а культурные различия национальных языков считались не существенными. А поскольку сохранялось предпочтение к латинскому и греческим языкам, то полагалось, что по грамматике латинского языка можно понять устройство любого из народных языков.

В отличие от античных философов, средневековые богословы размышляли не об истинности имен и их связи с самой вещью, а о том, что в природе вещей познано и названо человеком, хотя и признавались нетождественными познание знака и познание вещи.

Важную роль в становлении философии языка средневековья сыграли рассуждения Августина об изучении и усвоении естественного языка. В этих рассуждениях отразились фундаментальные идеи языкознания, которые служили основой для исследований проблем языка вплоть до середины XX века (когда подверглись критическому анализу со стороны Л. Витгенштейна). Приведем полный фрагмент «Исповеди», посвященный изучению языка: «Я схватывал памятью, когда взрослые называли какую-нибудь вещь и по этому слову оборачивались к ней; я видел это и запоминал: прозвучавшим словом называется именно эта вещь. Что взрослые хотели ее

назвать, это было видно по их жестам, по этому естественному языку всех народов, слагающемуся из выражения лица, подмигиванья, разных телодвижений и звуков, выражающих состояние души, которая просит, получает, отбрасывает, избегает. Я постепенно стал соображать, знаками чего являются слова, стоящие в разных предложениях на своем месте и мною часто слышимые, принудил свои уста справляться с этими знаками и стал ими выражать свои желания. Таким образом, чтобы выражать свои желания, начал я этими знаками общаться с теми, среди кого жил».³⁴ В этой картине сформулирована идея о том, что отдельные слова в языке именуют объекты. Предложения являются комбинациями подобных имен. Всякое слово обладает значением, которое сопоставлено этому слову.

Позднее в XI – XII вв., в разгоревшемся споре между реалистами и номиналистами по поводу универсалий, более отчетливо прозвучали идеи о несоответствии того, что выражается языком и того, что существует в природе. Однако универсалии средневековыми мыслителями осознаются как рече-мыслительные феномены и в большей мере относятся именно к мышлению, а не к особенностям языка. Так проблема соотношения языка и окружающего мира созревает в рамках проблемы соотношения объективной реальности и субъективного мышления.

В период XVI – XVIII вв. расширяется круг задач, увеличивается количество проблем имеющих отношение к исследованию языка. Анализируются и сравниваются языки разных народов. Кросс-культурный анализ языка, как покажет дальнейшее развитие лингвофилософской мысли, предваряет основные идеи релятивизма о зависимости когнитивных способностей от особенностей и способностей языка.

В этот период также делаются попытки создания универсальных грамматик, т. е. грамматик человеческого языка вообще, являющихся по своему характеру теоретическими, дедуктивными.

³⁴ Августин Блаженный. Исповедь. – СПб.: Азбука, 2014. I, VIII

Одним из первых теоретиков универсальной грамматики был Декарт. И хотя этот философ в своих основных работах не ставил язык в качестве предмета самостоятельного рассуждения, но в одном письме к Мерсенну, где затрагивается проблема языка, Декарт придает трактовке этой проблемы «очень характерный и чрезвычайно значимый для дальнейшего развития поворот».³⁵ Декарт полагал, что за множеством разнообразных форм языка скрывается одна универсальная, обусловленная разумом форма языка.³⁶ Ведущая мысль Декарта о двойственной природе (духовной и материальной) человека, также определила на долгое время традицию рассмотрения языка как одухотворенного начала и как чисто физическое материальное явление.

Лейбниц, как и Декарт, рассматривал проблему языка в контексте универсальной логики, которая представлена в качестве предпосылки любой философии. Слова анализируются как содержательные элементы мышления, разлагаются на более простые составляющие, из которых может быть образован «алфавит мыслей». Создание универсального языка, по мнению Лейбница, неизбежно ведет к прогрессу в области познания, так как «прогресс в обеих областях – анализа идей и создания знаков – движется их взаимодействием, идет совместно».³⁷

Логический идеал был чужд философам-эмпирикам. При рассмотрении языка они уделяли внимание его психологической составляющей. Для Дж. Локка в его концепции познания язык был основным свидетелем истинности эмпирических воззрений. «Мы приблизимся немного к источнику всех наших понятий и всего нашего познания, если заметим, как велика зависимость наших слов от обыкновенных чувственных идей и как слова, которыми пользуются для обозначений действий и понятий, весьма далекие от чувства, происходят из этого источника и от идей, явно чувственных, переносятся на более неясные значения, обозначая идеи, не относящиеся к области наших чувств... «Дух» в своем первоначальном значении есть

³⁵ Кассирер Э. Философия символических форм. Т. 1: Язык – М.: Академический Проект, 2011. С. 60

³⁶ Декарт Р. Сочинения в 2 т. Т.2. – М.: Мысль, 1994. С. 542 - 543

³⁷ Лейбниц Г. В. Сочинения в четырех томах: Т. 3. – М.: Мысль, 1984. С. 42 - 43

«дыхание»... И я не сомневаюсь, что, будь мы в состоянии проследить слова до их источников, мы нашли бы, что названия, обозначающие вещи, не относящиеся к области наших чувств, во всех языках имели свое первое начало от чувственных идей».³⁸ Таким образом, не являясь самоцелью эмпиризма, анализ языка служит средством для анализа идей. Языковые обозначения не выражают непосредственно вещи, но соотносятся с идеями духа, с собственными представлениями говорящего.

Другим представителем эмпиризма, Томасом Гоббсом были подняты проблемы различия конкретных и абстрактных имен, и злоупотребления абстрактными именами в теоретическом мышлении. Гоббс считал, что конкретные имена возникли до образования предложений, абстрактные же имена «возможны только после образования предложений, из связки которых они возникают».³⁹ Злоупотребление абстрактными именами заключается в следующем: «Так как теплота и другие акциденции могут быть рассматриваемы сами по себе, то полагают, будто об акциденции можно говорить как о чем-то вообще, поддающемся отделению от тела. Отсюда вытекают грубые заблуждения некоторых метафизиков. Так как мышление можно рассматривать независимо от тела, то заключают, будто для мышления не необходимо тело».⁴⁰

В XVI – XVIII вв. активно велись поиски генетических связей различных языков с целью установления праязыка, единого источника для всех языков мира. Г. В. Лейбниц обнаружил родство между финским и венгерским, и пытался увязать их с тюркскими языками, не разделяя расхожее в то время убеждение, будто древнееврейский язык является праязыком. Развитие языка, по его мнению, процесс постепенный, и для выделения прошедших стадий, необходимо отталкиваться от изучения современных языков.

В XVIII в известность получила работа Иоганна Готфрида Гердера «Трактат о происхождении языка». Гердера принято считать создателем

³⁸ Локк Дж. Сочинения: В 3-х т. Т. 1. – М.: Мысль, 1985. С. 460

³⁹ Гоббс Т. Сочинения в 2 т. Т.1. – М.: Мысль, 1989. С. 95

⁴⁰ Гоббс Т. Сочинения в 2 т. Т.1. – М.: Мысль, 1989. С. 96

первой исторической теории языка. Его учение о связи развития языка с развитием мышления, обусловленным развитием человеческого общества, легло в основу философии языка Гумбольдта, Штейнталя и Потебни. Согласно Гердеру, в основе человеческого прогресса лежат природные, географические и духовные, культурные факторы. Он допускал возможность постижения истории человеческого рассудка и души через изучение различий в языках. Им выделено три «возраста» языка: молодость (язык поэзии, язык чувств), зрелость (язык художественной прозы, язык разума) и старость (язык с высокими требованиями к логической правильности и синтаксической упорядоченности). Язык в концепции философа – это выражение духовной жизни народа. Отсюда его призыв собирать народные песни, сказания, сказки как памятники прошлого, реализованный, между прочим, и в своих опытах издания произведений фольклора.

В XVI – XVIII вв. были систематизированы знания предшествующих веков в области создания письма, каталогизации и первоначальной классификации языков мира, выработки принципов лексикографического описания языка, приемов интерпретации текстов, эмпирического описания лексического состава и грамматического строя многих языков, построения концептуального аппарата теоретической грамматики.

Выводы: В докантовском периоде просматривается процесс лингвоцентризма, возрастающий интерес к исследованию роли языка в познавательной и культурной сфере человеческой жизни, однако проблема активной роли языка в процессе познания явно не поставлена, можно констатировать лишь предпосылки для постановки данной проблемы: в философии Парменида заложены основы понимания языковой картины мира, как альтернативы интеллектуальной; учение Гердера о взаимосвязи языка и мышления повлияет на возникновение идеи В. фон Гумбольдта внутренней формы языка, как активной созидательной силы культуры и образа мысли различных народов; проблема Гоббса о соотношении абстрактных и

конкретных имен впоследствии в XX – XXI вв. будет решаться через осмысление метафор как фактора реализации языковой активности.

1.2 Посткантовский период понимания активной роли языка в процессе познания

С Иммануила Канта начинается новая эпоха философствования, открывается перспектива понимания языка как созидающей силы не только в эстетическом, но и в эпистемологическом смысле. Философия И. Канта предоставляет большой материал для развертывания контекста, в рамках которого может рассматриваться проблема роли языка в познании. Можно выделить две важные кантовские идеи, послужившие эпистемологическим базисом для многих лингвофилософских и психолингвистических исследований языка. Это, во-первых, идея активности субъекта познания и, во-вторых, идея единства чувственности и рассудка в познавательных процессах.

Согласно немецкому философу, априорные формы чувственности, рассудка и разума связаны с организацией субъекта познания. Когнитивные способности познающего субъекта обеспечивают в сознании единство различных явлений окружающего мира, которые относятся к категориям всеобщего и необходимого. Все формы нашего мышления дают нам знание о вещах только такими, какими они нам являются, а не такими, каковы они в себе. Благодаря категориям, начальным формам мышления, вещи становятся доступными опыту познающего субъекта. Эти установочные категории выводились Кантом аналогично семантическим универсалиям Лейбница, Декарта, а позже Вежбицкой, но только не из анализа языка, а из форм суждений. Кант считал, что поскольку мышление само конституирует предметы, постольку основные формы суждения могут служить нам руководством к обнаружению основных форм категорий.

Идея активного участия субъекта познания в конструировании познаваемого мира дала карт-бланш исследованиям, в которых

обосновывается зависимость познаваемой картины мира от тех или иных фундаментальных антропологических и психологических характеристик субъекта познания. Так в отечественной логике XIX – XX вв. эта идея отразилась в методологическом подходе психологизма, когда, например, операция отрицания в «воображаемой логике» Н.А. Васильева «определяется в некотором «воображаемом мире» соответствующей психологической организации познающего субъекта».⁴¹ В современной философии идея активности субъекта нашла отражение в концепции энактивизма, постулирующей детерминированность знания от телесных качеств субъекта. В лингвистике след кантовской идеи замечен и в гипотезе лингвистической относительности, в которой, правда, акцент с активной познавательной роли языка смещен на проблемы релятивизма и культурные отличия в концептуализации различных явлений.

Второй немаловажный аспект кантовской философии относительно тесной связи чувственности и рассудка также подготовил теоретическое основание для будущего осмысления места и задач языка в структуре познания. Кант считал, что только единство двух истоков – чувственности и рассудка или созерцания и понятий, дает познание: «Мысли без содержания пусты, созерцания без понятий слепы».⁴² Посредством чувственности и созерцания предметы даются, посредством рассудка они мыслятся. Но и эти два элемента познания должны быть опосредованы связующим их звеном. Такое звено Кант назвал трансцендентальной схемой отличной от образа вещей: «Образ есть продукт эмпирической способности продуктивного воображения, а схема чувственных понятий (как фигур в пространстве) есть продукт и как бы монограмма чистой способности воображения а priori; прежде всего благодаря схеме и сообразно ей становятся возможными образы, но связываться с понятиями они всегда должны только при посредстве обозначаемых ими схем и сами по себе они совпадают с

⁴¹ Бажанов В. А. О роли идей И. Канта в развитии логики и университетской философии в России // Кантовский сборник. 2010, № 2 (32). С. 55

⁴² Кант И. Критика чистого разума. – М.: Наука, 1998. С. 102

понятиями не полностью».⁴³ Понятие «трансцендентальной схемы», с которой соотносятся интеллектуальные представления, напоминает внутреннюю форму языка Гумбольдта, обращенной к чувственной и к интеллектуальной сторонам духа, и является прообразом понятия «установки» Д. Узнадзе.

В общем, кантовские мотивы проявляются во многих лингвофилософских исследованиях, где языку отводится самостоятельное место и подчеркивается существенное значение языка относительно познаваемой реальности.

Основоположником немецкой философии языка, давший обоснование вообще всей философии языка, является Вильгельм фон Гумбольдт. Именно с помощью языка он стремился исследовать культуры различных народов и многообразие всего мира. Именно в концепции Гумбольдта язык представлен как ключ к пониманию менталитета и специфики мышления людей, владеющих тем или иным языком. Связь языка и интеллекта неразрывна, но в создании и развитии внутренней формы языка участвуют кроме мышления еще чувства и эмоции, считает Гумбольдт.⁴⁴

В XIX в. теория Дарвина не осталась без внимания у исследователей языка. Принципы дарвинизма были экстраполированы и на теорию языка. Утверждалось, что языки, как и любые живые организмы, рождаются, развиваются, стареют и даже умирают. Языки также подвергаются естественному отбору. Одним из таких теоретиков натурализма в языкознании был Г. Шлейхер. Концепция Шлейхера, в которой язык рассматривается как природная сущность, была реакцией на идеалистическое понимание языка Гумбольдта. В этой концепции отстаивается идея внеисторичности языковых феноменов, развитие языков подчиняется лишь природным законам.

⁴³ Кант И. Критика чистого разума. – М.: Наука, 1998. С. 224

⁴⁴ Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода: Введение во всеобщее языкознание – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013.С. 46

Натурализму были противопоставлены концепции психологизма Г. Штейнталя и В. Вундта, в которых язык рассматривался в тесной связи с мышлением. Согласно Вундту язык образуется бессознательно. Слово возникает из инстинктивного побуждения, это субъективный продукт внутреннего движения. Слово выражает не само представление о предмете, а бессознательное воздействие этого представления на внутренний мир человека.⁴⁵

Отечественным представителем психологизма того времени являлся А.А. Потебня. Он предложил рассматривать язык не как застывшую систему, а как процесс. Он считал, что каждый акт речи уникален и неповторим, точно также как индивидуальна и неповторима психическая деятельность человека. Язык и вещи опосредованы психикой человека. «Слово с самого своего рождения есть для говорящего средство понимать себя, апперцепировать свои восприятия. Внутренняя форма, кроме фактического единства образа, дает еще знание этого единства; она есть не образ предмета, а образ образа, то есть представление».⁴⁶

Итак, можно отметить, что развитие языкознания Нового время происходило в фарватере достижений других дисциплин таких как психология, биология, культурология. В тоже время в отдельных учениях о языке сохранилась приверженность традиционной логики. Одними язык рассматривался как процесс, другими – как система. Таким образом, понятие языка обрастало все большим и большим смыслом, а соответственно с этим становилось все больше путей к исследованию этого феномена.

В XX в. приоритет перед диахроническим подходом к проблемам языка получил подход синхронический. Выделение и описание этих двух подходов предложил Ф. де Соссюр: «*Синхроническая лингвистика* займется логическими и психологическими отношениями, связывающими сосуществующие элементы и образующими систему, изучая их так, как они

⁴⁵ Вундт В. Психология народов. – М.: Эксмо, 2002. С. 58

⁴⁶ Потебня А. А. Мысль и язык. – СПб.: Лабиринт, 2007. С. 25

воспринимаются одним и тем же коллективным сознанием. *Диахроническая лингвистика*, напротив, будет изучать отношения, связывающие элементы в порядке последовательностей, не воспринимаемой одним и тем же коллективным сознанием, - элементы, заменяющиеся одним другими, но не образующие системы».⁴⁷ Самого Соссюра принято считать разработчиком именно синхронического подхода, а наиболее широко использовался этот подход в структурном языкознании. Впоследствии синхроническое направление стало источником теоретического и методологического материала для историко-генетического языкознания. Также возникли новые дисциплины на стыке диахронического и синхронического подходов.

Основатель генетической психологии Ж. Пиаже, исходя из связи между мышлением и речью, построил исследование развития мышления через изучение развития речи детей. Он пришел к выводу, что процесс развития мышления является процессом экстерниоризации, т.е. мышление образуется как аутистическое, внутреннее, а затем, проходя стадию эгоцентризма, становится внешним. Процесс развития речи подобен процессу развития мышления – эгоцентрическая речь, речь для себя, становится речью социальной, речью для других.⁴⁸ Пиаже в своих исследованиях не брал во внимание роль среды, культуры в развитии языка, речи и мышления. Речь и мышление развиваются по собственным правилам и внешнее их проявление в среде есть заключительный этап их логического завершения.

Внимание на культуре как на формирующем язык феномене было обращено исследователя этнолингвистики в традициях философии Гумбольдта такими как Эрнст Кассирер и Лео Вайсгербера. Основная мысль их лингвофилософских учений заключается в констатации уникальности национальных языков, отображающих мировоззрение народов. Язык согласно Кассиреру, является формой «чеканки бытия», «директивой движения духа, того процесса, в котором реальность конституируется для нас

⁴⁷ Соссюр Фердинанд де. Курс общей лингвистики. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. С. 103

⁴⁸ Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка. – М: Педагогика-Пресс, 1994. – 528 с.

как единая и многообразная, как множество форм, спаянных в конечном счете единством смысла».⁴⁹

Теоретическим ядром этнолингвистики стала гипотеза лингвистической относительности Сепира – Уорфа, основным тезисом которой было утверждение, что язык определяет мышление и действия.⁵⁰

К середине XX в. формулируются принципы генеративного языкознания, которое используя логико-математические методы и идеи универсальной грамматики, вместе с тем обращается к когнитивной психологии. Генеративизм внес в языковедческое исследование моменты динамизма, которого не доставало классическому структурализму, но методологическая ограниченность структурализма, а именно замыкание интересов на изучении внутренней структуры языка в отвлечении от языковой деятельности говорящего и внеязыковых факторов, не была преодолена.

В отечественной психологии вклад в понимание языка и речи внесли Л. С. Выготский, исследовавший эгоцентрическую речь, взаимоотношение языка и мышления,⁵¹ А. Р. Лурия, также объединивший проблемы сознания с проблемой языка и искавший корни этих процессов в общественных формах существования человека,⁵² Д. Н. Узнадзе, доказавший существования языковой установки,⁵³ А. А. Леонтьев,⁵⁴ В. В. Давыдов, и др.

Апология языкоцентризма была достигнута школами «аналитической традиции» западной философии, к которым можно причислить логический атомизм Л. Витгенштейна и Б. Рассела, а также доктрины языка ряда философов Венского кружка. В перечисленных концепциях язык был абсолютизирован и представлялся единственно возможным предметом

⁴⁹ Кассирер Э. Философия символических форм. Т. 1: Язык – М.: Академический Проект, 2011. С. 41

⁵⁰ Сепир Э. Статус лингвистики как науки// Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М.: Прогресс, 1993. С. 27

⁵¹ Выготский Л. С. Мышление и речь// Психология мышления. – М.: АСТ: Астрель, 2008. С. 490 – 508.

⁵² Лурия А. Р. Язык и сознание. URL: http://www.center-nlp.ru/library/s55/nlp/yazik_soznanie.html?print_version=true¤t_book_page=2 (дата обращения 28.09.2014)

⁵³ Узнадзе Д. Н. Психологические исследования. – М.: Наука, 1966. – 451 с.

⁵⁴ Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность. – М.: ЛЕНАНД, 2014. – 224 с.

философии без соотнесения его с системами знаний и представлений человека об окружающей действительности. Задача всей философии заключалась в критике языка.⁵⁵ В связи с этим внимание обращалось на несовершенство естественного языка как основного источника ошибок познания, указывались причины его несовершенства: наличие в языке терминов, не обозначающих объектов действительного мира; нарушение требований синтаксиса; нарушение правил логического синтаксиса.⁵⁶ На основании критики естественного языка планировалось построение идеального искусственного языка, который позволил бы избежать бессмысленных предложений в науке и философии. Так считая язык абсолютным медиумом познания, поглотившим всю эпистемологию, мыслители аналитической философии негативно оценивали его влияние и стремились вскрыть закономерно возникающую в языке «трансцендентальную иллюзию».⁵⁷

Иным, принципиально отличающимся от неопозитивистского подхода, стала «философия обыденного языка». В этой философии концепции языка как картины мира пришла концепция языка как средства дробления и осмысления мира. В философии обыденного языка задачей становится подробное описание логики употребления языковых выражений в определенной языковой ситуации, «языковой игре».

В последние десятилетия XX в. появились и существуют до сих пор новые концепции и школы, которые условно могут быть объединены под именем функционально-деятельностного языкознания. В них предлагается широкое понимание языка, не ограниченное номенклатурой дискретных языковых единиц и совокупностью структурных отношений между ними. К числу функционально-деятельностных лингвистических дисциплин можно отнести психолингвистику, нейролингвистику, этнолингвистику,

⁵⁵ Витгенштейн Л. Философские исследования – М.: Астрель, 2011. С. 24

⁵⁶ Carnap R. The Logical Syntax of Language. – L.:N Routledge, 2001. P. 240-242

⁵⁷ Грязнов А. Ф. Язык и деятельность: Критический анализ витгенштейнианства. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. С. 17

социолингвистику, стилистику, новую риторику, лингвистику текста, теорию речевых актов, лингвистику динамически развивающегося дискурса, функциональную семантику, этнографию речи, конверсационный анализ, когнитивную лингвистику, коммуникативную грамматику и ряд других дисциплин. Они строятся преимущественно на основе принципа синхронизма.

В целом, из исторического обзора языкознания можно выделить следующие методологические проблемы, которые актуальны сегодня и определяют лингвофилософскую концепцию:

- следует ли рассматривать язык как целостное явление, связанное с мышлением, культурой или ориентироваться на внутриструктурные отношения и зависимости между языковыми элементами;
- имеет ли язык двойственную природу, форму и значение, или же язык монофизичен и представляет собой асемантический феномен;
- следует ли язык рассматривать как динамический процесс или как статическую систему;
- считать, что основная движущая сила в развитии языка проистекает из внутрисистемных отношений (т.е. в самом языке) или же основную роль играют внеязыковые факторы;
- определять язык как явления материальной или же идеальной сущности.

Опираясь на эти вопросы можно дать характеристику описываемого в диссертации представления о языке, а также использовать их в качестве ориентиров в труднообозримом множестве различных направлений, концепций, школ.

Активность языка в познавательных процессах не исключает возможность рассмотрения языка, как в статике, так и в динамике. В первом случае имеются в виду грамматические формы активно участвующие в конструировании окружающей реальности, во втором случае – языковая деятельность ориентирующая мыслительные операции. Внеязыковые

факторы при этом могут быть так же рассмотрены в процессе познания мира без умаления значимости языковых способностей.

Выводы. Процесс развития научного и философского знания в области языка сопровождается развитием тенденции языкоцентризма, констатацией ведущей роли языка в конструировании картины мира. Результаты эмпирических исследований и выводы сугубо аналитических работ относительно влияния языковых способностей на когнитивные часто совпадают, что указывает на объективность и фундаментальность понимания языка как медиума познания. Постоянный исторический интерес и множество междисциплинарных подходов к языковым феноменам делают язык сложным многогранным и вместе с тем перспективным предметом исследования. Коренные сдвиги в теории познания, когда субъекту отводится главная роль в познавательном процессе, приводят к пересмотру оценки роли языка, а рефлексия над языком и связанные с ней открытия часто являются причиной переосмысления целых интеллектуальных областей, в частности переосмысления целей и задач философии.

ГЛАВА II. Актуальные парадигмы исследований языковой активности

2.1 Физиологическая активность и ее отношение к феноменам языка

Проблема роли языка в процессе познания может быть переформулирована как проблема языка в процессе преодоления незнания. Область знания человечества необъятна для одного человека, но и эта область ничтожно мала по сравнению с окружающей ее бесконечным незнанием, неизвестным. Часть знаний передается человеку обществом и человек пассивно ее воспринимает. Но большую часть знаний мы вынуждены активно добывать сами, вычленять ее из сферы неизвестного и приспособливать это знание в пользу своей жизни, так как много из того что неизвестно и не познано может нести опасность и угрозу. Не все, что известно обществу легкодоступно отдельному человеку, и здесь для того, чтобы приобщиться к тому, что было открыто до него, ему необходимо активно добиваться этого. Одной из форм реализации стремления к познанию является вопрошание, постановка вопросов.

С самого рождения ребенок прислушивается к миру, лопочет ему в ответ. Через несколько лет языковая активность выражается в задавании вопросов. Вопрос ребенка «что это?» демонстрирует эту активность, волю к преодолению непонятного и сокрытого. Тип языкового действия, который можно обозначить как формулировка вопроса, в данном случае является непосредственной реакцией на восприятие неизвестного. Это не тот вопрос, который содержит мнение и уже предполагает определенный ответ (например, вопрос учителя к ученику).

Как физические «движения, имеющие какой-то реальный смысл, в преобладающем большинстве преодолевают какие-то *внешние силы* (тяжести, трения, сопротивления противника), уже полностью неподвластные

действующей особи и не предусмотримые для нее»⁵⁸, точно так же в гносеологическом аспекте человек противостоит тем непознанным или недостаточно познанным силам и явлениям, которые воздействуют на него, стремясь изменить их в потребном ему отношении.

В этой языковой борьбе преодоления незнания, преодоления ничто язык проявляется как разумная сила. Здесь речь идет не о противопоставлении знания и иллюзии, обмана. Истинное или ложное представление о мире отсылает уже к содержанию языка. В этом смысле, действительно, знание необязательно должно осуществляться в языковой форме.⁵⁹ Но в более фундаментальном видении языка в философско-антропологическом контексте знание противостоит незнанию. И здесь активная познавательная роль языка предстает незаменимой. Мир без языка такой же непознаваемый мир, как и мир загробный (если таковой вообще существует).

«Говорить на языке значит действовать»⁶⁰, лингвистическое действие представляет собой единство звука и значения, познание зависит от физиологических особенностей познающего субъекта. Исходя из этих посылок энактивизма и теории языковых игр, напрашивается сопоставление физиологической и лингвистической активностей. Известны попытки бихевиориста Дж. Уотсона представить мысль, да и познание вообще, как деятельность речевого аппарата.⁶¹ Сопоставление языковой активности с активностью физиологической приводит к пониманию того, что мы называем «лингвистическим действием».

Действительно, при сравнении физических действий с лингвистическими обнаруживаются некоторые сходства, благодаря чему складывается более ясное представление о языковом действии. Рассмотрим

⁵⁸ Бернштейн Н. А. Пути и задачи физиологии активности. URL: <http://a-mov.ru/papers/bernstein-ocherk-11-puti-i-zadachi-fiziologii-aktivnosti.html> (дата обращения 07.05.2015)

⁵⁹ Лекторский В. А. Проблема знания в современной эпистемологии// Язык – знание – реальность. – М: Альфа-М, 2011. С. 249

⁶⁰ Витгенштейн Л. Философские исследования – М.: Астрель, 2011. С. 30

⁶¹ См. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. – СПб: Питер, 2000.С. 395

такую физиологическую черту как изменчивость навыков действий. Физиологам известно, что не существует кинематических стереотипов, что каждое движение по-своему «оригинально» и даже «с младенчества освоенных актах, как ходьба, достаточно было от приглядки перейти к применению точной аппаратуры, чтобы обнаружить, что ни один шаг не идентичен другому даже на гладком месте, не говоря уже о ходьбе по неровной дороге».⁶² Эта изменчивость присуща и языковым действиям, речь идет не только о произнесении звуков. В духе Витгенштейна представим следующую ситуацию:

Некто *A* просит *B* пятьдесят раз произнести слово «заяц». *B* удовлетворяет просьбу и в момент 50-кратного произнесения *A* замечает, что слово «заяц» произносится *B* по-разному, то на выдохе, то на вдохе, то громче, то тише, то быстрее, то медленнее и т.д. Можно возразить: лингвистическое действие включает в себя смысловое содержание и, несмотря на разное звуковое выражение слова «заяц», смысл слова остался неизменным. Тогда *A* спрашивает у *B*, какого зайца тот имел в виду, когда произносил слово 49 раз, того же самого зайца который представлялся перед первым произнесением слова? Скорее всего, *B* ответит, что не представлял никакого конкретного зайца и произносил слово «автоматически». Скептик опять возразит: что в таком случае языковое действие *B* было неосознанным или необдуманным. Но ведь *B* произнес именно слово «заяц», а не «кролик» или «волк» и именно 50 раз подряд! У нас нет оснований считать, что действия *B* были неразумными, они соответствовали требованиям *A*.

Предположим, *A* усложняет задачу и просит *B* перед каждым произнесением слова «заяц» вызывать в себе образ зайца, и так 50 раз. Теперь *B* представляет мультипликационного зайца, потом зайца которого он видел на охоте, на пятый раз это может быть только голова зайца или игрушка-заяц. Возможно он каждый раз представляет одного и того же зайца.

⁶² Бернштейн Н. А. Пути и задачи физиологии активности. URL: <http://a-mov.ru/papers/bernstein-ocherk-11-puti-i-zadachi-fiziologii-aktivnosti.html> (дата обращения 07.05.2015)

Но может ли В серьезно утверждать, что каждый раз он представляет одинаково четко и ясно одного и того же зайца с одинаковой окраской, одинакового размера?

Тем не менее В представляет зайца, а не волка! – Конечно, но и шаги при ходьбе, несмотря на разнообразные физиологические характеристики, определяются как шаги, а не каждый раз как нечто иное.

Эта, стилизованная под философствование Витгенштейна языковая игра, демонстрирует: а) значительную «внутреннюю связность» различных когнитивных и физических процессов; б) что универсализма (в радикальном виде) категорий может и не быть даже в рамках одной языковой игре. Тогда возникает вопрос: могут ли языковые игры рассматриваться как связующие звенья языка и реальности?

В концепции Витгенштейна больше всего смущает употребление термина «языковая игра» в ситуациях, которые могут с таким же успехом быть названы «когнитивными играми» или, как выразился А.Л.Никифоров, «онтологиями», которыми мы попеременно пользуемся и выбираем в зависимости от конкретной ситуации.⁶³ Утверждая, что «говорить значит действовать», необходимо прояснить понятие «действовать».

Из приведенной выше языковой ситуации можно констатировать внутреннюю связность языковых и когнитивных действий. Стандартным определителем этой связной структуры языкового действия, по аналогии с двигательным действием, может являться языковая задача. Тогда любое языковое действие может быть представлено как пятиэтапный процесс:

- 1) Этап восприятия и оценки ситуации;
- 2) Этап определения цели преобразования: что посредством активности индивида *должно стать* вместо того, *что есть*;
- 3) Этап определения *что* надо сделать;

⁶³ Никифоров А. Л. Чувственно-вербальное построение мира//Язык – знание – реальность. – М.: Альфа-М, 2011. С. 41

- 4) Этап определения *как* это сделать, с помощью каких языковых средств;
- 5) Этап реализации языкового решения.

Первый и второй этапы представляют собой постановку языковой задачи. Задача не тождественна восприятию ситуации, имеет больший информационный объем. Группа людей может «играть в одну языковую игру», однако языковое поведение будет различным у каждого из них, чему нетрудно найти примеры.

Третий и четвертый этапы – это этапы программирования решения определившейся задачи.

Программа языкового действия по ходу реализации может меняться в связи с изменчивостью ситуации и несовершенством самой программы. Этапы перехода от ситуации к языковому действию, равно как и к любому физическому действию, не предполагают наличие и активность высокоорганизованных нервных систем. «Те же этапы также имеют место и в таких примитивнейших действиях, как, например, охота хищной рыбы за живой добычей. Здесь налицо и ситуация, воспринимаемая в нужной форме и мере, и двигательная задача, и программа ее решения. Как именно кодируется то и другое в нервных приборах хищной рыбы или летучей мыши, нам совершенно неизвестно, но бесспорно, что для их действенности не нужны ни сознательность, ни особенно высокая нервная организация».⁶⁴ Когнитивные невербальные процессы могут участвовать в различных языковых действиях, в разной степени обуславливать микроэтапы, однако нет прямой зависимости языкового действия от этих процессов.

Все языковые действия можно выстроить в ряд по признаку значимости для них внешнего входного стимула, и, как следствие, непосредственного влияния языковой установки. С одного края этого ряда будут находиться языковые действия, обуславливаемые стимулом и

⁶⁴ Бернштейн Н. А. Пути и задачи физиологии активности. URL: <http://a-mov.ru/papers/bernstein-ocherk-11-puti-i-zadachi-fiziologii-aktivnosti.html> (дата обращения 07.05.2015)

языковой установкой: крик о помощи, стон от резкой боли, восклицание от радости или испуга. С другого края обнаружим языковые действия независимые от внешнего стимула, где языковая установка играет опосредованную через интеллектуальные процессы роль: сочинение стихотворения, истолкование текста и т. п. Здесь языковая программа и часто даже сама инициатива определяется человеком самостоятельно

Посередине разместятся языковые акты, стимулируемые внешними сигналами. Зависимость смыслового содержания этих актов от пускового сигнала неоднозначна и имеет разную меру. Например, ответ на приветствие, может быть симметричен и вписываться в схему стимул – реакция: «Привет!» - «Привет!», а может включать еще и намерение втянуть приветствующего в беседу: «Привет!» - «Привет! Как дела?». Во втором случае следует действие с программой, в меньшей мере связанной по значению с пусковым сигналом «Привет!».

Перемещение вдоль такого ряда языковых действий совпадает с постепенным переходом от пассивных актов к проявлениям все возрастающей степени активности.

Относительно этапа определения цели преобразования (второй этап языкового действия) следует иметь в виду вероятностную модель будущего, образуемую комплексом нервных процессов. Такой «комплекс существует и играет важнейшую роль в том активном воздействии на окружающий мир»⁶⁵, которое демонстрирует язык в процессе преодоления незнания. Вероятностный характер модели будущего объясняется изменчивостью ситуации. Однако языковая задача, определяемая индивидом, категорично устанавливает один единственный исход из складывающейся ситуации. Так активность, направляемая противопоставлением вероятностной модели будущего и определившейся языковой задачи, представляет собой динамику борьбы индивида за нужный ему результат. «Эта борьба ведет к понижению

⁶⁵ Бернштейн Н. А. Пути и задачи физиологии активности. URL: <http://a-mov.ru/papers/bernstein-ocherk-11-puti-i-zadachi-fiziologii-aktivnosti.html> (дата обращения 07.05.2015)

энтропии системы, включающей в себя индивида и его непосредственное окружение, т.е. представляет собой всегда негэнтропический процесс»⁶⁶. Одним из условий характера борьбы является временной промежуток реализации языкового действия и степень сложности языковой задачи. С усложнением задачи и удлинением промежутка времени, на который делается попытка предвосхищения, возрастает мера активности субъекта.

Стратегия языкового поведения зависит и от интенсивности разворачиваемых событий. Необходимость для субъекта быстрого выбора стратегии, отсутствие времени на точную оценку также является причиной конфликта и противодействия.

Далее, сам бытийный контекст («языковая игра») изменчив, независим от действий субъекта, что сказывается на постоянстве конфликтной ситуации индивида с окружением.

Таким образом, говорить на языке значит не просто действовать, а противодействовать. Язык – это форма борьбы, средство преодоления незнания и непонимания.

Общность языка одного народа казалось бы предполагает возможность трансцендентальной всеобщей языковой задачи, а значит и построения модели будущего учитывающей всех носителей данного языка. Такая трансцендентальная задача должна исключать конфликт между привлеченными в ее решение индивидами. Однако в достижении всеобщей цели конфликты индивидов не только не сглаживаются, напротив, требуется разжигание и усиление противоборства для повышения индивидуальной активности. Выполнение трансцендентальной задачи (обогащение культуры, накопление опыта и т.п.) напрямую зависит от созданий условий препятствования и подавления индивидуальных стремлений, но не с целью тотального подчинения индивидуальных интересов, а с целью стимулирования индивидуальной активности. «То, что выходит наружу в разговоре, есть постоянно повторяющееся покушение ввязаться во что-

⁶⁶ Там же.

нибудь и связаться с кем-нибудь. Но это означает: подвергать себя чему-нибудь (ставить под угрозу)».⁶⁷

Взгляд на культурные различия языков приложим и к индивидуальным различиям языка. Разнообразие индивидуальных языков представляется произведением стремления раскрыть врожденную способность к языку, различными успехами этого стремления, по мере содействия интеллекта и воспитания. Развитым индивидуальный язык можно считать тогда, когда в языке постоянно проявляется сила интеллекта, ясность представлений, четкость высказываний, креативность, чувство гармонии и ритма звуков. Человек, одаренный от природы и находящийся в благоприятной социальной среде должен получить и развитые языковые способности.

Индивидуальный язык, как и язык народа, развивается из внутренней потребности, а не только из-за необходимости общения друг с другом. Эта внутренняя потребность есть важное условие для индивидуального развития и для формирования картины мира, «для приобретения миросозерцания, которое достигается только тогда, когда мышление отдельного лица оказывается ясным и определительным в мышлении всех и каждого».⁶⁸ Развитие индивидуального языка, движимое внутренней потребностью, продолжается до тех пор, пока не удовлетворить всем требованиям духа. И в этом смысле развития индивидуальный язык историчен, как и язык народа. Индивидуальный язык, являясь частью языка народа, стремиться раскрыть свою сущность в действительности. Рассмотрение индивидуального языка в контексте всеобщего языка народа может служить отправным пунктом для классификации индивидуальных языков от примитивных до более совершенных.

Если преимущество народного языка перед другими языками зависит от свойств его первоначального устройства. То преимущество

⁶⁷ Гадамер Х.-Г. Текст и интерпретация. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000037/st001.shtml> (дата обращения 03.03.2015)

⁶⁸ Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода: Введение во всеобщее языкознание – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. С. 11

индивидуального языка зависит от его адаптированности к языковым играм, т.е. от различных языковых практик, в которых индивидуальные свойства обретают общезначимость. Хотя общезначимость и понятность индивидуального языка обретаются в системах стандартных языковых действий, успех в отдельной языковой игре не всегда зависит от потребности и реализации сообщения с другими людьми.

Индивидуальный язык, тем не менее, всегда зависит от систем стандартных языковых действий, его практика связана с языком сообщества. Как и умственное развитие отдельного человека, даже при его затворничестве, возможно посредством другого лица, также и индивидуальные языковые способности формируются во взаимодействии с окружением. Таким образом, стремление к всеобщему языку переплетено с чувством индивидуальности.

В физиологическом аспекте речь и слух представляют собой взаимодополняющие компоненты. Необходимым условием речи является слух. Глухота или недостаток слуха представляют угрозу для языкового развития и умственного развития в целом. При том, что роль зрительных ощущений в познании мира велика, что зрительные ощущения «доставляют человеку исключительно богатые и тонко дифференцированные данные»,⁶⁹ сравнительно-физиологические исследования показали, что именно глухота и немота сказываются на интеллектуальном развитии сильнее, чем слепота.⁷⁰

Существуют два фундаментально различных механизма обеспечивающие основные параметры акустических сигналов:

- 1) *Фонация*, локализована в гортани, главная функция – контроль высоты звука;
- 2) *Артикуляция*, физическая основа – резонанс ротовой полости, функция – обеспечение фонемной структуры.

⁶⁹ Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. – СПб: Питер, 2000. С. 215

⁷⁰ Дюдель Й., Рюэгг Й., Шмидт Р. Физиология человека. Т. 1 – М.: «Мир», 1996. С. 277

Так при шепоте артикуляция осуществляется при отсутствии фонации, что позволяет заключить о различии этих двух механизмов.

В сжатом виде действие этих механизмов можно описать следующим образом:

Начальной фазой речи является подготовка к выдоху. Голосовая щель при этом закрыта, за счет чего в грудной клетке возникает высокое предголосовое давление, более высокое, чем при обычном выдохе. При закрытой голосовой щели голосовые связки выгибаются, и тогда воздух проходит через щель в ротоглоточную полость. Так как голосовая щель относительно узка для выдыхаемого воздуха, то скорость его потока выше, чем в трахее, а давление значительно ниже. В результате этого голосовая щель закрывается, и процесс повторяется вновь. Так голосовые связки создают колебания Бернулли. Прерываемый связками поток воздуха обеспечивает звук, голос с частотой, соответствующей частоте прерывания.

Число открываний и замыканий голосовой щели в определенный промежуток времени зависит главным образом от натяжения голосовых связок и в меньшей мере от предголосового давления. Эти параметры изменяются при сокращении мышц гортани и грудной клетки. Повышение натяжения голосовых связок увеличивает основную частоту звука. Контроль за уровнем частоты звука может осуществляться сознательно.⁷¹ Так последний этап языкового действия, как и остальные четыре, может осуществляться с разным участием сознательных, интеллектуальных импульсов.

Однако при шепоте голосовые связки не вибрируют. Прилегая друг к другу, они оставляют мелкое отверстие в области черпаловидных хрящей. Воздух, который проходит через него, вызывает шум используемый для речи.

Через голосовую щель воздух попадает в голосовой тракт, который включает в себя ротовую, носовую и глоточную полости. Ротовая полость и носоглотка разделены мягким небом. Конфигурация ротовой полости

⁷¹ Дюдель Й., Рюэрг Й., Шмидт Р. Физиология человека. Т. 1 – М.: «Мир», 1996. С. 299

изменяется и зависит от положения челюстей и языка. Так приподнятый язык может разделять полость на две части. Это возможно благодаря небной, жевательной мускулатуре и мышцам языка, который, имея многочисленные мышцы, способен занимать во рту любое положение.

Кроме прерывания воздушного потока в голосовой щели, существует другое акустическое явление – турбулентные вихри в различных местах дыхательного тракта, производящие слабый шум в широком диапазоне частот. Звук на отдельных участках голосового тракта возникает тогда, когда воздух, заполняющий эти полости, приходит в колебательное движение. Каждая отдельная полость голосового тракта имеет собственную частоту колебания. В процессе артикуляции при каждом особом положении языка, мягкого неба и челюстей возникают частоты, слышимые за счет резонанса.⁷²

Выводы. Речь – это сложный механизм, имеющий много звеньев. В этот механизм включено большое количество мышц и органов. Возможно даже пищеводная речь, когда воздух заглатывается в пищевод, а затем, при выходе из него, создает шум, вовлекающий в резонансные колебания полость рта и глотки.⁷³ Так человек говорит не одним языком, а всем своим организмом. Учитывая эту сложность механизма, можно заключить об уникальности лингвометрических параметров говорящего. И это различие углубляется, если сравнивать говорящих на разных языках, так как для процесса говорения на конкретном языке требования к положению губ, языка, челюстей своеобразные. Размышляя о зависимости познания от языковых способностей, следует учитывать зависимость речевых актов от физиологических данных субъекта познания (это отсылает нас опять к идеям энантизма), а значит и о физиологической зависимости языка в целом. Принцип активности заключается в приоритете роли внутренней лингвистической программы при осуществлении познавательной деятельности. Языковая активность соответствует вероятностному

⁷² Дюдель Й., Рюэгг Й., Шмидт Р. Физиология человека. Т. 1 – М.: «Мир», 1996. С. 300

⁷³ Там же. С. 301

прогнозированию развития событий и направлена на достижение целей путем преодоления собственного незнания и непонимания собеседника.

2.2 Язык сквозь призму идей установки и языковых игр

Установив физиологическую основу языка, обратимся к проблемам определения роли языка в восприятии действительности, существования внесознательной языковой установки, определяющей способ, форму направленность познания; рассмотрим концепцию установки Дмитрий Николаевич Узнадзе, так как его идеи могут быть использованы для осмысления характерных черт языковой активности и ее реализации в познавательных процессах.

Вопрос о гносеологическом статусе языка на сегодняшний день остается открытым. Неразрешенность этой проблемы связана с тайной природы языка. «Что такое язык – вечный вопрос, не решенный до сих пор, хотя эта проблема существует тысячелетия».⁷⁴ С осознанием безнадежности познать сущность языка произрастает философский скепсис относительно языка, который уже можно назвать традиционным. «Вместо того чтобы быть кораблем философского познания, язык до сих пор, судя по всему, был склонен становиться непосредственным и наиболее мощным инструментом философского скепсиса».⁷⁵ Убеждение, что философское основоположение языка, достижимо лишь средствами психологии, подтверждается возрастающим количеством научных фактов, противоречащих некоторым догмам философии языка. В частности, тезис, что «язык – лишь материальное средство воплощения и выведения плодов работы мозга»⁷⁶ основывается на идеи «общечеловеческого мышления» и не согласуется с результатами психологических исследований когнитивных способностей представителей разных национальностей; с результатами, которые свидетельствуют не только о том, что не существует общечеловеческого

⁷⁴ Кривоносов А. Т. Философия языка – М.: Азбуковник, 2012. С. 10

⁷⁵ Кассирер Э. Философия символических форм. Т. 1: Язык – М.: Академический Проект, 2011. С. 8

⁷⁶ Кривоносов А. Т. Философия языка – М.: Азбуковник, 2012. С. 243

восприятия действительности, но и о том, что особенности языка могут влиять на познавательные функции.⁷⁷ Однако психология исследуя, что язык «влияет», что язык «формирует», не отвечает на вопрос, что такое язык относительно познания, а ограничивается констатацией его активной роли в различных когнитивных процессах.

Одной из задач данного исследования является определение статуса языка относительно познания, и раскрытие смысла понятия «активности языка» в процессе познания.

Разработанная Д. Н. Узнадзе теория гласит, что установка, в более общем смысле, это внесознательное целостное состояние, момент динамической определенности психической жизни субъекта, его (субъекта) целостная направленность в определенную сторону на определенную активность. Установка субъекта – это «его основная, его изначальная реакция на воздействие ситуации, в которой ему приходится ставить и разрешать задачи».⁷⁸ Разработанная в рамках марксистско-ленинской парадигмы, теория установки сопряжена с такими базовыми для советской психологии и философии понятиями как «потребность», «отражение», «деятельность». Каждое живое существо, в частности человек, вследствие импульса какой-нибудь потребности и в аспекте этой потребности вынужден установить определенное отношение с внешней действительностью. После этого, согласно теории установки, у него, как у целого – субъекта этого взаимоотношения, - возникает установка определенной активности и последующая его активность, в частности и психологическая, направляется этой установкой. То, как отражается внешняя действительность, к которой он обращается, обусловлено его установкой.⁷⁹

В концепции Узнадзе так же есть менее известный, более узкий смысл понятия установки, а именно, установка как внутренняя форма языка. Узнадзе называет такую установку «языковой». Существование такой

⁷⁷ Бородин Л. Как язык формирует мышление// В мире науки, №5, 2011. С. 15

⁷⁸ Узнадзе Д. Н. Психологические исследования. – М.: Наука, 1966. С. 150

⁷⁹ Там же. С. 436

установки психолог доказывает экспериментально. Если испытуемому для чтения предложить написанный латинским шрифтом ряд иностранных слов (например, немецких) и затем, в качестве критического опыта, дать какое-либо такое русское слово, которое не содержит ни одной специфической русской буквы, то в таких случаях испытуемый и это слово читает латинской транскрипцией, т.е. как иностранное слово. Это значит, что если у человека выработана установка чтения на одном из каких-либо языков, то он написанное на другом языке воспринимает также согласно установке. Аналогичные результаты получены в опытах с установкой письма. У испытуемого вырабатывается фиксированная установка писать на определенном языке – ему диктуют ряд слов определенного языка и он записывает их. В критических опытах ему дают слово другого языка, тогда испытуемый это слово также воспринимает как слово, принадлежащее тому языку, на котором была выработана установка, и пишет соответствующим шрифтом.⁸⁰

Однако в интерпретации данных результатов Узнадзе не выходит за границы проблемы языка. Чтение и письмо представлены психологом не как когнитивные процессы, но лишь как механизмы речи, которым установка дает направление. В действительности языковая установка активизирует не только механизм конкретного языка, но и те силы и способности, которые нужны для чтения и письма на этом языке. Таким образом, языковая установка предшествует интеллектуальной работе, дает импульс когнитивным функциям и направление познанию. Отсюда нельзя сделать вывод, что язык формирует познаваемую картину мира. Языковая установка стимулирует активность мышления, благодаря чему становится вообще возможным познание.

Доминирующую, первичную, установочную роль языка относительно других когнитивных процессов можно обнаружить, обратив внимание на тест Джона Струпа. Этот тест для диагностики способностей – выделять

⁸⁰ Узнадзе Д. Н. Психологические исследования. – М.: Наука, 1966. С. 434 – 435.

определенные признаки и игнорировать другие, казалось бы не имеет прямого отношения к проблеме языка. Испытуемому предлагаются сочетания названий основных цветов, где значение слова и цвет шрифта иногда совпадают, иногда нет. Задача – называть быстро цвет шрифта. Если написано красным «синий», то сказать надо красный.⁸¹ Как правило, в решении так поставленной задачи, у испытуемого возникают заминки, а иногда и ошибки. Однако если задачей будет правильно прочесть слова, то цвет шрифта не вызовет никаких затруднений сделать это.

Данный факт является свидетельством существования языковой установки и свидетельством того, что не существует какой-либо «цветовой» установки. Действительно, только некоторым состоянием, наличествующим перед решением задачи, можно объяснить трудности, возникающие при несоответствии языкового выражения и той области реальности, которая выражается. А однородностью природы этого состояния с природой языка можно объяснить отсутствие трудностей с переформулированной задачей при указанном несоответствии. Такое состояние является языковой установкой.

Ответ на вопрос, как вообще возможно решение теста Струпа при наличии языковой установки, есть в концепции Узнадзе. Дословно он сформулирован так: «Когда вследствие какой-либо причины, например усложнения потребности, ее удовлетворение задерживается или становится невозможным с помощью непосредственного импульса установки, тогда субъект на некоторое время останавливается, чтобы начать повторное осознание, скажем, повторное восприятие предмета своего восприятия или других психических процессов: он производит *объективацию* своего восприятия, обращает внимание на предмет своего восприятия. Начинается второй слой активности психической жизни – переработка психических содержаний на более высоком уровне, уровне объективации: повторное

⁸¹ Струп Тест. Тренировка восприятия. URL: <http://www.superiq.ru/tasks/strup-tests.html> (дата обращения: 06.04.2015)

переживание уже пережитого на основе установки».⁸² Другими словами, если отбросить марксистскую терминологию и применить идею к нашему случаю, то получится, что в результате несоответствия языковой установки решению поставленной задачи активизируется интеллектуальный процесс уточнения, корректировки, поиска, который в конечном итоге после некоторой задержки приводит к правильному решению. Такое решение относительно языковой установки является опосредованным мыслительной работой. В случае соответствия (второе гипотетическое задание теста Струпа) – интеллектуальный процесс также осуществляется, но «плавно» без «торможения». Решение осуществляется непосредственно на основе языковой установки.

Итак, языковая установка – это внесознательная готовность говорить и мыслить определенным образом. В учении Узнадзе понятие «языковая установка» представлено как более развитое и уточненное понятие «внутренняя форма языка» Вильгельма фон Гумбольдта. Согласно Гумбольдту, язык имеет свою «внутреннюю форму», свой собственный внутренний принцип, и закономерности. Под внешними формами понимаются грамматические формы (фонетическая, синтаксическая, морфологическая), которые сформированы в звуке. Внутренняя форма языка вовне не проявлена. «Язык представляет собой постоянно возобновляющуюся работу духа, направленную на то, чтобы сделать артикулируемый звук пригодным для выражения мысли... Постоянное и разнообразное в этой деятельности духа, возвышающей членораздельный звук до выражения мысли, взятое во всей совокупности своих связей и систематичности, и составляет форму языка».⁸³ Звук, единство чувственных впечатлений и «самодействующих движений духа», предшествующих образованию понятий, являются материалом языка, считает Гумбольдт. Именно внутренняя форма языка, как первичный фактор, определяет все

⁸² Узнадзе Д. Н. Психологические исследования. – М.: Наука, 1966. С. 437

⁸³ Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода: Введение во всеобщее языкознание – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. С. 71

проявленные особенности языка. В учении Узнадзе, в отличие от идеи Гумбольдта внутренняя форма языка (она же «языковая установка») «ни в коем случае не является чисто субъективным состоянием; наоборот, она представляет собой специфическое целостное отражение, некий процесс объективных обстоятельств ситуации, в котором субъект впервые приходит в соприкосновении с объектом и воспринимает его в его сущности».⁸⁴ О бессознательных речевых навыках поверхностно говорил и основатель теории лингвистической относительности Б. Л. Уорф. Упоминание это связано с проблемой зависимости мысли от грамматических правил языка. Воззрения человека «тесно связаны с речевыми навыками, ставшими бессознательными и автоматическими, они довольно трудно поддаются изменению и отнюдь не являются чем-то сугубо индивидуальным или хаотичным - в их основе лежит определенная система».⁸⁵

Таким образом, языковая установка это готовность говорить и мыслить в определенных обстоятельствах, при конкретных объективных условиях.

Но все ли когнитивные процессы, которые сопровождаются языковыми выражениями, являются реализацией языковой установки? Примечательным в связи с этим вопросом является описанная Штейталем техника счета африканцев манде: «Вина, отягощающая дух негра, состоит в том, что он, дойдя до пальцев ног, не покинул чувственную опору, не умножил в свободном творчестве пальцы рук до нужного ему числа, превратив короткий ряд в длинный, а опустил, будучи привязанным к своему телу, от руки, к покрытой пылью ноге. Из-за этого число вообще осталось привязанным к телу и не стало абстрактным представлением».⁸⁶ В данном случае, можно предположить, что у африканцев манде относительно счета не выработана языковая установка, они используют только наглядный фрагмент действительности, поэтому математический интеллект остается

⁸⁴ Узнадзе Д. Н. Психологические исследования. – М.: Наука, 1966. С. 443

⁸⁵ Уорф Б. Л. Наука и языкознание. URL: <http://philology.ru/linguistics1/worf-60a.htm> (дата обращения 02.02.2015)

⁸⁶ Цит. по: Кассирер Э. Философия символических форм. Т. 1: Язык – М.: Академический Проект, 2011. С. 161

примитивным. О существовании языковой установки можно было бы говорить, в том случае, если бы африканец манде, решая количественную задачу с помощью пальцев рук и ног, использовал символическое выражение или хотя бы качественно иное *именование* для пальцев при использовании их в счете. То же самое относится к ребенку, который еще не научился разговаривать – он познает мир, но это познание ограничено и лишено абстрактных представлений.

В свете теории языковой установки следует уточнить некоторые аспекты концепции «языковых игр» Людвиг Витгенштейна, тем самым, в том числе, делая более ясным понятие «языковой установки». Под языковой игрой австрийский философ понимал языковую ситуацию и связанный с ней бытийный контекст. Свое представление Витгенштейн противопоставил традиционному в то время взгляду на язык, который кратко описал так: «Отдельные слова в языке именуют объекты – предложения суть комбинации подобных имен. В этой картине языка мы находим корни следующей идеи: всякое слово обладает значением. Это значение сопоставлено слову. Оно есть объект, который обозначается словом».⁸⁷ Усвоение такого языка предполагает повторение слов в их надлежащих местах в разных предложениях. Витгенштейн, такое понимание языка называет упрощенным, примитивным, не учитывающее разнообразие способов употребления того, что мы называем «символами», «словами», «предложениями». Однако он признает, что использование подобных форм языка остаются для ребенка ведущими в обучении говорить. Добавим, что именно такой способ повторного *именования* объекта в разных ситуациях, является основным способом фиксирования языковой установки. Можно согласиться с Витгенштейном, что нельзя сводить язык к одному процессу именования и повторения слов. Однако и ставить в один ряд этот процесс с другими языковыми играми, как это делает Витгенштейн, было бы ошибочным. Забегая вперед, скажем, что языковая игра является реализацией языковой

⁸⁷ Витгенштейн Л. Философские исследования – М.: Астрель, 2011. С. 21

установки, которая формируется выше указанным способом. Чтобы стала понятней эта мысль, рассмотрим пример языковой игры «отдавать приказы», который предлагает Витгенштейн:

Строитель кричит своему помощнику: «Плиту!»

В этой связи, философ задает множество вопросов. 1) Является ли предложение «Плиту!» краткой формой предложения «Подай мне плиту»? Или, напротив, предложение «Подай мне плиту» есть удлинение предложения «Плиту!»? 2) Проговариваешь ли для себя несокращенное предложение? Что творится в твоём сознании, когда ты отдаешь такой приказ? Сознаешь ли ты, что предложение состоит из трех слов, когда его произносишь?...⁸⁸

В рамках теории установки ответить на подобные вопросы не составляет труда. Однако точность ответов на первые вопросы зависит от уточнения бытийного контекста, который обуславливает языковую установку. Например, если строитель кричит помощнику «Плиту!» в обстановке повышенного шума и вынужден повышать голос, в таком случае, при отсутствии других факторов, предложение «Подай мне плиту» окажется удлинением. Внесознательная природа языковой установки исключает необходимость, как проговаривать про себя удлиненное предложение, так и сознавать (что было бы противоречием) состав предложения. Как и в случае с тестом Струпа объективация предложения «Плита!» и переложение его в несколько слов возможно при несоответствии данной реальности и языкового выражения. Например, помощник не в состоянии поднять плиту, так как она тяжелая. Важным также является, что строитель и помощник относительно слова «плита» имеют выработанную языковую установку. Иначе ни предложение «Плиту!», ни предложение «Подай мне плиту» вообще не возможно было бы использовать. «Плиту!» и «Подай мне плиту» - это лишь внешнее фрагментарное проявление языковой установки. В общем смысле, и то и другое предложение являются, словами Витгенштейна,

⁸⁸ Витгенштейн Л. Философские исследования – М.: Астрель, 2011. С. 26 – 27.

«выродившимися предложениями», ориентирами деятельности, языковые минимумы достаточные для обоюдного понимания и совместной деятельности. В этом смысле, языковая установка выполняет функцию экономии мышления, освобождая строителя и его помощника при выполнении работы от терзающих Витгенштейна вопросов.

Проблема бессознательного в языковом и познавательном процессе, хотя самим Витгенштейном не акцентирована и не выражена в систематической форме, оказалась для его последователей очевидной настолько, что в философских работах имели места быть аналогии учения Фрейда и некоторых витгенштейновских концепций: «Витгенштейн, по-видимому, чувствовал, что проникновение Фрейда в бессознательное чем-то напоминает его собственное стремление прорваться сквозь внешний слой «поверхностной грамматики» (нечто вроде сверх-Я) к «глубинной грамматике» (так сказать, Оно) языка».⁸⁹

С опорой на идею языковой установки может быть рассмотрена одна из популярных проблем аналитической философии – проблема следования правилу. Эта проблема, поставленная Витгенштейном, послужила поводом для Сола Крипке интерпретировать философию позднего Витгенштейна как философию скептицизма, что в свою очередь привело к оживленной дискуссии и по вопросу самой интерпретации Крипке и по вопросу следования правилу.

Заметки Витгенштейна о правилах и следовании правилам находятся в параграфах 143 – 242 «Философских исследований». Принципиально важным в размышлениях на эту тему представляется первая фраза параграфа 143: «Теперь изучим следующий тип языковой игры...»⁹⁰ – здесь содержится указание на то, что последующий ход философствования о различных предметах происходит в рамках языкового феномена, с учетом того, что далее обозначенные проблемы являются, так или иначе сопряженными с

⁸⁹ Грязнов А. Ф. Язык и деятельность: Критический анализ витгенштейнианства. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. С. 19

⁹⁰ Витгенштейн Л. Философские исследования – М.: Астрель, 2011. С. 95

проблемой языка. Проблема следования правилу в том виде, в котором ее предложил Витгенштейн, не может быть адекватно исследована без анализа идеи «языковой игры» - центрального понятия концепции австрийского философа.

«Термин «языковая игра» призван выразить то обстоятельство, что говорить на языке означает действовать».⁹¹ Принципиально нового понимания языка в этой формулировке нет. Примерно в те же годы (40-е XX в.) Рубинштейн разрабатывал деятельностный подход в психологии, где деятельность субъекта рассматривается в процессе ее становления и совершенствования, а игра как один из основных видов деятельности. Понимание же того, что говорить означает действовать, можно найти уже у Гумбольдта, а позже и у его последователей. «Язык мне принадлежит, потому что я воспроизвожу его моею собственною деятельностью... то, чем он [язык] ограничивает меня, давая известное направление моей деятельности, происходит в нем от общечеловеческой природы».⁹² «Мысль Гумбольдта, что язык всегда следует понимать не как нечто созданное, а как деятельность, что все, являющееся в нем «фактом», будет понятно лишь тогда, когда удастся выявить «факторы» его породившие, переживает при этом возрождение в новых исторических условиях».⁹³ Именно в новых исторических условиях и иным методом, принимая основную посылку Гумбольдта, Витгенштейном исследуется природа и сущность языка. Этот метод заключается в анализе различных конкретных языковых ситуаций.

Рассуждения Витгенштейна представляются аргументом в пользу существования языковой установки и ее решающей роли в ряде когнитивных процессов.

Итак, суть предложенной в параграфе 143 языковой игры заключается в том, что некто А предлагает В записать последовательность знаков

⁹¹ Витгенштейн Л. Философские исследования – М.: Астрель, 2011. С. 30

⁹² Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода: Введение во всеобщее языкознание – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. С. 61

⁹³ Кассирер Э. Философия символических форм. Т. 1: Язык – М.: Академический Проект, 2011. С. 99

согласно определенному правилу. Предполагается, хотя сам Витгенштейн на это не указывает, что В знает числа, но последовательность чисел воспроизводит не так как ожидает А, не 1,2,3,4, а 2,1,4,3. «Здесь так и хочется сказать, что он [В] понял *неправильно*»⁹⁴ – но что именно понято неправильно философ не раскрывает. Неправильно понята последовательность чисел, или суть числа, или то, что задумал А? Не означает ли правильность понимания числа в десятичной системе понимание соотношения чисел. Можно ли говорить об отдельном знании «1», знании «2» и не иметь понимания об их взаимосвязи, или же знание числа предполагает знание последовательности. Допустим, дело обстоит так, как описывает Витгенштейн, В знает о числах, но не имеет установки относительно их последовательности. Учитель А начинает наглядно обучать его этой последовательности, тем самым изменяя у В «способ *смотреть на мир*».⁹⁵ Это утверждение снова возвращает к вопросу о том, что знал о числах В до того, как ему объяснили последовательность – если у В было только рудиментарное понимание числа, то у него и не было никакого «способа смотреть на мир», если у В было такое же понимание последовательности чисел как у негра манде, когда число привязано к конкретному объекту, то тогда речь идет об ином видении, а не об ошибочном воспроизведении того, что предлагал А.

Далее, «предположим, что после некоторых усилий со стороны учителя он сумел продолжить ряд правильно, то есть так, как делаем мы. Значит, можно сказать, что он овладел системой записи. – Но как далеко ему следует продолжать этот ряд, чтобы мы это признали? Очевидно, тут не может быть предела».⁹⁶ В этом пункте с Витгенштейном можно было бы согласиться при условии, что после «9» число десять записывалось бы не как «10», а к примеру как «ЛА», вместо «11» - «8Я», и т.д. Но условием для продолжения правильной записи является именно улавливания соотношения цифр и чисел.

⁹⁴ Витгенштейн Л. Философские исследования – М.: Астрель, 2011. С. 95

⁹⁵ Там же. С. 96

⁹⁶ Там же. С. 97

Ограниченность материала для чисел устанавливает предел, благодаря которому мы можем судить о том, что В овладел системой записи. Умение продолжить ряд правильно, и воспроизвести его повторно свидетельствует о выработке определенной установки относительно чисел и их соотношений.

Возникновение вопросов у Витгенштейна связано с неразличением того, что В просто запоминает как данность, точнее фиксирует в своем языке, и что В мыслит при выполнении задания. Другими словами в изображенной языковой игре отсутствует разделительная черта между языковой установкой и когнитивным процессом, процессом объективации восприятия; нет различия между усвоением правил языковой игры и применением этих правил в ходе игры. Витгенштейн пишет о возможности многократного применения алгебраической формулы. Но в приведенной языковой игре алгебраическое преобразование применения, основанного на импульсе языковой установки, будет являться интеллектуальным преобразованием, и станет не столько языковой игрой, сколько игрой когнитивной. Витгенштейн понимает, что применение правила к ряду чисел не сводится к знанию алгебраической формулы и само *знание* применения правила ряда ставится под сомнение.

Далее философ вплотную подходит к проблеме внесознательного состояния, диспозиции, посредством которого объяснимо проявление этого знания. Диспозиция – это готовность, предрасположенность субъекта к поведенческому акту, действию, поступку, их последовательности. Диспозиция – это и есть установка в более широком смысле. Витгенштейн отвергает объяснение посредством «диспозиции» поскольку такое объяснение увлекает в другую психологическую область познания, которая не может быть охвачена понятием «языковая игра». «Ничто не способно запутать здесь надежнее, чем употребление слов «сознательное» и «бессознательное» для различения состояний сознания и диспозиций. Ведь

эта пара терминов скрывает грамматическое различие».⁹⁷ На самом деле проблема здесь заключена не в противопоставлении сознательного и бессознательного, что напротив, является ключом к решению проблемы (и Витгенштейн часто возвращается к вопросу о сознательности языковых актов), но в противопоставлении языковой природы и природы неязыковой – ментальной, психической и т.п. Один шаг, один вывод о том, что диспозиция есть феномен языка, отделяет концепцию языковых игр Витгенштейна от теории языковой установки Узнадзе. Теория диспозиций «не раз считалась ответом на скептический парадокс» Витгенштейна относительно следования правилу, работа «Философские исследования» во многом инспирировала диспозиционный анализ и служила поводом для выдвижения диспозиционного решения парадокса.⁹⁸

Хотя дальнейший анализ Витгенштейна можно интерпретировать как аргумент в пользу существования языковой установки, ряд выводов австрийского философа относительно языка представляются радикальными и не соответствуют идеи объективации, включенности интеллекта в процесс языковой игры.

В первую очередь, это относится к исследованию категории «понимания». Витгенштейн отмечает, что постижение последовательности числовой записи не всегда может быть осмысленным или рациональным. Однако один из представленных им примеров, когда В сначала выводит формулу, а потом продолжает запись, указывает именно на сознательный интеллектуальный процесс, в котором роль языка недостаточно определена. Формула, пишет Витгенштейн, может и привидеться. Действительно, это еще нельзя принять как понимание или умственный процесс, но приложение этой формулы к фрагменту реальности, в нашем случае к числовой записи, безусловно, предполагает наличие мыслительных способностей,

⁹⁷ Витгенштейн Л. Философские исследования – М.: Астрель, 2011. С. 98

⁹⁸ Крипке С. Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2010. С. 42

невозможных без определенной подготовки. Иначе говоря, здесь речь идет уже не о языковой игре, а о когнитивном процессе.

Понимание последовательности, не опосредованное формулой или схемой, вполне может проистекать внезапно из импульса языковой установки и не быть умственным процессом, однако, последующее осмысления правильности записи чисел, уточнение понимания будет содержать элементы рациональной деятельности.

Теперь проблему следованию правила можно интерпретировать как проблему фиксации языковой установки. Вопрос Витгенштейна примерно формулируется так: в чем заключается связь между моими действиями и правилами, регламентирующими мои действия? «Что значит для правила определять действие как согласующееся с ним? Или так: что значит соответствовать правилу, и что это фиксирует?». ⁹⁹ На приведенной языковой игре Витгенштейн показывает, что не существует никаких фактов-в-мире, фактов-в-сознании которые оправдали бы В продолжать ряд четных чисел, начиная с 1000, как «1002, 1004, 1006, ...». Связь между правилом и его следованием обусловлена самим языком. Следовать правилу, в данном конкретном случае, означает действовать в соответствии с языковой установкой. Любая объективация восприятия, интерпретация правила может как соответствовать правилу, так и противоречить ему.

««Подчинение правилу» будет практикой». ¹⁰⁰ Крипке полагал, что эта практика должна быть социальной. В оппозицию Крипке, Хакер и Бейкер считали, что следование правилу основывается на субъективной регулярности, т.е. индивидуальной практике. «Отношение между правилом и тем, что согласуется с ним, является *внутренним*. Ибо правило, как оно разрабатывается и применяется на практике, обеспечивает стандарт для описания действий, соответствующих ему или его нарушающих». ¹⁰¹

⁹⁹ Бейкер Г. П., Хакер П. М. С. Скептицизм, правила, язык. — М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2008. С. 99

¹⁰⁰ Витгенштейн Л. Философские исследования — М.: Астрель, 2011. С. 131

¹⁰¹ Бейкер Г. П., Хакер П. М. С. Скептицизм, правила, язык. — М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2008. С. 17

В языковой игре В имеет внесознательную готовность действовать определенным способом. Эта готовность – результат фиксации не правил, но некоторых представлений. Что тогда обуславливает в большей степени следование правилу: внутренняя готовность, на которую отчасти повлиял А, или же практика В, регулярное применение записи чисел? Если мы утверждаем, что применение на практике является гарантом действий согласующихся с правилом, тогда это утверждение отсылает нас к параграфам 145-146 «Философских исследований». А именно, к вопросу о том насколько эта практика должна быть объемной, чтобы можно было бы заключить о соответствии действий определенному правилу.

Крипке, интерпретируя Витгенштейна, как скептика, не допускал никаких (ни языковых в том числе) стабильных оснований, которые служили бы опорой следованию правил. Прошлый опыт не содержит ничего, что могло бы предопределить, как мы будем действовать в будущем. В первую очередь это касается употребления выражений. Единственным условием языковой деятельности, по мнению Крипке является конвенция сообщества говорящих относительно правильности употребления выражения. Только благодаря общественному согласию создается иллюзия стабильности значения. «Невозможно подчиняться правилу единолично».¹⁰² Будучи вне сообщества, индивид пребывает в растерянности относительно фиксаций значений используемых выражений. Индивидуальный язык, таким образом, оказывается невозможным. Гипотетический Робинзон Крузо на необитаемом острове может использовать набор собственных слов, и мы можем констатировать, что он нечто подразумевает под своими словами, так как «мы принимаем его в наше сообщество и применяем к нему наши критерии следования правилу».¹⁰³

Один из аргументов против отрицания индивидуального языка заключается в следующем: само сообщество, устанавливающее критерии

¹⁰² Витгенштейн Л. Философские исследования – М.: Астрель, 2011. С. 131

¹⁰³ Крипке С. Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2010. С.20

правильности употребления выражения может быть представлено в качестве единого эпистемологического субъекта. И если спросить у членов сообщества о критериях корректности употребления, то те будут «перекрестно ссылаться друг на друга, ибо никакого внешнего, выходящего за пределы конвенции, объективного критерия быть не может».¹⁰⁴ Такая конвенция, по мнению сторонников индивидуального языка, сводится в конечном итоге к индивидуальному согласию каждого отдельного члена сообщества. Индивид на основании регулярности собственных действий в состоянии придерживаться рамок корректного употребления выражений и без контроля со стороны общества.

Памятуя о том, что проблема следования правилу есть языковая проблема, обратимся к общему представлению о языке. Это позволит нам не согласиться как с аргументом «редукционистов», так и с позицией утверждающей логическую возможность существования индивидуального языка. Во-первых, «языкам присущ более обширный жизненный цикл, намного превышающий среднюю продолжительность жизни конкретного человека».¹⁰⁵ Эта мысль Вайсгербера не доказывает невозможность индивидуального языка, но ставит под сомнение фундаментальность «индивидуальной регулярности», «индивидуальной практики». Языковая деятельность индивида, пускай даже направленная на создание собственной языковой игры, зависима от этого общего (родного) языка, а значит, зависима и от всеобщности употребления языковых выражений.

Во-вторых, «думать, что некто подчиняется правилу, не значит подчиняться правилу».¹⁰⁶ Указывая на себя как на мерило всякого правила и языкового действия, мы навязываем и собственное представление о регулярности. Теперь индивид в вопросе о корректности применения выражения может только сослаться, на свое ментальное состояние,

¹⁰⁴ Ладов В. А., Суровцев В. А. Скептик, или к бессмыслице и обратно/ Скептицизм, правила и язык – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2008. С. 212

¹⁰⁵ Цит. по: Радченко О. А. Иоганн Лео Вайсгербер. URL: http://radcenko.ru/?page_id=141&page=8 (дата обращения 07.05.2015)

¹⁰⁶ Витгенштейн Л. Философские исследования – М.: Астрель, 2011. С. 202

основанное на регулярности. Естественно, такой аргумент не решает проблемы следованию правилу. В то время как, ссылаясь на язык как на мерило правильности, мы обретаем внешний, объективный критерий.

Итак, «язык непременно предполагает двоих, а в действительности принадлежит всему человечеству»¹⁰⁷, индивидуальный язык в той форме, в которой существуют национальные языки, невозможен. Следование правилу есть акт **языковой деятельности**, который включает в себя и внесознательные импульсы. Такую практику нельзя отнести ни к социальной, ни к индивидуальной, что связано с особым статусом языка: «Язык имеет самостоятельное бытие, и хотя действительную жизнь получает только в употреблении между людьми, но в то же время, в существе своем он не зависит от отдельных лиц. Два взгляда, в которых язык представляется и чуждым душе человека и принадлежащим ей, зависящим и не зависящим от нее, действительно в нем совмещаются и составляют особенность его существа».¹⁰⁸ Поэтому предложенный критерий не является внутренним или внешним.

Языковая игра с ее сознательными и внесознательными элементами определяет правила и критерии, а не наоборот. Правила понимаются и принимаются только в освоении языковой игры.¹⁰⁹ Не существует никаких внеязыковых критериев определяющих языковые игры. «Наша ошибка состоит в том, чтобы искать объяснения там, где следует смотреть на происходящее как на «прафеномен». То есть где мы должны сказать: *тут играют в языковую игру*».¹¹⁰ Применение правил и следование этим правилам происходит на внесознательном уровне, и как только мы пытаемся подобрать рациональную базу, некое «метаправило» обнаруживается несостоятельность подбираемых фактов, что подготавливает почву для скепсиса.

¹⁰⁷ Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода: Введение во всеобщее языкознание – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. С. 60

¹⁰⁸ Там же. С. 61

¹⁰⁹ Хинтиikka Я. О Витгенштейне. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2013. С. 65

¹¹⁰ Витгенштейн Л. Философские исследования – М.: Астрель, 2011. С. 247

Языковая игра осваивается через фиксацию языковых установок, фиксацию готовности к определенному поведению. Это достигается тренировкой отличной от обучения. Немецкое слово *abrichten*, обозначающее дрессировку животных, применяется Витгенштейном для передачи смысла освоения языковой игры.¹¹¹ Освоение языка, таким образом, осуществляется через тренировку в отдельных языковых играх.

Интеллектуальным сферам, логике и математике, отводится вторичная роль регуляции языка, его осмысления, и утверждается их несоответствие реальным предметам и ситуациям.¹¹² Так математика и логика сами по себе есть лишь интерпретации языкового поведения в отдельно взятом контексте.

Важным вопросом в понимании языка является вопрос о выражении словами наших ощущений. Какую роль играет внутренний опыт индивида при выражении ощущений. Задавая этот вопрос, Витгенштейн подбирает к нему ответ: «Как человек выучивает значение имен ощущений? – Слова «боль», например? Вот одна возможность: слова связаны с изначальными, естественными выражениями ощущений и употребляются вместо них. Ребенок причиняет себе боль и плачет; затем взрослые говорят с ним, учат его восклицаниям и, позднее, предложениям. Они учат ребенка новому поведению при боли».¹¹³ Так языковое поведение корректируется с телесными ощущениями, изменениями состояния тела. Вокализация болевого ощущения происходит и без обучения посторонних. Через резче боль, и чем ярче при этом выражено изменение телесного поведения, тем эксцентричнее будет языковое поведение проявленное криком, восклицанием, стоном. Телесное поведение сопровождается языковым поведением до всякого научения и тренировки. Сообщение о боли, например не острой, но продолжительной в области живота, это также языковое действие констатации о невозможности полноценного телесного поведения в

¹¹¹ Хинтиikka Я. О Витгенштейне. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2013. С. 66

¹¹² Козлова М. С. Был ли Л.Витгенштейн логическим позитивистом? URL: http://iph.ras.ru/elib/HP5_1.html#_ednref68 (дата обращения: 20.02.2015)

¹¹³ Витгенштейн Л. Философские исследования – М.: Астрель, 2011. С. 141

данный момент и в ближайшем будущем. «Словесное выражение боли заменяет крик, а не описывает его».¹¹⁴ Восклицание и сообщение об ощущениях отличаются уровнем языкового поведения, связаны с телесным поведением и не требуют для своего проявления мыслительной деятельности. Нельзя сказать, что я знаю о своих ощущениях, у меня они просто есть.

Взаимосвязь телесного и языкового поведения отчетливой заметна в экстремальных условиях, когда нормальное поведение нарушается внешним воздействием. Выготский приводит пример с испуганным гусакон, который учуяв опасность, поднимает криком всю стаю, тем самым не столько сообщая об опасности, сколько заражая ее своим испугом.¹¹⁵ Так обнаруживается, что наиболее примитивные формы языкового поведения тесно связаны, если не сращены, с инстинктивным поведением.

В связи с этим стоит упомянуть развивающийся в эпистемологии телесный подход. С позиции, так называемого энактивизма, «внимание фокусируется на «отелесненности» процесса познания, на телесной облеченности всякого познающего существа, на телесных детерминантах познавательной активности».¹¹⁶ Эта истина была уже известна Демокриту, который ослепил себя, потому что не доверял телесным детерминантам и расценивал чувственные данные как вредные для познания. Важным моментом позиции энактивизма и отличием от взглядов Демокрита является отказ от оппозиции тела и духа (картезианского дуализма) и рассмотрение их в рамках единой системы. И хотя в отечественной интерпретации некоторые аспекты энактивного познания объясняются еще метафорично через «телесную нагруженность» в противовес «теоретической нагруженности»¹¹⁷, ясно выражена тенденция к рассмотрению физиологических и когнитивных

¹¹⁴ Витгенштейн Л. Философские исследования – М.: Астрель, 2011. С. 141

¹¹⁵ Выготский Л. С. Мышление и речь// Психология мышления. – М.: АСТ: Астрель, 2008. С. 50

¹¹⁶ Князева Е. Н. Телесное и энактивное познание: новый проект в эпистемологии и когнитивной науке// Эпистемология: новые горизонты. М.: Канон+, 2011. С. 130

¹¹⁷ Князева Е. Н. Проблема восприятия: А. Бергсон и современная когнитивная наука // Логос, 3 (71), 2009. С. 179

способностей как взаимодополняющих и одинаково необходимых в процессе познания. Корректнее говорить не о теле вообще, а именно о физиологических способностях, о том, что познание зависит от нашей опорно-двигательной деятельности: «Думать и писать можно только сидя (Г. Флобер). – Вот я и поймал тебя нигилист! Усидчивость есть как раз грех против духа святого. Только выхоженные мысли имеют ценность».¹¹⁸ В том же смысле познание зависит и от особенностей нашей речи. Например, дислексия Витгенштейна предопределила стиль его философствования, и поставила перед ним проблему следования правилу,¹¹⁹ которая стала одной из самых обсуждаемых проблем в аналитической философии 20 века.

Одним из первостепенных вопросов в исследовании языка является вопрос о том, что считать сущностной характеристикой языка - его смысловую сторону или синтаксис, формальную часть. Вокруг этого вопроса в 20 и 21 веках лингвистами строились различные стратегии исследования. В зависимости от выбранного и обозначенного приоритета предлагались принципиально иные видения проблемы языка с расхождением в оценки и в понимании роли, функции языка в процессе познания. То, что однажды Гумбольдт определил как внутреннюю и внешнюю форму языка, стало фундаментом для двух противоположных лингвистических позиций и привело к ситуации, когда язык перестал восприниматься целостностью или, словами Гумбольдта, синтезом формы и содержания. А ведь именно «через этот синтез всегда образуется нечто новое, чего не было ни в одной из соединенных частей до их совокупления», образуется то, что мы называем «языком».¹²⁰ Одним из аргументов в пользу этого холистического довода Гумбольдта является невозможность синтезировать знания, полученные сторонниками семантического подхода к языку и сторонниками «формального синтаксиса». Не только не происходит согласования позиций

¹¹⁸ Ницше Ф. По ту сторону добра и зла: Сочинения. – М.: Эксмо, 2003. С. 757

¹¹⁹ Хинтиikka Я. О Витгенштейне. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2013. С. 65

¹²⁰ Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода: Введение во всеобщее языкознание – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. С. 97

относительно общего понимания языка, но до сих пор область исследования оппонентов «третируется, как маргинальная область».¹²¹

Путаница возникает и в теории языковой установки Узнадзе, когда языковая установка определяется как внутренняя форма языка, а эксперименты психолога, подтверждающие существование языковой установки, скорее указывают на внесознательную готовность знаковой деятельности, чем на содержательную. Такую установку будет корректней назвать знаковой, а не языковой. О содержательной активности языковой установки больше свидетельствует анализ Витгенштейна арифметической игры, где установка определяет правило продолжения числового ряда.

Основная претензия тех, кто стоит на позиции антисемантики (Блумфилд, Хомский), к тем, кто считает, что исследование языка должно быть обращено к значению (Сепир, Лакофф, Вежбицкая) заключается в недостаточной строгости, последовательности и как следствие «ненаучности» семантического подхода. Последние указывают на ограниченность «лингвистики без значения», что особенно характерно по отношению к естественным языкам.

В стремлении рационализировать семантику предлагается гипотеза, согласно которой, в любом естественном языке существуют врожденные элементарные концепты, неопределяемые примитивы, которые при анализе различных языков совпадают, и в своей совокупности представляют «лингвоспецифичную манифестацию универсального набора фундаментальных человеческих концептов».¹²² Поиск элементарных терминов и их аналогов в других языках мира стал основной задачей исследователя.

О вещах, которые не требуют определения и поддерживаются природой «за недостатком слов» писал еще в 17 веке Паскаль: «Есть слова,

¹²¹ Вежбицкая А. Семантические универсалии и базисные концепты. – М.: Языки славянских культур, 2011. С. 19

¹²² Вежбицкая А. Семантические универсалии и базисные концепты. – М.: Языки славянских культур, 2011. С.33

которые невозможно определить, и если бы природа не возместила этот недостаток естественным пониманием, которое она дала всем людям, то все наши высказывания были бы смутными; между тем их используют с той же уверенностью и достоверностью, как если бы их объяснили настолько точно, что исключало бы всякую двусмысленность; ибо сама природа без лишних слов нам их дала через понимание более ясное, нежели достигаемое искусством экспликации».¹²³ Набор примитивов призван, по мнению некоторых лингвистов, стать основой системы значений, а сама семантика научным фундаментом исследования языка. Несмотря на выдвигаемый принцип универсализма элементарных терминов, семантические системы в целом признаются уникальными.¹²⁴ Эта проблема универсализма и уникальности в сущности языка играет решающую роль в понимании того, что язык из себя представляет, и в каком отношении к познанию реальности он находится.

В рамках гипотезы Вежбицкой универсализм является критерием правильности выделенных примитивов, безотносительно к функции языка в процессе познания. Она выделяет следующие универсальные и врожденные категории, не определяемые более простыми терминами: «лицо» («person»), «вещь» («thing»), «делать» («do»), «произойти» («happen»), «где» («where»), «когда» («when»), «хороший» («good»), «плохой» («bad»)¹²⁵ К этим универсальным терминам, выделенным после сравнительного анализа различных языков, трудно подобрать философское основание или объяснительным принцип. В связи с этим как мне представляется, относительно этих категорий уместно говорить, как о случайных.

Можно было бы предположить, что выделенное семантическое ядро является минимумом, априорными формами семантики, из которого

¹²³ Паскаль Б. О геометрическом уме и об искусстве убеждать// Стрельцова Г. Я. Паскаль и европейская культура. – М.: Республика, 1994. С. 454

¹²⁴ Вежбицкая А. Семантические универсалии и базисные концепты. – М.: Языки славянских культур, 2011. С.35

¹²⁵ Вежбицкая А. Семантические универсалии и базисные концепты. – М.: Языки славянских культур, 2011. С.41

впоследствии складывается этноспецифический язык. Категории «хороший» и «плохой», выражающие качество, «где» и «когда» указывающее на пространственное положение и на время соответственно, «лицо» и «вещь» как субъект и предмет деятельности, «делать» как форма активности и собственно сама деятельность, - все это возможно представить зачатками, штрихами онтологической картины. Однако такое достижимо только через интерпретацию данных примитивов, неопределяемых более простыми категориями.

Врожденная языкоподобная концептуальная система, метаязык, по мнению автора, помогает преодолеть этноцентризм в исследовании языка. Однако построение идеальной модели языка, какой является «Естественный Семантический Язык», элиминирующее не только культурные особенности языка, но и особенности языка в различных бытийных контекстах, не может претендовать на общее объяснение языка в процессе познания.

Особый интерес в предложенной польским лингвистом гипотезе вызывает выделение примитивов языка. Дифференциация лексических значений и придание им определенного статуса является распространенной практикой в исследованиях различных проблем. В частности, размышляя о протоязыке и его эволюционном развитии, Кошелев А. Д. вслед за академиком В. В. Виноградовым разделяет значения на основные, обладающие универсальным статусом, и на производные, которые «культурно- и лингво- специфичны».¹²⁶ Наделение особым статусом элементарных терминов и попытка объяснить с их помощью более сложные формы языка – это метод, который может быть применен и в теории языковой установки.

Как уже было сказано, элементарные термины не нуждаются в определении, толковании или «экспликации», т.е. в логической обработке. Именно с помощью таких терминов осуществляется фиксация языковых установок. Установочные категории не являются универсальными. В разных

¹²⁶ Кошелев А. Д. О протоязыке и его трансформации в человеческий язык (лексико-семантические аспекты)// Дифференционно-интеграционная теория языка. – М.: Языки славянских культур, 2011. С. 167

языках и в разных языковых ситуациях их значения могут не совпадать. Например, в языковой игре счета негра манде установочной категорией будет не цифра, как в нашей языковой системе, а палец, хотя по форме деятельность негра схожа с тем, что мы называем счетом. Установочные категории, лежащие в основе фиксации установок, обеспечивают языковую деятельность и концептуализацию общей картины мира. С помощью таких примитивов как «до», «после», «над», «под», «рядом», и т.п. фиксируются установки временных и пространственных отношений.

Помимо языковой установки существует другой внесознательный языковой феномен, ставший предметом ряда психологических исследований – чувство языка. Этот феномен может быть рассмотрен как первый этап языкового действия, т.е. этап восприятия и оценки ситуации.

В науке понятие «чувство языка» служит объяснительным принципом «владения языком», «овладения языком», «способности к языку».¹²⁷ Это же понятие может быть использовано и в эпистемологии как объяснительный принцип «активности языка».

Понятие «чувство языка» широко используется для объяснения быстрого формирования у некоторых учащихся орфографических и стилистических навыков. Понятие также используется при оценке языкового богатства литературного произведения.

Не только языковое развитие, но и интеллектуальное развитие в целом, связано с формированием чувства языка.

Ряд исследований показали, что чувство языка предшествует и лежит в основе освоения грамматики родного языка. Само же чувство языка представляет собой обобщение на уровне первичной генерализации, не предваряемой сознательным вычленением элементов, подлежащих обобщению.¹²⁸ Это в очередной раз свидетельствует о наличии

¹²⁷ Гохлернер М. М., Эйгер Г. В. Психологический механизм чувства языка// Вопросы психологии, №4, 1983. С. 137

¹²⁸ Орлова А. М. К вопросу об объективной обусловленности так называемого «чувства языка». — Вопросы психологии, 1955, № 5, С. 39

внесознательной, а значит и внеинтеллектуальной базы, обеспечивающей образование грамматических, орфографических и стилистических навыков применительно к языковому материалу, который не может быть четко определен, когда нельзя дать полной ориентировочной основы. Если сравнивать понятия «языковой установки» с понятием «чувства языка», то разница будет заключаться в том, что языковая установка лежит в основе использования языка тем или иным образом, а чувство языка лежит в основе обучения языку и понимания сказанного.

Неразвитое чувство языка является причиной отсутствия грамотности. Больше всего это проявляется при изучении неродного языка.¹²⁹ Чувство языка, лежащее в основе обучения, само подвергается развитию во время обучающих процессов. В отечественной психологии не раз ученые пытались подбирать методы для более качественного формирования чувства языка, рассматривая это чувство как побочный продукт знания, без анализа механизма чувства языка.¹³⁰

Не существует однозначного определения понятия «чувство языка». Но связь этого чувства с интуитивными процессами позволили считать «чувство языка» и «языковой интуиции» синонимичными понятиями.

Инвариантным признаком чувства языка принято считать некое отношение к языковому оформлению высказывания с точки зрения его «правильности». Выделяют такие психологические факторы, связанные с чувством языка, как хорошее структурирование языкового материала в памяти; соотношение сознательного и бессознательного; неосознанные обобщенные представления о языковых явлениях; оценочная деятельность.¹³¹

Однако в психологических исследованиях отсутствует характеристика чувства языка как механизма обеспечивающего познавательную

¹²⁹ Гохлернер М. М., Ейгер Г. В. Психологический механизм чувства языка// Вопросы психологии, №4, 1983. С.137

¹³⁰ Айдарова Л. И. Психологические проблемы обучения младших школьников русскому языку. – М.: Педагогика, 1978. – 144 с.

¹³¹ Гохлернер М. М., Ейгер Г. В. Психологический механизм чувства языка// Вопросы психологии, №4, 1983. С.138

деятельность. Чувство языка представлено в отечественной психологии лишь как механизм контроля языковой правильности, обнаружения нестандартности, уникальности формы, значения языкового феномена, или несоответствия языкового действия с реальной ситуацией. Но более фундаментальная функция чувства языка заключается в фиксации того факта, что в конкретной ситуации используется язык, другими словами, что здесь о чем-то говорят. Не обязательно постигать смысл слов двух говорящих между собой людей, чтобы констатировать их использование языка, можно **видеть**, что они разговаривают. Мы можем слышать двух разговаривающих между собой иностранцев и не понимать ни тему их разговора, ни даже то, на каком они языке разговаривают, но сомнение, что они используют язык, не возникает.

Осмысленная речь также присуща человеку, как и способность к языку. Некоторыми литераторами и философами иногда естественный язык ставится в «экспериментальные» условия и умышленно коверкается: «Так вот, она должна была пройти расстояние между тропиками до зенита в шесть серебряных монет и несколько медяков, поелику Рифейские горы обнаружили в текущем году полнейшее бесплодие и не дали ни одного фальшивого камня по причине возмущения балагуров из-за распри между ахинеянами и мукомолами по поводу бунта швейцарцев, тьма-тьмушая которых собралась встречать Новый год, с тем чтобы после встречи, днем, накормить быков супом, ключи же от кладовых отдать девкам-судомойкам, – пусть, мол, те засыпят собакам овса. Всю ночь, не отнимая руки от ночного сосуда, они только и делали, что рассылали пешие и конные эстафеты, дабы задержать корабли, ибо портные намеревались из краденых кусочков соорудить трубу и покрыть ею Океаническое море ...»¹³²

Отсюда возникает проблема семантической ложности или бессмысленности, которые не свойственны естественному языку в естественных условиях. Можно сказать, что только в умышленной имитации

¹³² Рабле Ф. Гаргантюа и Пантагрюэль. – М.: Эксмо, 2005. С. 141

языка, в определенных языковых играх, возможны бессмысленные предложения или тексты. Но эти бессмысленные образования являются скорее всего продуктами интеллекта. Такие предложения как «Интересные новые идеи рождаются редко» в аналитической философии рассматривались по-разному: как выражения грамматически правильные, но семантически ложные (Р. Якобсон), как выражения не являющиеся ложными и не бессмысленные (П. Цифф), как «неграмматичные» (Х. Карри) или как тривиально ложные предложения (У. Куайн).¹³³ Эпистемологическая характеристика таких предложений должна даваться с учетом двух контекстов: контекста самого предложения и позиции, способа его рассмотрения. Сам философский контекст рассмотрения таких проблем становится проблематичным.

Чувство языка заключается в неосознаваемой уверенности говорящего в правильности и точности избираемого им способа оформления высказывания в данной ситуации и в осознаваемой оценке и самокоррекции его. «При восприятии речи оно [чувство языка] находит свое выражение в симультанном узнавании и критической оценке степени соответствия (несоответствия) формы ее употреблению в контексте данного высказывания».¹³⁴ Оценка правильности речевого факта, его соответствия языковой игре, может производиться через сравнение его с установленными правилами языковых игр, с имеющимися эталонами языковых форм. В отечественной психологии принято выделять независимые компоненты чувства языка, такие как фонетические, лексические, грамматические и стилистические компоненты. Однако эта независимость признается относительной.

В процессе языкового действия механизм контроля языковой правильности «фильтрует» не соответствующие норме языковые формы и

¹³³ Павиленис Р. И. Проблема смысла. Современный логико-философский анализ языка. – М.: Мысль, 1983. С. 33

¹³⁴ Гохлернер М. М., Ейгер Г. В. Психологический механизм чувства языка// Вопросы психологии, №4, 1983. С. 139

модели. Но развитие языка и действия других факторов могут обеспечивать попадание в речь не санкционированных правилами языковые формы, часть из которых в дальнейшем может войти в языковое сознание, развивая и меняя сам «фильтр».¹³⁵

Чувство языка изменяется с развитием языка и накоплением речевого опыта человека. Оно проявляется у всех носителей языка на уровне системы. На выражение «она поел» реагирует любой человек, для которого русский язык является родным или который усвоил систему русского языка в результате обучения. На уровне нормы речи степень сформированности чувства языка у различных носителей языка зависит от характера приобщенности к культуре речи данной языковой общности на данном этапе ее развития. На выражения «это играет значение», «ложу сумку» или «имею сестра» реакция у разных носителей русского языка будет неодинаковой.

Сложность проблем соотношения чувства языка и интеллекта, и неосознанности чувства языка не уступает сложности проблемы соотношения языка и мышления.

Часто лингвистами понятие чувство языка трактуется с интеллектуалистских позиций. Оно рассматривается как сумма знаний о языке, полученная в результате бессознательного обобщения многочисленных актов речи, функционирующая в виде языковых представлений индивида и регулирующая «правильность» и «нормативность» речи индивида. Эта система служит основой для оценки языковых фактов в случае необходимости. Например, указывается, что термин чувство языка неточен, так как обозначаемый им феномен не является чувством в собственном смысле этого слова. Это чувство является производным от нашего знания, а эмоциональная реакция лишь сопутствующим элементом.¹³⁶

¹³⁵ Там же.

¹³⁶ Гохлернер М. М., Ейгер Г. В. Психологический механизм чувства языка// Вопросы психологии, №4, 1983. С. 140

Другие исследователи считают чувство языка сложным комплексом «ощущений», непосредственно отражающих отношения языка: во-первых, со стороны отношения его к действительности; во-вторых, со стороны внутриязыковых отношений; в-третьих, межьязыковых отношений в условиях билингвизма.¹³⁷

Чувство языка рассматривается и как эмоциональное переживание, связанное с чувством удовольствия или неудовольствия, привычностью или непривычностью языкового оформления высказывания.¹³⁸

Проблема соотношения когнитивного и эмоционального в чувстве языка, с точки зрения теории языковой установки и языкового действия, может быть решена следующим образом. Чувство языка – это чувство языковой природы, не сводимое к интеллектуальным и эмоциональным компонентам. На первом этапе языкового действия, этапе восприятия и оценки ситуации, роль эмоционального компонента чувства языка возрастает. Тогда как на этапах программирования языковой задачи, в зависимости от сложности языкового действия, доминирующее значение обретает интеллектуальная составляющая чувства языка. Само чувство языка пронизывает все этапы языкового действия.

Проблема уровня осознанности процессов контроля и оценки языковых элементов в речевой деятельности, вопрос о соотношении осознанных и неосознанных элементов в чувстве языка является предметом споров лингвистов и психологов. Существует позиция, согласно которой чувство языка относится к уровню бессознательного контроля в рамках четырехчленной классификации уровней осознанности в речи. Остальные три уровня – это уровень неосознанности, характерный для фонации, уровень сознательного контроля и уровень актуального осознания средства выражения в письменной речи.¹³⁹

¹³⁷ Беляев Б. В. Очерки по психологии обучения иностранным языкам. — М.: Просвещение, 1965. С. 86 – 87.

¹³⁸ Имедадзе Н. В. Экспериментально-психологическое исследование овладения и владения вторым языком. — Тбилиси: Мецниераба 1979. С. 10

¹³⁹ Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. — М.: Политиздат, 1975. — 124 с.

Проблема соотношения сознательного и бессознательного в механизме чувства языка возникает вследствие особой природы языкового феномена. Некоторыми учеными чувство языка отождествляется с языковой установкой, которая принципиально не осознается, «хотя установочно функционирующая форма речи в определенных условиях может стать и предметом осознания и произвольного регулирования».¹⁴⁰

Оценка правильности того или иного языкового элемента в речи как функция чувства языка производится интуитивно. «Интуитивный характер такой реакции заключается в непосредственном узнавании неправильности без развернутого дискурсивного анализа ее, т. е. в отсутствии актуализации в сознании сопоставления воспринимаемой формы с ее эталоном».¹⁴¹ Осознается лишь сам факт «неправильности».

Выводы. Язык является целостной системой и независимой поведенческой моделью, которая может осуществляться как с участием сознания и интеллекта, так и без. Языковая деятельность осуществляется по собственным правилам на основании языковой установки. Эта деятельность сопровождает различные виды познавательной активности, направляет и обуславливает их. Язык познающего субъекта индивидуален и уникален, но подчинен стандартизированным системам языковых действий. Гипотетическое допущение языковых действий, не подчиненных правилам языковых игр, может быть теоретическим основанием парадокса Витгенштейна. Следование правилам при решении любых когнитивных задач обеспечивается подчинением индивидуального языка принудительным формам языковых игр (стандартизированным системам языковых действий). Этот механизм подчинения является одним из факторов реализации языковой активности и основным условием корректного следования правилам. Второй фактор реализации языковой активности в познавательных процессах – языковые установки, первичные реакции на стимулы внешней

¹⁴⁰ Имедадзе Н. В. Экспериментально-психологическое исследование овладения и владения вторым языком. — Тбилиси: Мецниераба 1979. С. 220

¹⁴¹ Там же. С. 141

среды, предваряющие работу интеллекта. Мы следуем правилам на основании фиксированных в нас установок. Фиксация установки является результатом языковых тренировок.

2.3. Антидекартовский антидуализм как основной принцип анализа целостности и активности языкового феномена

Язык – наивысшая форма способности человека к познанию реальности, язык является сущностной характеристикой человека. Многими философами была отмечена неразрывная связь языка с человеком. «Мой язык есть всеобъемлющая сумма меня самого; ибо человек есть знак».¹⁴² Могущество слова, языка, способствовало предпринятому Хайдеггеру поиску онтологического «места» для языка. Благодаря языку возможен индивид, общество. Язык – главная деятельность человеческого духа.¹⁴³ Согласно учению В. фон Гумбольдта, язык происходит не только из необходимости общественных связей, но и вследствие внутренней потребности человечества, которая «лежит в самой природе человеческого духа и составляет необходимое условие для развития силы духа и для приобретения мирозерцания».¹⁴⁴ Кривоносов указывает на то, что язык есть наивысшая форма способности человека, неотделимая от сущности самого человека, от его способности к символизации. Но главным условием он полагает не материю знака, а смысловое содержание – понятия, суждения. «Эти последние не могут существовать ни без внутренней материи, живой материи мозга, ни без внешней мёртвой материи, материи знаков».¹⁴⁵ Так с проблемой бытия человека и его языка рядом встает проблема взаимоотношения языка и мышления.

Язык – это поведение, выработанное тренировкой, это форма жизни и форма активности. Такое представление о языке служит твердым

¹⁴² Пирс Ч. Избранные философские произведения. – М.: Логос, 2000. С. 67

¹⁴³ Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода: Введение во всеобщее языкознание – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. С. 9

¹⁴⁴ Там же. С. 11

¹⁴⁵ Кривоносов А. Т. Философия языка – М.: Азбуковник, 2012. С. 14

основанием, благодаря которому можно избежать скепсиса относительно проблемы языка и с помощью которого возможно осуществить критический анализ идей и концепций затрудняющий поиск сущности и природы языка.

Существует позиция относительно природы и места языка в процессе познания, которая настолько широко распространена среди лингвистов и философов, что заслуживает быть рассмотренной в первую очередь.

Большинство философов, психологов и лингвистов в разной степени соглашались и разделяют основные аспекты позиции и, несмотря на то, что исследуют разные предметы в области языка, ставят неодинаковые проблемы, наиболее общая характеристика языка, фундаментальное представление о нем на этой позиции остается неизменным и запутанным, что дает основание для дальнейшего развития скептического отношения. Одной из задач диссертационной работы указать на то, что основополагающие принципы этой позиции, этого учения, не достаточно аргументированы и входят в противоречие с пониманием языка как формы активности.

Такое лингвофилософское учение в общем виде выглядит следующим образом. В человеке сосуществуют две целостности – мышление и язык. Язык имеет двойственную природу – материальную и идеальную. Материальная природа, или как еще ее называют, внешняя звуковая форма языка подчинена физическим законам, как правило, универсальна для всех языков. Идеальная природа, внутренняя форма языка связана с умом, духом, и на нее законы материального мира не распространяются.

Лингвисты, приняв такое разделение, разделились сами и разделили область исследования на две части, названных семантикой и синтаксисом языка. Сторонники синтаксиса, последователи Н. Хомского и Л. Блумфилда, в изучении языка отводили значению языка и всей семантики маргинальное место, обвиняя в недостаточно научной строгости подход исследователей в этой области. Лингвисты же, избравшие для себя предметом научного внимания значение, утверждали, что исследовать язык, не обращаясь к

значению, так же нелепо как исследовать дорожные знаки только с точки зрения их физических характеристик.¹⁴⁶

Не менее драматичная судьба постигла тех, кто посчитал своим призванием раскрыть истину в проблеме связи языка и мышления, среди них были и те ученые, которые занимались вышеизложенной проблемой (например, Эдуард Сепир). Всевозможные связи, какие могут существовать между двумя предметами, были разными мыслителями приложены к языку и мышлению. Это и связь подчинения, связь взаимообусловленности, нейтральная связь и прочее. Не придя к консенсусу, и не внося ясность в сущность языка, ученые и философы отказались от такой радикальной постановки вопроса.

Господствующее традиционное теоретическое основание, разделяющее язык и мышление, и расчленяющее язык отчетливо выделяется в редукционных концепциях языка. Проблема языка сводится к проблеме единицы языка – языковому знаку, а выводы, сделанные в ходе исследования языкового знака, экстраполируются на весь язык, как целое.

Одним из основоположников такого метода стал Фердинанд де Соссюр. В своем исследовании он вычленил из языка языковой знак и соответственно традиционному теоретическому основанию (*ТТО*) выделил в языковом знаке две сущности – понятие и акустический образ. Пытаясь избежать дихотомию материального и идеального, Соссюр придал психологическую окраску понятию «акустический образ», однако само противопоставление двух сущностей было им признано: «Этот последний [акустический образ] не есть материальный звук, вещь чисто физическая, но и психический отпечаток звука, представление, получаемое нами о нем посредством наших органов чувств: он – чувственный образ, и если нам случается назвать его «материальным», то только в этом смысле и из

¹⁴⁶ Вежицкая А. Семантические универсалии и базисные концепты. – М.: Языки славянских культур, 2011. С.19

противопоставления второму моменту ассоциации – понятию, в общем более абстрактному».¹⁴⁷

В советской философии, где антитеза материи и сознания была сакральной, ТТО прижилась и укоренилась в работах многих мыслителей. Их взгляды, подкрепленные цитатами таких авторитетных людей как Маркс и Гегель, представляются несокрушимыми и абсолютно истинными, а отправным пунктом философствования было рассмотрение языкового знака.

Предпочтительней представляется точка зрения, согласно которой знак/слово невозможно понять отдельно от способов комбинации с другими знаками/словами предложения; а предложения могут быть поняты только в контексте понимания конкретной языковой ситуации.¹⁴⁸ Эта точка зрения присутствует в теории языковых игр, где языковые игры не сводимы к отдельным словам и предложениям. Установочные категории, с помощью которых осуществляются приемы фиксации языковой установки в силу своей функции также не могут быть расценены единицей языка. Выбор этой точки зрения обусловлен правилом соразмерности тезиса и аргументов: факты относящиеся к языковым знакам не позволяют доказать заявленный тезис относительно сущности языка, «слишком мало доказывается» (соответственно традиционное теоретическое основание не обосновывается).

Один из способов философского исследования языка основан на рассмотрении природы языкового знака и на сведении сущности языка к этой природе. Вторым шагом становится уже оценка роли языкового знака, и как следствие роли самого языка, в мышлении и познании мира.

Отличие знака от значения является предпосылкой для отдельного рассмотрения природы языкового знака.

¹⁴⁷ Соссюр Фердинанд де. Курс общей лингвистики. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. С. 77 – 78.

¹⁴⁸ Хинтиikka Я. О Витгенштейне. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2013. С. 78

«Название какой-либо вещи не имеет ничего общего с её природой. Я решительно ничего не знаю о данном человеке, если знаю только, что его зовут Яковом».¹⁴⁹

Тезис о нетождественности знака и значения, материального выражения слова и его смысла, представляется трудноопровержимым. Этот тезис стоит у истоков языкознания. Суть его представлена Гумбольдтом, в разделении внутренней и внешней форм языка: «Все преимущества самых благозвучных и художественных звуковых форм, при самой живой деятельности звукового смысла, сами по себе еще не в состоянии произвести язык, вполне соответствующего требованиям духа, если формы эти не будут проникнуты светом и теплотою принадлежащих к устройству языка идей. Эта совершенно-внутренняя и чисто-умственная сторона формы и составляет собственно язык».¹⁵⁰ Наверное, это единственное положение в философии языка не требующее дополнительной аргументации, которое единодушно принимается мыслителями.

Итак, в языке обнаруживаются материальная и интеллектуальная составляющие.

Далее, те, кто выводит природу языка из материи знака, констатируют особое, отличное от других материальных, вещей, свойство. Однако эта особенность знака обусловлена, по их мнению, мышлением, а не сущностью языка. Знак «обладает особым свойством своей, приписываемой ему условной «идеальной формы», но хранящейся не в самом знаке, а в мозгу, и эта «идеальная форма» для человека есть универсальное средство аккумуляции всего многообразия содержания мира, духовной культуры, которая в психике человека отчуждена от материальной действительности и как бы представляет для человека вторую реальную действительность».¹⁵¹

¹⁴⁹ Маркс К. Сочинения том 23 – М.: Книга по Требованию, 2012. С. 110

¹⁵⁰ Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода: Введение во всеобщее языкознание – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. С. 88

¹⁵¹ Кривоносов А. Т. Философия языка – М.: Азбуковник, 2012. С. 16

Функцией языковых знаков является идеализация внешнепредметных операций, превращение их из материальных в идеальные действия, позволяющие схватывать объективное содержание, отражать внешний мир и служить средством организации своего и чужого поведения.¹⁵²

Не умаляя роль знака в развитие культуры человека, ставя природу языкового знака за исходный пункт лингвофилософского объекта, акцент смещается с исследования языка в целом на его внешнюю материальную форму. Такой подход ставит в подчиненное положение знаковую систему и сам язык. На первый план выходит деятельность сознания и мышление, а язык представляется их «заместителем». И хотя «знак лежит в основе прогресса», «знак функционирует как знак только благодаря абстрактным моментам, живущим в сознании».¹⁵³ Наличие материального и идеального в знаке позволяет говорить об языке, как о средстве познания и общения, способным провести разум сквозь «толщу» телесной оболочки.

Важную роль в психике человека, языковой знак играет подобно вниманию. Знак вещи – это выбор актуальной, значимой вещи. Знак выделяет из потока действительности вещь, делая ее предметом сознания и мышления.

Ограничивая поле восприятия, языковой знак присутствует на всех уровнях психической организации, «это природная материя, но такая, которая связана не только с чувственным мышлением – ощущением, восприятием, представлением, но, главным образом, с абстрактными формами мышления – с фонемами, морфонемами, понятиями, суждениями, умозаключениями».¹⁵⁴ Связь языка с миром, считает Кривоносов, опосредованно именно этими формами мышления.

Говоря о физической субстанции языка следует понимать, что материальная природа языка становится именно языковым материалом

¹⁵² Коршунов А. М., Мантатов В. В. Теория отражения и эвристическая роль знаков. – М.: Московский университет, 1974. С. 121

¹⁵³ Кривоносов А. Т. Философия языка – М.: Азбуковник, 2012. С. 19

¹⁵⁴ Там же. С. 20

только в связи со значением. «Звук еще не стал звуком, пока он ведет себя как чистое повторение, пока вместе с волей к «значению» ему не хватает момента значения».¹⁵⁵ При анализе существующих языков обнаруживается, что их различие состоит в основном в звуковой (материальной) форме.

Так как язык немонотоничен, принято выделять формы языка, а также уровни в структуре языкового знака. В частности Кривоносов выделяет 4 уровня: 1) физическая субстанция знака; 2) психическое представление об этой субстанции (фонемы или графемы) в сознании; 3) знаковая, абстрактная функция отражаемых этими знаками реальных предметов в сознании (понятия); 4) роль и место самих реальных, познаваемых явлений в знаковой теории языка. Наличие всех уровней в языковом знаке есть необходимое условие существования языка.

Научный и философский интерес представляет исследование взаимоотношений элементов теоретически расчлененного языка, а также синтез языковых форм – «с самых первых своих элементов язык образуется посредством синтетического процесса в точном смысле слова: чрез этот синтез всегда образуется нечто новое, чего не было ни в одной из соединенных частей до их совокупления».¹⁵⁶

Основная задача диссертации – обосновать положение, что язык является тем видом активности в процессе познания, которая не сводится к интеллектуальным операциям и не является их частью или следствием. Что сама интеллектуальная деятельность часто зависит от языковой активности.

Теоретизирование, которое является одной из интеллектуальных практик, вторично по отношению к лингвистическим способностям. И хотя теоретические рассуждения, как и другие мыслительные процессы, обычно производятся молча в форме внутреннего диалога с самим собой, который возможно сопровождается еще и визуальными образами, необходимой предпосылкой освоения беззвучного теоретизирования является то, что

¹⁵⁵ Кассирер Э. Философия символических форм. Т. 1: Язык – М.: Академический Проект, 2011. С. 120

¹⁵⁶ Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода: Введение во всеобщее языкознание – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. С. 97

«прежде мы должны научиться разумно говорить вслух и уметь понимать других людей делающих это».¹⁵⁷ Думать безмолвно – это не сущностное свойство абстрактного мышления, а результат приучения, так же как чтение шепотом.

Возможно, что феномен внутренней беззвучной речи и стал источником «традиционного теоретического основания». Отождествление понятий внутренней речи и мышления, привело к пониманию процессов внутренней речи и высказываний вслух как двух различных процессов мышления и языка.

В самом деле, если обратиться к результатам экспериментальных исследований внутренней речи, то обнаружится много интересных фактов, указывающих на существенные отличия внутренней и внешней речи. Прежде всего обнаруживается такая особенность внутренней речи как асинтаксичность, она проявляется, например, в том, что отдельные слова входящие в состав сложного слова претерпевают сокращения с звуковой стороны и тогда в сложное слово входит только часть слова. Другая особенность внутренней речи состоит в собирательной функции слова: слово вбирает в себя смыслы различных слов, почти безгранично расширяя рамки своего значения. «Оно [слово], как и название гоголевской поэмы, является концентрированным сгустком смысла».¹⁵⁸ Семантическая смысловая часть превалирует над синтаксической, внутренняя форма во внутренней речи «расширяется», внешняя форма – сокращается.

Продолжая сравнение безмолвной речи с речью вслух, можно заключить, что акт говорения эстетичен, в отличие внутренней речи. Внутренняя речь более удобна для обобщенного схватывания реальности, в то время как внешняя речь требовательна к формальному синтаксису и является канонем языкового этикета.

¹⁵⁷ Райл Г. Понятие сознания. URL: <http://www.philsci.univ.kiev.ua/biblio/Ryle.htm> (дата обращения 07.05.2015)

¹⁵⁸ Выготский Л. С. Мышление и речь// Психология мышления. – М.: АСТ: Астрель, 2008. С. 505

Основное отличие заключено в том, что внутренняя речь не подчинена стандартизированным языковым системам, и акты внутренней речи могут быть соотнесены с правилами этих систем условно, гипотетически. Внутренняя речь субъективна и является формой выражения индивидуального языка.

Формальная сторона языка в разных языковых играх так же может играть различную роль. Так в акте писания внимание к синтаксису пристальнее, чем в акте устной речи. Более того, правила произношения слов часто не совпадают с правилами их написания. Но это не дает основания утверждать, что письменная речь является принципиально иной активностью, чем устная речь, и что она, следовательно, не может быть объяснена понятием «языка» и требует другой обобщающей категории, например, «письмомышление» (по аналогии с речемышлением).

Итак, безмолвие не является определяющей принадлежностью мысли. А процесс теоретизирования представляет собой разновидность языкового поведения. Безмолвие или внутренне говорение, не являясь существенным в данном процессе, есть оптимальное условие для протекания этого процесса.

Известные выражения «сказал, не подумавши», «сначала сказал, потом подумал», «сказал глупость» проистекают из убежденности, что языковое поведение может быть разумным, а выражения рациональными, только в том случае, если говорящий субъект думает над тем, что он говорит в момент речи, и думает так, что он не смог бы высказаться лучше, если бы не размышлял в это время. То есть рациональной речь признается только тогда, когда соблюдаются определенные правила, которые осознаются говорящим. Иначе теоретическая осмысленность предмета предшествует вокализации об этом предмете.

Действительно, часто мы произносим фразу, предварительно поразмыслив, однако не все что мы правильно и рационально высказываем требует интеллектуального участия. Причем это может не зависеть от структурной особенности фразы, как и от значения слов: «Я смотрю на

животное, и меня спрашивают: «Что ты видишь?» Я отвечаю: «Зайца». – Я разглядываю местность; внезапно мимо пробегают заяц. Я восклицаю: «Заяц!». Оба случая, сообщение и восклицание, суть выражения восприятия и зрительного опыта. Но восклицание по смыслу отличается от сообщения: оно как бы вырывается у нас. – Оно связано с опытом, как крик связан с болью».¹⁵⁹ Так если в сообщении о зайце можно допустить обдумывание ответа, то восклицание не предполагает двойной операции обдумывания и отражения обдуманного в слове.

Так же существуют языковые игры, языковые ситуации, когда можно констатировать в их осуществлении интеллектуальные способности, но нет каких-либо критериев или правил. Например, юморист-остряк излагает шутки, не руководствуясь, и, не имея представления, о принципах создания шуток. И, вероятно, что знания таких принципов не существует – «тот не имеет острого ума, кто ищет остроумия».¹⁶⁰ Значит, практика остроумия не есть следствие какой-либо теории.

Скорее языковая деятельность порождает описывающую ее теорию. Так Аристотель первый сформулировал правила корректного рассуждения, но задолго до этого, люди уже могли замечать и исправлять ошибочные нелогичные рассуждения.¹⁶¹ Конечно, теории кладутся в основу обучения без ссылок на языковую практику, так как у обучающихся предполагаются языковые навыки достаточного уровня для освоения теории. Но и осознанные в процессе обучения принципы не всегда выполняют контролирующую функцию в тех языковых действиях, где они применяются.

Осознание утверждений такая же операция, которая может быть выполнена неадекватно. Операция сложения, может оказаться на самом деле операцией «квожения» и привести к неверному результату.¹⁶² Значит, для

¹⁵⁹ Витгенштейн Л. Философские исследования – М.: Астрель, 2011. С. 286

¹⁶⁰ Ницше Ф. По ту сторону добра и зла: Сочинения. – М.: Эксмо, 2003. С. 266

¹⁶¹ Райл Г. Понятие сознания. URL: <http://www.philsci.univ.kiev.ua/biblio/Ryle.htm> (дата обращения 07.05.2015)

¹⁶² Крипке С. Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2010. С. 22

констатации адекватности теоретизирования нужен какой-то факт, еще одна операция и так до бесконечности.

Допустим, Крипке решил произвести арифметическое действие «68+57», его действие может быть разумным, если оно исходит из внутреннего понимания задачи, которое соответствует задачи практической. Но что заставляет его рассматривать именно единственную операцию сложения, а не какую-нибудь операцию «квожения»? По какой причине Крипке не обнаруживает себя вызывающим в своем сознании не «плюс», а «квус»? Хотя он и допускает такую возможность под воздействием ЛСД,¹⁶³ но тогда в отношении интеллектуальных процессов его можно охарактеризовать как невменяемого, а не рационально действующего. Выходит, что адекватное осознание над тем как действовать при поставленной задаче «68+57», помимо прочего, включает обдумывание того, что в данной ситуации уместна операция сложения, и игнорирование того, что не имеет отношения к делу, а именно «квожение». Следует ли тогда заключить, что для того, чтобы рефлексия Крипке над выполнением задачи была разумной, он должен сначала отрефлексировать то, как наилучшим образом размышлять над тем, как действовать? Продемонстрированная еще Гильбертом Райлом бесконечность подразумеваемого регресса показала, что применение критерия соответствия не влечет за собой появления процесса обдумывания или истолкования этого критерия (чем собственно Крипке и занимался, когда обнаружил «парадокс Витгенштейна»).

Если мы настаиваем на необходимости анализировать рациональное основание своего языкового действия, прежде чем сказать нечто разумное, тогда следует объяснить, как достигается оптимальное применение основания к специфической языковой ситуации, где должно актуализироваться языковое действие. Так как основания и принципы предполагают относительную общность их применения, они не определяют частные случаи языкового поведения. Знать лексику и грамматику

¹⁶³ Там же. С. 23

иностранного языка не значит владеть этим языком, для этого необходимо еще быть компетентным в их применении.

Итак, тезис о том, что речь может быть рациональной, «неглупой», только после предварительного внутреннего планирования того, что предстоит сказать, вызывает сомнения и требует дополнительной аргументации. То, что мы иногда «говорим не подумавши», без учета последствий сказанного, само по себе не имеет негативной окраски. Осмысленность фразы не гарантирует того, что она прозвучит не глупо. Внутреннее планирование не ценно само по себе, оно так же может оказаться недостаточно эффективным или вредным. Допущение, что и планирование может быть осмысленно, приводит к бесконечному регрессу, парадоксу и абсурду. Умная речь не сводится к понятию «интеллектуального», она представляет собой особую манеру поведения.

Из деления языковой природы на «звуковую» и на «смысловую» следует, что вокализация не может быть сама по себе осознанной операцией. Характеристики речи «вежливая», «точная», «умная» относятся к семантике языка, которая понимается предикатом мышления. Даже те ученые, которые пытаются заставить обезьян в своем поведении использовать язык, говорят не собственно о языке, а о языке-посреднике.¹⁶⁴ Попугай может произнести фразу, которая всех развеселит, но всерьез никто не сделает вывода, что попугай обладает чувством юмора, как если бы ту же фразу произнес человек, прославивший шутником и балагуром. То, что у последнего фраза будет расценена окружающими как шутка, а у попугая, как звукоподражание, не вызывает сомнения. Но тогда и остроумие должно приписываться не тому, что слышится, а чему-то такому, что не слышимо, и называется «острый ум». Значит, не существует различимой на слух разницы между остроумными фразами и звукоподражанием, лишенного юмора. Но это еще не значит, что источником различия является какое-то внутреннее действие.

¹⁶⁴ Бурлак С. Происхождение языка: Факты, исследования, гипотезы. – М.: Астрель: CORPUS, 2011. С. 30

Талант юмориста на сцене может проявляться в рассказанных им каламбурах и анекдотах. Он описывает смешные случаи, так же как это делают люди в обычной жизни. Разница заключается в том, что юморист делает это подготовленным, после репетиций. Он шутит с подходящей интонацией, выдерживает паузы, шутит в подходящий момент, когда он может быть хорошо услышанным, чтобы рассмешить публику и не рассмеяться самому. Ему аплодируют за то, как и что он говорит, а не за действия в его мозгу. Юморист иногда даже читает с листа свои шутки, но даже и тогда он может рассчитывать на успех. Публика восторгается тому, что слышит, не потому что причиной слышимого является какой-то внутренний механизм, а потому что юморист обладает умением преподнести шутки. Это умение не может быть сведено ни к внутренней форме языка, ни к внешней форме языка, ни к заднему плану внешней формы – мышлению. Это то, что было названо диспозицией или комплексом диспозиций,¹⁶⁵ можно также определить как набор языковых установок, определяющих языковое поведение артиста на сцене. Готовность, предрасположенность, умение могут формироваться при участии интеллектуальной работы. Но в конечном итоге они становятся автономными целостными формами, которые нельзя отнести к внутреннему или внешнему плану языка.

Возражение другого рода такого: юморист помимо прочего демонстрирует здравый смысл, внимательность, оценку настроений публики. Его языковое действие сопровождается еще и сознательной, мыслительной деятельностью. Тогда следует допустить, что кроме языковой деятельности, основанной на языковой установке осуществляются другие когнитивные процессы. Но, что между ними есть причинно-следственная связь, следует еще доказать.

Не все то, о чем умалчивает юморист или произносит во внутренней речи, может быть расценено как факт подлинного мышления. Более того,

¹⁶⁵ Райл Г. Понятие сознания. URL: <http://www.philsci.univ.kiev.ua/biblio/Ryle.htm> (дата обращения 07.05.2015)

вокализованные со сцены, эти «мысли» оказались бы неуместны, не представились бы «умными» и, скорее всего, испортили бы описанную здесь языковую игру. Выбранная форма поведения, о чем нужно говорить и о чем следует молчать, определяется языковыми установками и бытийным контекстом.

При решении рациональных задач не существует антагонизма между языком и мышлением, выраженного в поговорках «Язык мой – враг мой» и «Молчание золото». «В определение мышления не входит, что нужно держать рот на замке. Человек может думать, говоря громко или вполголоса; он может думать молча, но все же достаточно заметно двигая губами, так что умеющий читать по губам человек сможет прочесть его мысли. Он также может, как большинство из нас делают это с детского возраста, думать молча, не шевеля губами. Эти различия являются делом общественных и индивидуальных предпочтений, удобства и быстроты».¹⁶⁶

Нет оснований считать невербальные операции сугубо интеллектуальными. Молчание также может быть глупым и быть признаком не раздумья, а психического расстройства.

Распространенное в философии языка выражение «в мозгу» (в «Философии языка» Кривоносова, оно без кавычек встречается более 100 раз) в силу своей популярности должно быть проанализировано. Распространена точка зрения, согласно которой процесс познания заключен именно там «в мозгу», и для того, чтобы решить интеллектуальную задачу необходимо «пошевелить мозгами», «напрячь мозги». Обычно использование этой фразы обосновывается теориями о связях между когнитивными процессами и мозгом. Например, закономерности

¹⁶⁶ Райл Г. Понятие сознания. URL: <http://www.philsci.univ.kiev.ua/biblio/Ryle.htm> (дата обращения 07.05.2015)

когнитивных свойств в течение жизненного цикла мозга связывают с изменениями свойств модельной нейронной сети.¹⁶⁷

Прежде всего относительно воображаемых звуков, мы констатируем, что они находятся «в мозгу». Выражение распространяется как на внутреннюю речь, так и на мелодии, которые в нас порою «заедают». Но какие аргументы можно привести в пользу того, что куплет или мелодия «застревает» именно «в голове», а не в ухе или горле? Может быть это всего лишь идиоматическое выражение, всего лишь метафора, глубоко пустившая корни и воспринятая некоторыми мыслителями как аксиома? Конечно, и ухо и горло тоже могут быть рассмотрены как часть головы, а мозг как особо важный жизненный орган головы, тогда язык и зрение и слух выступают как придатки головного мозга. Но если мы говорим о мозге в физиологическом смысле, то как физиологически констатировать наличие конкретной «застрявшей» мелодии «в мозгу»? Итак, если кто-то говорит «в моем мозгу крутится такая-то песня», то он описывает воображаемый процесс.

Выводы. Язык – это поведение, которое формируется и корректируется на практике, в процессе реализации конкретных задач. Смысловой и материальный аспекты языка являются двумя сторонами единой языковой сущности. «Говорить» и «думать» в некоторых бытийных контекстах обозначают одно и то же действие. Жесткое разделение данных понятий проистекает из картезианской традиции противопоставления духа и машины, духовного и материального, в отношении которой находятся все больше опровержений. Таким образом, то, что принято считать интеллектуальной операцией, может в определенных случаях быть названным языковым актом.

¹⁶⁷ Терехин А. Т., Будилова Е. В., Карпенко М. П., Качалова Л. М., Чмыхова Е. В. Возрастные изменения когнитивных свойств мозга: нейросетевой подход// Дифференционно-интеграционная теория развития. – М.: Языки славянских культур, 2011. С. 435

Глава III. Реализация активности языка в познавательном процессе

3.1 Проблема вариативности влияния языковых способностей на когнитивные процессы

Несколько последних десятилетий идея о том, что языковые особенности способны влиять на познавательные функции, вызвала у ученых то энтузиазм, то разочарование, то опять осторожный оптимизм. Причина переменчивого отношения в следующем - сама по себе интересная идея основывалась на слабой доказательной базе. Но к сегодняшнему дню накопился большой фактический материал, свидетельствующий о формировании мышления под влиянием языка.¹⁶⁸ Если в классических теориях познания господствовал принцип единства познания и языка, в духе идеи единства формы и содержания, то теперь, используя терминологию Аристотеля, язык предстает не только и не столько формальной основой («causa formalis»), сколько активно изменяющей основой, производящей, движущей причиной («causa efficiens»).

Проблема активности языка проистекает из более глубокой фундаментальной проблемы активности познающего субъекта. Эта проблема древняя как философия Платона нашла свое выражение в энактивизме, современном философском направлении. Одна из принципиальных идей энактивизма заключается в том, что познание зависит от строения тела и его конкретных функциональных способностей. Безусловно, язык можно причислить к таким способностям.

В данной главе предпринята попытка осмыслить современные научные достижения в когнитологии и соотнести их с некоторыми философскими представлениями о языке, в частности с лингво-философскими взглядами Витгенштейна, а также определить эпистемологический статус языка в процессе познания. Еще одной задачей является типологизация когнитивных способностей познающего субъекта, где в качестве критерия принимается степень активности языка.

¹⁶⁸ Бородицки Л. Как язык формирует мышление// В мире науки, №5, 2011. С.15

Существует философская позиция, сторонники которой отрицают значимость языка в теории познания. Попытку искоренить проблему языка из эпистемологии недавно предпринял отечественный мыслитель А.Ю. Антоновский. По его мнению, рассматривать знание следует без всякой атрибуции, к которой относится и язык. В качестве альтернативного предмета исследования и в качестве единственно возможного базиса для эпистемологического анализа философ предлагает коммуникацию.¹⁶⁹

Антоновский ставит проблему первичности одного относительно другого, а именно первичности коммуникации перед языком. И приводит аргументы, почему коммуникацию следует считать первичной формой познания. Но даже если согласиться с выдвигаемыми аргументами (см. ниже), значит ли это что нужно соглашаться и с самой постановкой проблемы приоритета? И даже если согласиться с постановкой проблемы, логичен ли вывод, который снимает без какого-либо позитивного решения проблему отношения языка и познания?

Предполагаемый приоритет коммуникации не является достаточным основанием для утверждения, что язык нейтрален относительно познания, и что понимание различных аспектов языка не будет способствовать пониманию отдельных аспектов познания. Доказательство же активной роли языка в процессе познания является доказательством ценности и необходимости языка, как предмета исследования в теории познания.

Научные достижения и их философское осмысление может дать рациональное продолжение проблеме языка в познании, когда только одного умозрительного философского взгляда оказывается недостаточным. Действительно, язык является сложной психической функцией человека, и проблемы соотношения языка и мышления, роли языка в процессе познания представляются многогранными, не сводимыми к одному простому решению,

¹⁶⁹ Антоновский А. Ю. К проблеме intersубъективности понимания// Язык – знание – реальность. – М.: Альфа-М, 2011. С. 114

к единственному объяснительному принципу или какой-нибудь философской идеи.

Одна из научных стратегий исследований языка, которая может дать фундаментальное представление о языке, имеющее эпистемологическую значимость, заключается в поиске зависимости когнитивных способностей в частности творчества (креативности), памяти, математических способностей, от способностей языковых.

Современная психология предоставляет множество данных, из которых можно черпать аргументы в пользу идеи о фундаментальности языка.

Так, если протестировать детей одинакового социального уровня, владеющих одним языком, ивритом, и детей – билингвов (двуязычных, владеющих русским и ивритом), то сравнительный анализ результатов обнаруживает различия когнитивных способностей монолингвов от способностей билингвов. Креативность и математические способности последних имеют более высокий показатель, который становится все более выраженным с увеличением возраста детей.¹⁷⁰ (Однако существует ряд исследований, в которых обнаруживается негативное или индифферентное влияние языковых способностей на способности когнитивные.)¹⁷¹

Исследование арифметических способностей с участием китайских и американских детей показало зависимость этих способностей от языка. Китайские дети превзошли американских в решении элементарных арифметических задач. Помимо социальных факторов, повлиявших на результат исследования, ученый Дэвид Гири выделил фактор лингвистический. Дело в том, что в восточно-азиатских языках (китайском и

¹⁷⁰ Leikin M. The effect of bilingualism on creativity: Developmental and educational perspectives/ International Journal of Bilingualism, 28 March 2012, DOI: 10.1177/1367006912438300.

¹⁷¹ Bialystok E. Bilingualism: The good, the bad, and the indifferent// Bilingualism: Language and Cognition, 12, 2009. P. 3–11; Rodic M., Tikhomirova T., Kolienco T., Malykh S., Bogdanova O., SiruiWan, XinlinZhou and Kovas Y. Spatial complexity of character-based writing systems and arithmetic in primary school: a longitudinal study// Frontiers in Psychology, 26 March 2015. DOI: 10.3389/fpsyg.2015.00333

корейском) структура слов для чисел иная, чем в английском языке. Например, китайские слова для числительных 11,12,13 переводятся как *ten-one*, *ten-two*, *ten-three*, соответственно. Структура же слов влияет на стратегию, которая применяется в счете в десятичной системе. И именно стратегия китайских детей оказалась более эффективной.¹⁷²

Известно, что в языке племя индейцев пираха нет числительных, индейцы не пользуются счетом, и, как оказалось, не поддаются обучению счету.¹⁷³ Как показали исследования Гири и других ученых K.C. Fuson, Y. Kwon, I.T. Miura, Y. Okamoto не только отсутствие в языке числительных, но и структура слов числительных коренным образом влияют на арифметические способности.

Если в работе Марка Лейкина язык является коррелятом различных человеческих способностей, и не установлено прямо или косвенно, опосредованно, билингвизм влияет на креативность детей, то в работе Дэвида Гири язык предстает определяющим фактором арифметической компетенции.¹⁷⁴

Эти два из многочисленных подобных кросс-культурных исследований, по мнению М.А. Кронгауза, являются преобразовавшейся так и недоказанной гипотезой лингвистической относительности (гипотезой Сепир-Уорфа).¹⁷⁵ В них язык соотносится с другими категориями теории познания, осуществляется попытка установить связь языка и мышления, и подчеркивается активная роль языка.

Под лингвистической относительностью понимается представление, согласно которому когнитивные процессы, мышление в целом, зависят от качественных характеристик языка. Соответственно картины мира

¹⁷² Geary D. C., Bow-Thomas C. C., Fan L., Siegler R.S. Development of Arithmetical Competencies in Chinese and American Children: Influence of Age, Language, and Schooling// Child Development, 1996, 67. P. 2023 – 2024.

¹⁷³ Филимонова Я. Неземной язык индейцев пираха. URL: <http://www.pravda.ru/science/useful/16-05-2012/1115100-piraha-0/> (дата обращения: 30.05.2015)

¹⁷⁴ Geary D. C., Bow-Thomas C. C., Fan L., Siegler R.S. Development of Arithmetical Competencies in Chinese and American Children: Influence of Age, Language, and Schooling// Child Development, 1996, 67, p. 2022 – 2044.

¹⁷⁵ Кронгауз М. А. Гипотеза лингвистической относительности. URL: <http://postnauka.ru/video/6759> (дата обращения: 06.04.2015)

различных языковых сообществ являются отличными друг от друга. Но и в рамках теории языковых игр действует принцип лингвистической относительности. В пределах одного языкового сообщества можно наблюдать расхождение в восприятии действительности и, как следствие, разницу в поведении, зависящей от языковой ситуации и языковых действий. Это нетрадиционное представление о концепции языковых игр как о разновидности принципа лингвистической относительности будет разьяснено в данной главе диссертации.

Классическое понимание лингвистической относительности восходит к научным работам Э. Сепира и Б. Уорфа, однако сегодня не существует общепринятой формулировки так называемой «гипотезы лингвистической относительности».¹⁷⁶ Проблема согласованности в формулировке связана с рядом других фундаментальных проблем: какова природа языка и мышления; что понимать под влиянием языка на мышление; в каких случаях мышление влияет на язык, а в каких мышление находится под влиянием языка, и т.д. Консенсус среди ученых достигнут в убеждении частичного влияния языка на мышление и большинство исследований лингвистов направлено на уточнение понимания этого «частичного» влияния.¹⁷⁷

Современные эксперименты, поставленные в данной области, исследования направлены не на язык в целом, а на конкретную специфическую языковую ситуацию, языковую практику и коррелирующие с ней поведение и когнитивную активность. С конца XX века экспериментаторами, которые своим предметом исследования делали лингвистическую относительность, единодушно отмечалась негомогенность языка. В первую очередь сравнивались способы концептуализации пространственных отношений представителей различных языков. Для характеристики и понимания особенностей концептуализации было введено понятие «системы референции». Эти системы, представляющие собой

¹⁷⁶ Бородай С.Ю. Современное понимание проблемы лингвистической относительности: работы по пространственной концептуализации// Вопросы языкознания, №4, 2013. С. 17

¹⁷⁷ Там же. С. 18

системы координат, с помощью которых определяются расположения предметов относительно каких-либо ориентиров, классифицированы по признакам внутренней структуры системы. Так, например, в предложениях «Вася стоит перед деревом» и «Вася стоит к западу от дерева» используются разные системы референции, «встроенная» и «абсолютная» системы соответственно. Для абсолютной системы характерна независимость концептуализации в пространстве референта («Васи») от релятума («дерева») и жесткая фиксация системы координат абсолютными объективными категориями – «север», «запад», и т.д. Именно языки с доминирующей абсолютной системой референции вызвали наибольший интерес ученых.¹⁷⁸ К таким языкам в частности относятся язык австралийских аборигенов гугу йимитхирр, язык цельталь и койсанский язык хайльом. В этих языках для концептуализации пространственных отношений оперируют исключительно абсолютными категориями, они лишены признаков относительной системы референции. Как показали эксперименты, особенности лингвистического кодирования на указанных языках оказывают влияние на когнитивные способности и поведение.¹⁷⁹ Наиболее интересные результаты получены в исследованиях такой когнитивной способности как навигационное счисление пути. Аборигены гугу йимитхирр показали поразительные способности ориентации в пространстве даже на отдаленной относительно закрытой местности, указывая точное направление нахождения знакомых объектов без использования природных ориентиров. Для сравнения, испытуемые, говорящие на голландском языке не смогли справиться с заданием, что свидетельствует об отсутствии у них такой способности.

Вывод, сделанный из практической части экспериментального исследования, таков: «Для того чтобы говорить на языке, который кодирует углы на горизонтальной плоскости в абсолютных координатах, человеку необходимо быть постоянно сориентированным (знать положение «севера» и

¹⁷⁸ Бородай С.Ю. Современное понимание проблемы лингвистической относительности: работы по пространственной концептуализации// Вопросы языкознания, №4, 2013. С. 22

¹⁷⁹ Там же. С. 23

«юга») и, кроме того, необходимо знать, где он или она находятся по отношению к другим местам, на которые может возникнуть необходимость указать. Эта система никогда не может «взять выходной», поскольку никто не знает, о каком опыте или о каких направлениях человеку может понадобиться заговорить. Такие языки устанавливают устойчивое основание для навигационного исчисления. Говорение на таком языке, следовательно, это достаточное, хотя и не обязательное, условие для того, чтобы хорошо владеть навигационным счислением» (Левинсон).¹⁸⁰

Касад и Бругман, проанализировав языки кора и мистек, показали их отличие в отношении способа концептуализации положения в пространстве. Это позволило стороннику релятивизма Дж. Лакоффу сделать вывод о существовании альтернативных концептуальных систем, обусловленных спецификой языка.¹⁸¹

Таким образом, идея об активной роли языка в процессе познания поддерживается рядом научных фактов.

В контексте аналитической философии, исследуя сущность языка, Л. Витгенштейн предвосхитил проблемы рассмотренные выше. Мыслитель полагал, что решение арифметических задач является такой же языковой игрой, как, например, чтение, отгадывание загадок, перевод с одного языка на другой.¹⁸² Однако если в экспериментах Лейкина и Гири, язык и математические способности изначально рассматриваются как две независимые целостности и только в результате исследования устанавливается между ними связь, то в анализе Витгенштейна дается общее понятие для того и другого – «языковая игра», чтобы «выразить то обстоятельство, что говорить на языке означает действовать», и только потом дифференцируются философом, оставаясь тем не менее взаимосвязанными: «Вместо того, чтобы выделить нечто общее для того, что мы называем

¹⁸⁰ Цит. по: Бородай С.Ю. Современное понимание проблемы лингвистической относительности: работы по пространственной концептуализации// Вопросы языкознания, №4, 2013. С. 25

¹⁸¹ Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. – М.: Гнозис, 2011. С. 437

¹⁸² Витгенштейн Л. Философские исследования – М.: Астрель, 2011. С. 30

языком, я говорю, что у этих явлений [языковых игр] нет ничего общего, способного побудить нас употреблять для них одно и то же слово. – Однако они связаны друг с другом различными способами»¹⁸³. Таким образом, каждую отдельно взятую «языковую игру», согласно Витгенштейну, следует рассматривать как целостность, функционирующую по собственным принципам. Но австрийский философ не акцентируется на способах связи различных языковых игр. Понимание же этих связей прояснило бы вопрос о соотношении понятия «языка» к понятиям «языковых игр».

Ответ относительно связей языковых игр, мы находим в современных исследованиях психологов. Так близнецовый метод позволяет определить, во-первых, что на способности чтения и математические способности (двух «языковых игр» применяя терминологию Витгенштейна) большее влияние оказывает генетический фактор, нежели средовой, а во-вторых, наборы ген, определяющих эти способности схожи. Р. Пломин и Ю. Ковас проводили исследования на близнецах с нарушенными функциями чтения и счета, однако как отмечают авторы, ранее проведенные исследования на здоровых людях, показали по существу такие же результаты.¹⁸⁴ Таким образом, можно сделать вывод о генетической взаимосвязи языковых и познавательных функциях. Но в биологическом аспекте поиск связей языка и мышления на разных уровнях (клеточном, органическом) становится более проблематичной, данные противоречивы, и у некоторых ученых создается впечатление «что каждая из ветвей общего дерева научного знания о мозге и языке обладает своей собственной правдой».¹⁸⁵ Однако некоторые результаты естественнонаучных исследований и философского анализа (как показано выше) иногда так хорошо соотносятся и дополняют друг друга, что это внушает оптимизм и веру в продуктивное сотрудничество науки и

¹⁸³ Там же. С. 58

¹⁸⁴ Kovas Y., Haworth C. M. A., Harlaar N., Petrill S. A., Dale P. S., Plomin R. Overlap and specificity of genetic and environmental influences on mathematics and reading disability in 10-year-old twins/ *Journal of Child Psychology and Psychiatry* 48:9 (2007). P. 914 – 915.

¹⁸⁵ Черниговская Т. В. Nature vs. Nurture в усвоении языка// Дифференционно-интеграционная теория развития. – М.: Языки славянских культур, 2011, С. 487

философии именно в области языка. Так, например, витгенштейновская парадигма, дает теоретическое основание для широкого спектра возможных исследований, таких как соотнесение разнообразных языковых игр и определение влияния генетических и средовых факторов для каждой из них.

Противники идеи, определяющей языку значительную роль в процессе познания, выводят свои контраргументы из экспериментов над младенцами, обезьянами и инвалидами (немыми, объясняющимися жестами). Одним из таких современных противников является психолингвист Стивен Пинкер, который в своем бестселлере «Язык как инстинкт» доказывает, что мы думаем не словами, а мысленными образами.¹⁸⁶ Антоновский также не избежал ссылок на животных и на новорожденных. Именно младенцы и животные, пишет философ, не владея языком, способны различать субъект и объект, а значит, способны познавать.¹⁸⁷ Ответ на это положение против языка, как фундамента познания подсказывает сам автор – в этой же статье, критикуя попытку Куайна натурализовать эпистемологию, он четко разграничивает научное и донаучное познание. В своем же положении, ссылаясь на младенцев, Антоновский рассуждает о познании вообще, а не о донаучном познании, о котором говорить в данном случае было бы корректнее. Однако следует учитывать, что есть такие формы познания, где языковые функции не задействованы.

По степени влияния языка на мышление субъекта можно выделить следующие типы познавательных способностей:

- когнитивные способности, которые зависят от структуры языка, уровня владения языком, владения несколькими языками (назовем их «вербальные» способности);
- способности, в которых язык либо не участвует совсем, либо выступает в только качестве формальной основы («невербальные» способности);

¹⁸⁶ Пинкер С. Язык как инстинкт. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. С. 67

¹⁸⁷ Антоновский А. Ю. К проблеме интерсубъективности понимания// Язык – знание – реальность. – М.: Альфа-М, 2011. С. 114

- когнитивные способности коррелирующие с языковыми способностями, что не исключает активной роли языка («условно-вербальные» способности).

Вероятно, в известных нам типах познания – мифологическом, религиозном, научном - будет встречаться комбинация различных типов способностей субъекта, и «концентрация» вербальных способностей, например, в религиозном и научном познании окажется неодинаковой. Это требует дополнительного исследования.

Вопреки мыслителям, вообще отрицающим активную роль языка в процессе познания, сформулируем принципы разностороннего подхода, благодаря которому возможно установить отношение языка к познанию. Этот подход заключается в необходимости учета трех типов исследования: кросс-культурные исследования языковых и когнитивных способностей; решения проблемы отношения языка и реальности, в рамках аналитической философии; исследования, направленные на поиск биологических оснований языка и мышления.

Кроме этого, важно понимать причины радикального неприятия роли языка в теории познания и противопоставлять симметричную критику такой оппозиции.

Выводы. Картина мира зависит от различных когнитивных способностей познающего субъекта, таких как память, язык, восприятие, чувство числа (number sense), креативность и т.п.¹⁸⁸ Среди прочих качеств особую роль в познании играют языковые способности, поскольку с разной степенью активности они влияют на ряд иных интеллектуальных способностей, участвующих в формировании этой картины мира. Таким образом, вопрос о роли языка в построении концептуальной картины мира смещается с области исследования структуры языка и смысла языковых

¹⁸⁸ Бажанов В. А. Разновидности и противостояние реализма и антиреализма в философии математики. Возможна ли третья линия? // Вопросы философии, 2014а, №5. С. 52 – 64; Бажанов В. А. Реализм, антиреализм и идея третьей линии в философии математики // Математика и реальность. Труды Московского семинара по философии математик. М.: Изд-во Москов. ун-та, 2014б. С. 231 – 252.

выражений (фактически с области аналитической философии) в область анализа взаимосвязи языковых с другими психологическими процессами. Под языковыми способностями следует понимать как уровень владения языком, так и возможности одного языка относительно другого. Например, взрослый индеец из племени пираха, может владеть языком своего племени лучше, чем русский пятиклассник владеет родным, однако, ограниченные относительно русского языка возможности языка пираха, ограничивают возможности познания индейцем окружающего мира, поэтому пятиклассник потенциально имеет интеллектуальное преимущество. В этом контексте сентенция Витгенштейна «Границы моего языка определяют границы моего мира»¹⁸⁹ может быть уточнена так: «Границы моих языковых способностей определяют границы моего познания мира».

Концептуализация пространства и пространственных отношений является стержнем формирования картины мира познающего субъекта. В способах и формах концептуализации проявляется дух, характер, менталитет языкового сообщества.

Для языков примитивных народов характерна точность выражения пространственных характеристик и отличий физических процессов и видов деятельности. В языке американских аборигенов редко встречается обозначение ходьбы, его заменяют конкретизированные специальные выражения для ходьбы в гору и под гору. А выражая состояние покоя, аборигены используют отдельно высказывания «стояние под» и «над», «внутри» и «вне» определенной части пространства. Функцию, которую выполняет глагол в индоевропейских языках для концептуализации места положения и расстояния, в языках американских племен выполняют частицы, имеющие пространственные значения. Так утверждается относительно малайско-полинезийских языков, что в них настолько четко различаются разнообразные положения человеческого тела, что анатом или скульптор могли бы извлечь непосредственную пользу, например, в яванском

¹⁸⁹ Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. – М.: АСТ, 2010. С. 101

языке существуют отдельные слова для 10 различных видов стояния и 20 видов сидения. Наше выражение «человек болен» на американских языках (коренных туземцев) будет включать и информацию о том, как далеко находится больной по отношению к говорящему, указываются пространственные характеристики места расположения больного и его поза. Таким образом, в различных языках степень важности пространственных характеристик неодинакова. Но именно особенности концептуализации пространственных отношений лежат в основе множества языковых игр, определяют ряд когнитивных способностей (например, способность навигационного счисления) и делают возможным отображения других второстепенных отношений. Язык обретает средство для представления самых разнородных качественных связей, зависимостей и контрастов только через отношения соположения, совместности, разъединения. «Сам язык изначально несет в себе пространство, сопрягающее предметные и предметно не выраженные смыслы»¹⁹⁰, сам язык является установкой для постижения пространства и пространственных отношений.

Метафоричность в выражении пространства примитивных языков, не исключает стремление к реляционному чисто интеллектуальному выражению. Так как первоначально звук, выполняет функцию усиления жеста, движения указывающего на что-либо, является «вокальным жестом», то для обозначения пространственных координат в разных языках используются схожие звуки. Этот факт делает возможным предположение, что именно указательные местоимения представляют собой «элементарные мысли» формирования языка, которые обнаруживаются однотипными в различных языковых областях.

В различных языках распространено обозначение различий в положении и удаленности объекта, на который указывает местоимение, через простую замену гласного или согласного. Существуют языки, где разные

¹⁹⁰ Жаров С. Н. Бытие и пространство: трансцендентальная перспектива// Пространство как трансцендентальная предпосылка познания реальности – М.: ИФРАН, 2014. С. 24

местоимения могут обозначать и то, что находится в сфере восприятия говорящего человека, и служит для обозначения того, что находится в зоне восприятия слушающего, а также для обозначения отсутствующего объекта.

С таких исходных языковых позиций начинается познание окружающей действительности, проявляется активность субъекта познания.

Из пространственной концептуализации вытекает дифференциация категорий «Я», «Ты», «Он» от физических объектов. В созидании языка именно сращение пространственных и временных координат служит средством все более четкой выработки категории «предмета» в языковом отношении.¹⁹¹ Переход от пространственных представлений к представлению о субстанции обнаруживается в таком языковом явлении как артикль. Кассирером определена цель артикля именно в выработке понимания субстанции. В тех языках, где используется артикль просматривается его связь с указательными местоимениями, от которых он отпочковался. Однако в некоторых языках артикль не всегда выполняет эту функцию, так как употребляется и с существительными и с местоимениями и даже с союзами. Из этого факта можно сделать вывод, что обретение артиклем функции выражать «объективации» является постепенным процессом протекающим в общем процессе развития языка.

Известно, что в индонезийских языках имеется особый личный артикль, употребляемый с именами отдельных людей и родов не для того, чтобы более точно охарактеризовать их, а только чтобы отметить их как имена собственные. В языке индейцев понча используются как артикли для неодушевленных предметов, так и для одушевленных существ. Артикли указывают ко всему прочему на форму предметов и на позу одушевленного существа.

Концентрация внимания на пространственные отношения, отображенная в языке, лежат в основе ориентации в окружающей местности. Так, в языках с абсолютной системой референции это проявляется в полной

¹⁹¹ Кассирер Э. Философия символических форм. Т. 1: Язык – М.: Академический Проект, 2011. С. 137

мере. Отделение чистой категории субстанции от частных форм пространственного созерцания с одной стороны свидетельствует о формировании абстрактного мышления, с другой – это является признаком утраты способностей, связанных с языковой практикой пространственной ориентации.

В некоторых примитивных языках пространственные различия связаны с осознанием собственного тела, как чего-то упорядоченного и постоянного. И мир проектируется сообразно телесному представлению. Части тела становятся моделью для проекции пространственных отношений.

В африканских языках манде и языках Океании для выражения наших понятий «перед», «позади», «на» используются существительные, обозначающие части тела – «глаз», «спина», «затылок» соответственно. В урало-алтайских языках в формировании слов, обозначающих пространственные отношения используются именные выражения, например, «вершина», «основание», «след», «сердцевина», и т.п.

Предлоги индоевропейских языков изначально были самостоятельными словами, об этом свидетельствуют их соединения с глагольной основой, которые представляются весьма искусственными образованиями.

Также падежные формы в древности выражали внешние пространственно-временные характеристики, и в позднейшем развитии обрели более абстрактное значение.¹⁹² Противоположную позицию относительно идеи, будто всякое развитие языка идет от наглядного к понятийному, от конкретного к абстрактному, разделяли В. Вундт, Б. Дельбрюк и пр. придававшие понятию созерцаемого более широкий смысл.¹⁹³

Концептуализация пространственных отношений может осуществляться не только посредством имен существительных, но и с

¹⁹² Кассирер Э. Философия символических форм. Т. 1: Язык – М.: Академический Проект, 2011. С. 141

¹⁹³ Вундт В. Психология народов. – М.: Эксмо, 2002. С. 237 – 244.

помощью пространственных глаголов. Употребление таких глаголов требует особого языкового навыка, так как выражение действия более свободно от вещественного элемента, чем обозначение отношений с помощью только существительного.¹⁹⁴

Пространственные глаголы используются для передачи различия в движении, передвижении ими же обозначаются характер и направление движения, подобно суффиксам. Американские аборигены с помощью таких суффиксов объясняют происходит ли движение в каком-либо помещении или же за его пределами; проходит ли оно по воде или по суше, по воздуху или под водой; по направлению к берегу или от берега.

Как отмечают ряд исследователей именно концептуализации пространственных отношений становится основой разделения субъекта от окружающей обстановки, внешнее созерцание трансформируется во внутренне созерцание. Именно пространственные указательные элементы сформировали личные местоимения.¹⁹⁵

Кодирование пространства в языке имеет обратную связь в представлении о действительности и осознании самого себя в контексте этой сформированной картины мира. Эта картина мира не является статичной и видоизменяется вместе с развитием языка.

Сложность выражения временных отношений и основное отличие от пространственной концептуализации заключается в отсутствии непосредственного созерцания в содержании временных представлений.

Представление о времени, так же как и представление о пространстве сопряжено со степенью развитости языка. Влияние интеллекта, доминирование абстрактного над конкретным становится признаком если не совершенства одного языка перед другим, то показателем иного видения, особого статуса языка. Однако и в самых развитых языках абстрактное теоретизирование опосредовано языковыми приемами метафоризации,

¹⁹⁴ Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода: Введение во всеобщее языкознание – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. С. 248

¹⁹⁵ Там же. С. 250

описывающих абстрактные категории более конкретными терминами. Одним из первых философов, поставивших проблему оснований рационального мышления и абстрактных понятий, был Платон. Он обратил внимание, что информацией материального мира данной чувствам познающего субъекта не может быть объяснено наличие в нашем познании таких понятий как «равенство», «благо», «прекрасное», «бытие» и прочие абстрактные категории. Мыслитель полагал, что абстракции, которые делают возможным рациональное познание, даны нам до рождения. Согласно Платону, бессмертная душа до своего вселения в тело витала ничем не обремененная и могла видеть сущности, которые забылись после воплощения души. И только посредством припоминания душа вновь обретает виденное ранее, что кладется в основу истинного познания.¹⁹⁶

Современное научное объяснение того, как мы усваиваем и осмысливаем абстрактные понятия, отсылает к рассмотрению метафор. Именно метафоры, согласно гипотезе метафорического структурирования, используются для организации абстрактной информации.¹⁹⁷ По средствам метафор абстрактные понятия раскрываются более конкретными терминами. Суть метафоры заключается в понимании и переживании сущности одного вида в терминах сущности другого вида.¹⁹⁸ Абстрактное знание может быть построено по аналогии с более конкретным знанием. А поскольку языки разных культур могут поддерживать разные аналогии, постольку можно говорить о языке как о факторе, структурирующем наше мышление, восприятие и деятельность.

Использование метафор в повседневной жизни не всегда осознается интеллектом, однако их использование распространено настолько, что делаются выводы о метафоричности всей нашей обыденной понятийной системы.¹⁹⁹

¹⁹⁶ Платон. Диалоги. - М.: АСТ, 2005. С. 226 – 228.

¹⁹⁷ Бородин Л. Как язык формирует мышление// В мире науки, №5, 2011. С. 16

¹⁹⁸ Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 27

¹⁹⁹ Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 25

Метафоры пронизывают не только обыденную понятийную систему, но и научный язык. Часто новые термины вводятся в науку в виде метафор. Объясняется это стремлением создать психологический эффект, преподать идею, мысль более воспринимаемой для других. «Интуитивная привлекательность научной теории зависит от того, насколько хорошо ее метафоры соответствуют опыту человека»²⁰⁰, «мысль легче воспринимается, если она производит шокирующее впечатление, создает интеллектуальное напряжение»²⁰¹. Метафорическая структура языка является таким способом создания интеллектуального напряжения, а языковые способности точного подбора слов для формулировки мысли становятся немаловажным фактором качества исследовательской работы и новых научных открытий.

Пространственные и временные отношения в разных языках концептуализируются метафорически. Во многих языках сферы пространственных и временных характеристик образуют единое целое. Достигается это с помощью используемых одинаковых слов и для временных отношений и для пространственных. В примитивных языках пространственные наречия употребляются и во временном смысле, так что слово, значащее «здесь», совпадает со словом, значащим «сейчас», слово, значащее «там», обозначает также более раннее или более позднее время.²⁰²

Существенное различие заключено в способах концептуализации: временные отношения чаще отображены посредством глаголов, обозначающих процесс или действие. По сути, глагол и есть «временная часть речи», однако не во всех языках. В ранее упомянутом языке сомали не только пространственные, но и временные различия концептуализируются гласными в артикле. Присоединяя три разные гласные в артикле к обычным именам, не содержащим в нашем языке никаких временных характеристик, можно получить временные указатели. Гласный *-a* служит для выражения

²⁰⁰ Там же. С. 43

²⁰¹ Налимов В. В. Вероятностная модель языка. О соотношении естественных и искусственных языков – М.: Наука, 1979. С. 121

²⁰² Кассирер Э. Философия символических форм. Т. 1: Язык – М.: Академический Проект, 2011. С. 149

настоящего, гласный *-o* для выражения отсутствия в настоящем времени, при этом отсутствует различие между будущим и еще недалеким прошлым. И лишь затем при помощи этого разделения опосредованно проводится жесткое разграничение в выражении *действий*, делящихся на законченные и незаконченные, пунктуальные и более или менее продолжительные.²⁰³ Такой способ концептуализации времени может свидетельствовать как об обостренном чувстве времени у представителей языкового сообщества сомали так и об отсутствии понимания специфики времени.

Из наблюдений за детской речью отмечено более позднее освоение временных наречий относительно пространственных. Возражение будто детская речь – это речь нянек и кормилиц²⁰⁴ в данном случае неуместно, так как изначально детьми просто не осознается мера временных отрезков даже при слуховом восприятии временных наречий.

Существуют языки, в которых не существует различия между прошлым и будущим. Например, в языке эве одним словом обозначаются понятия «вчера» и «завтра». В языке шамбала одно и то же слово употребляется и чтобы отсылать к давнему прошлому, и указывать на далекое будущее. В племени нту, говорящим на шамбале, время рассматривается как вещь, для них существует сегодня и не-сегодня без различия к чему это не-сегодня относится к свершившимся событиям или к предстоящим. Для передачи временных отношений на этом языке используются имена, которые изначально имеют пространственное значение.²⁰⁵

Восприятие движения и действия у представителей племени нту соответственно иное, поскольку их неразвитому временному сознанию не присуще целостность.

Выводы. Исследования концептуализаций пространства и времени в различных языках позволяют еще раз констатировать корреляцию между

²⁰³ Кассирер Э. Философия символических форм. Т. 1: Язык – М.: Академический Проект, 2011. С. 152

²⁰⁴ Вундт В. Психология народов. – М.: Эксмо, 2002. С.55

²⁰⁵ Roehl K. Versuch einer systematischen Grammatik der Schambalasprache. – Hamburg, 1911. S. 108

языком и воспринимаемым окружающим миром. А также - корреляцию чувственного и интеллектуального в самом языке. Однако вопрос об односторонней или двусторонней зависимости как в случае с первой корреляцией, так и со второй, остается открытым. В различных языках неодинаково кодируются аспекты мира и подчеркиваются разные аспекты бытия. Особенности таких кодировок создают психологические и интеллектуальные эффекты, которые проявляются в решениях специфических когнитивных задач. Что также является аргументом в пользу тезиса – то как мы думаем зависит от того на каком языке мы разговариваем.

3.2 Роль вербальной агрессии в когнитивном процессе философствования

В данной главе диссертации представлен литературный обзор и теоретический анализ основных видов вербальной агрессии в философских текстах; предложена классификация их форм, основанная на уже существующих достижениях в психологии. Феномен вербальной агрессии в философии рассмотрен с историко-философского, этического и эпистемологического аспектов. Проявление вербальной агрессии широко распространено в философии, ее элементы обнаруживаются в традициях различных философских школ и направлений. Исследование вербальной агрессии дополняет понимание познающего субъекта, который является наравне с объектом важным элементом теории познания. Показано, что функции агрессивных выражений в философских текстах отличаются от функции в религиозном типе мировоззрения. Доказывается, что вербальная агрессия, хотя и неприемлема согласно этическим принципам, имеет значимость для философии и поэтому не должна быть совершенно отверженной современным философским сообществом. Изучение вербальной агрессии конкретно в ее существовании в философских текстах призвано расширить общее понимание этого многообразного феномена в различных дисциплинах.

Отличительной чертой философского типа мировоззрения является вербальная агрессия познающего субъекта. Во множестве отечественных и зарубежных философских текстах вербальная агрессия ярко выражена. В разной степени она присуща почти каждому философу, будь то материалист или идеалист, рационалист, сенсуалист и т.д., и отражена в изложении их мыслей. Однако сам феномен вербальной агрессии в философии остается не исследованным, так как в современном философском сообществе какая-либо эмоциональная окраска содержания текста считается недопустимой.

Проблема возникает тогда, когда автор, исполненный праведным гневом в отношении предшествующих недобросовестных, как ему кажется,

философских изысканий, должен подавлять в себе чувство агрессии, чтобы оно не отразилось на письме. В противном случае, редактор забракует статью автора, посчитав ее чересчур субъективно эмоциональной. Но, а как же требование современной эпистемологии учитывать особенности познающего субъекта? Ведь субъект вынужденный подавлять в себе чувства, сам нивилирует эти особенности.

Рассмотрение философских текстов раскрывает масштабы присутствия вербальной агрессии в философии, и постановки вопроса о приемлемости использования этого компонента в процессе философствования на всем протяжении процесса.

Под вербальной агрессией следует понимать любой вид выражений, которые считаются предосудительными, способных принести вред другим. Однако необходимо отметить, что причинение вреда не всегда является **целью** того, кто употребляет агрессивные высказывания, поэтому понятие «намерения» не должно включаться в основу определения.

Благодаря существующей в психологии классификации видов словесной агрессии появляется возможность дать исчерпывающую характеристику каждому проявлению вербальной агрессии в творчестве какого-либо мыслителя и выделить те виды агрессии, которые присущи всей философии вообще.

Так, во-первых, по отношению к объекту различают переходную и непереходную речевую агрессию.²⁰⁶ Для переходной характерно наличие определенного объекта агрессии, конкретность и представленность объекта в конкретной речевой ситуации, а в непереходной (смещенной) агрессии определенный объект агрессии отсутствует, объект абстрактен. И переходная, и смещенная форма речевой агрессии встречаются в философии.

Примером смещенной формы могут послужить слова, пожалуй, самого «агрессивного» мыслителя античности - Гераклита: «Все живущие на земле

²⁰⁶ Михальская А. К. Русский Сократ: лекции по сравнительно-исторической риторике. – М.: Академия, 1996. С. 67

люди чужды истине и справедливости и дорожат неумеренностью и пустыми мнениями, следуя своему злему неразумию»²⁰⁷. Если в данном примере агрессия направлена на всех людей, то в переходной вербальной агрессии Н. Бердяева объектом является конкретный человек: «Толстой – настоящий отравитель колодцев жизни. Толстовская моральная рефлексия есть настоящая отравка, яд, разлагающий всякую творческую рефлексю, подкапывающий жизнь»²⁰⁸.

Во-вторых, вербальную агрессию классифицируют по степени выраженности на слабую и сильную. Сильная агрессия отличается от слабой особой дерзостью, экспрессией, грубостью. Символом сильной вербальной агрессии в философии, наверное, можно признать творчество В.И. Ленина, а именно его произведение «Материализм и эмпириокритицизм» в которой брань, ругательства, оскорбления содержатся в изобилии. Вербальная агрессия у Ленина настолько сильна, что создается впечатление, будто для него философия – это лишь повод поругаться, полигон для сведения счетов с идеологическими противниками. «Казенные профессора казенной философии», «дипломированные лакеи поповщины»²⁰⁹ – это еще не самые обидные выражения великого революционера.

К слабой вербальной агрессии относятся суждения, содержащие скрытый упрек, не прямое осуждение. В качестве примера можно привести слова Конфуция, взятые из его учения: «Цзай Юй заснул среди бела дня. Учитель сказал: - Не вырезать узора на гнилом суку, стену из навоза не отштукатурить. За что же упрекать мне Юя?». ²¹⁰

Как отмечает Ю. В. Щербинина вслед за А.К. Михальской, трудно отделить слабую речевую агрессию от неагрессивного порицания или наставления, вследствие чего необходимо обращение к контексту.²¹¹ Но необходимо также ввести критерий, позволяющий разграничивать

²⁰⁷ Цит. по: Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии. Книга первая. – СПб.: Наука, 2006. С. 288

²⁰⁸ Бердяев Н. А. Падение священного русского царства: Публицистика 1914-1922. М.: Астрель, 2007. С. 802

²⁰⁹ Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм. – М.: Изд-во Политической литературы, 1977. – 392 с.

²¹⁰ Конфуций. Уроки мудрости. М.: Эксмо, 2007. С. 36

²¹¹ Щербинина Ю. В. Вербальная агрессия. – М.: ЛКИ, 2008. С. 134

агрессивное порицание от неагрессивного. Таким критерием может быть цель порицающего субъекта: если целью является обратить внимание объекта порицания на свои пороки и недостатки, чтобы этот объект мог их исправить, то такое порицание следует считать неагрессивным, если цель не ограничивается самим объектом порицания, выражается безразличие к возможному отношению объекта на высказанное замечание в его адрес, то такое порицание следует считать агрессивным. Однако контекст философии обращен обычно не к отдельному человеку, которого порицают, а к народу, к поколениям, к человечеству, и, следовательно, согласно выделенному критерию, такое порицание следует расценивать как агрессивную форму выражения.

В-третьих, вербальная агрессия как элемент философии целенаправленна, и, следовательно, поддается делению на инициативную и оборонительную. Для инициативной - характерна активная роль субъекта познания, иницирующего вербальную агрессию. Оборонительная агрессия представляет собой ответную реакцию субъекта на давление со стороны объекта. Оба примера инициативной и оборонительной агрессии мы находим у Канта в работе «Пролегомены»:

1) «Если рассмотреть хорошенько, эта апелляция к здравому смыслу есть не что иное, как ссылка на суждение толпы, от одобрений которой философ краснеет, а популярный болтун торжествует и делается дерзким. Но, я думаю, Юм мог бы изъять так же притязание на здравый рассудок, как и какой-нибудь Битти, да сверх того еще на нечто такое, чем Битти, конечно, не обладал, именно на критический разум, ...».²¹²

2) Второй пример – это ответ Канта на критическую статью рецензента: «Он [рецензент], кажется, вовсе не понимает, о чем собственно, идет дело в том исследовании, которым я – удачно или неудачно – занимался; виной ли тому недостаток терпения продумать обширное сочинение, или досада на

²¹² Кант И. Пролегомены ко всякой будущей метафизике, могущей возникнуть в смысле науки. – М.: Академический Проект, 2008. С. 10

угрожающую реформу в такой науке, где он считает все для себя выясненным, или наконец – что я неохотно предполагаю – действительная ограниченность понимания, не позволяющая ему никогда выйти мыслью за пределы своей школьной метафизики,... он не может не принести публике полезные сведения, ни повредить сколько-нибудь мне в суждении знатоков».²¹³

В первом примере, Битти – объект вербальной агрессии Канта, не имеет прямого отношения к самому Канту, тогда как во втором случае рецензент имеет непосредственное отношение к вызванной речевой агрессии великого немецкого философа.

Далее, по числу участников ситуации общения речевая агрессия может быть не только межличностной, но и массовой, для которой характерно объединение всех участников в акте речевой агрессии против «врага». В философии массовая агрессия просматривается в контексте целого философского направления, школы или исторического периода. Так между партийными советскими философами исторического материализма и «буржуазными» мыслителями, «от которых действительно невозможно ожидать научной беспристрастности и объективности»²¹⁴ на протяжении нескольких десятилетий существовал антагонизм. Сами марксисты называли это философское противостояние «ожесточенной борьбой», борьбой за установление диктатуры пролетариата с одной стороны и за интересы капиталистических монополий – с другой.

По одному из признаков массовой агрессии, выделенной А.К. Михальской, а именно, «направленное и намеренное воздействие лидера на особый инстинкт воодушевления, воодушевляющего боевого порыва»²¹⁵, можно констатировать наличие элементов массовой вербальной агрессии и в отдельно взятом философском тексте. Ницшеанский Заратустра является в

²¹³ Там же. С. 138 – 139.

²¹⁴ Марксистско-ленинская философия. Исторический материализм. М.: Мысль, 1972. С. 21

²¹⁵ Михальская А. К. Русский Сократ: лекции по сравнительно-исторической риторике. – М.: Академия, 1996. С. 17

обличье такого лидера: «Любите мир как средство к новым войнам... Я призываю вас не к работе, а к борьбе. Я призываю вас не к миру, а к победе. Да будет труд ваш борьбой и мир ваш победой!»²¹⁶.

Таким образом, к множеству агрессивных высказываний в философии вполне применимы существующие классификации в психологии. Распространенность вербальной агрессии в культуре философствования свидетельствует о значимости этого феномена.

Теперь следует обратиться к наиболее часто встречаемым в философии формам вербальной агрессии. К таковым следует отнести оскорбление, угрозу, враждебное замечание, порицание (упрек, обвинение), насмешку.

В философских текстах оскорблением следует считать выражение, включающее обидную характеристику, как самого объекта, так и обидный отзыв относительно интеллектуальной собственности объекта. Такие выражения в науке принято считать эмоциональными, оценочными, неприемлемыми для объективного познания. Ю.В. Щербинина выделяет три разновидности оскорблений в зависимости от способа воздействия на адресата: прямое, косвенное, переносное.

Прямое оскорбление отличается нескрываемой злобой субъекта по отношению к тому, на кого это оскорбление направлено. Прямое оскорбление может содержать преувеличенную форму прилагательных и обладать яркой образностью. В качестве примера напрашиваются оскорбительные выпады А. Шопенгауэра в адрес другого философа Гегеля: «Философия этого Гегеля – псевдофилософия, расслабляющая все умственные способности, заглушающая всякое подлинное мышление и ставящая на его место с помощью незаконнейшего злоупотребления словами пустейшую, бессмысленнейшую, нелепейшую и потому, как показывают результаты, умопомрачительнейшую словесную чепуху...»²¹⁷.

²¹⁶ Ницше Ф. По ту сторону добра и зла: Сочинения. – М.: Эксмо, 2003. С. 329

²¹⁷ Шопенгауэр А. Две основные проблемы этики. М.: АСТ, 2005. С. 23

Косвенным считается такое оскорбление, где есть обидное сопоставление с литературным героем или историческим деятелем. Такая разновидность вербальной агрессии предполагает сравнительно высокий уровень культуры речевого общения, а значит, неизбежно присутствует в философском наследии человечества. И Л. Шестов в произведении «Апофеоз беспочвенности» доказывает, что он этого высокого уровня достиг: «У Чехова есть рассказ «Беда», который очень хорошо иллюстрирует, как трудно человеку освоиться с новой истиной, если она грозит прочности его положения. Купец Авдеев не верит, что он виноват, что он попал под суд... В мире ученых происходит нечто подобное. Они до того привыкли считать себя невинными и правыми, что решительно ни на одну минуту не допускают мысли, что попадут под суд, и когда до них доходят грозные голоса, призывающие к ответственности, они только недоверчиво пожимают плечами...».²¹⁸

Наконец переносное оскорбление в философии направлено не на идеи конкретного мыслителя, а на его личность, на его внешность либо образ жизни: «Сократ по своему происхождению принадлежал к низшим слоям народа: Сократ был чернью. Нам известно, мы даже видим это, как безобразен был он».²¹⁹ Косвенная вербальная агрессия Ф.Ницше предваряет его прямую агрессию, направленную на само учение Сократа.

Следует отличать от оскорблений неизбежные прозвища, указывающие на черты характера или особенности поведения или специфику мировоззрения адресата. Гераклит получил прозвище «темный» за свое пространное изложение мыслей. Циника Антисфена прозвали «обыкновенной собакой» за грубые манеры и вульгарное поведение, которые отражали систему ценностей всех представителей цинической философии. Философ С. Крипке был иронично прозван «Крипкенштейном» за свою последовательность идеям Витгенштейна.

²¹⁸ Шестов Л. Апофеоз беспочвенности. – М.: АСТ, 2000. С. 496

²¹⁹ Ницше Ф. По ту сторону добра и зла: Сочинения. – М.: Эксмо, 2003. С. 760

Одной из распространенных форм вербальной агрессии в философии является упрек (обвинение). Обвинение есть тот же самый упрек, выраженный в более жесткой бескомпромиссной форме. Чертой отличающей упрек как вербальную агрессию от нормального объективного замечания является справедливость высказывания, однако само понятие «справедливости» неоднозначно, а потому даже дружелюбное порицание может вызывать у адресата враждебное отношение, а у интерпретатора текста ошибочное приписывание автору злого умысла. Более того, существует точка зрения, согласно которой, любая критика даже обоснованная имеет своей первопричиной агрессию, злобу. Подобную точку зрения высказывает Сеттембрини - персонаж в произведении философа гуманиста Т.Манна «Волшебная гора»: «Злость – самое блестящее оружие разума против сил мрака и безобразия. Злость, сударь мой, это душа критики, а критика – источник развития и просвещения»²²⁰. Таким образом, вербальная агрессия в философии получает рациональную легитимацию, как основание всякой критики.

Русский философ В. Соловьев демонстрирует необоснованность своего упрека в адрес англичан и немцев, который можно назвать агрессивным: «Эмпирик англичанин имеет дело с фактами; мыслитель немец – с идеями: один грабит и давит народы, другой уничтожает в них самую народность»²²¹. Понятно, что «англичанин» и «немец» здесь являются собирательными понятиями, имеющими значения английского и немецкого народов. Соловьев, таким образом, создает негативный национальный стереотип.

Широко распространен в философии упрек в интеллектуальной недобросовестности, в неспособности глубоко мыслить, в абсурдности и бессмысленности высказываний. Избежать таких упреков в философии практически невозможно. Это свидетельствует о постоянном развитии философской мысли и о появлениях новых идей. Появление принципа

²²⁰ Манн Т. Волшебная гора. М.: Астрель, 2011. С. 73

²²¹ Соловьев В. Национальный вопрос в России. М.: АСТ, 2007. С. 13

верификации в логическом позитивизме, объявление бессмысленности всей метафизики сопровождалось не всегда дружественным тоном в адрес того, что метафизики сделали, какой вклад внесли в историю философии. Так Рудольф Карнап отказывается признавать метафизиков философами и уделяет им не самое первое место в искусстве: «Метафизики – музыканты без музыкальных способностей... Вместо того, чтобы, с одной стороны, осуществлять эту склонность в области науки, а с другой стороны, удовлетворять потребность выражения в искусстве, метафизик смешивает все это и создает произведения, которые ничего не дают для познания и нечто весьма недостаточное для чувства жизни»²²².

Еще одним обидным для мыслителя ярлыком является термин «софист». Уже упомянутый В.И. Ленин не стесняется обвинять на страницах своего произведения Маха и Авенариуса в солипсизме и в софизме. Действительно слово «софист» превратилось в ругательство и стало синонимом таких слов как «демагог», «болтун» и т.п. Хотя делаются попытки развеять дурную славу софистов, проистекающую с античных времен. Например, Гегель, доказывая значимость учений софистов, не избегает колкостей в адрес ученых: «Софисты представляют собой прямую противоположность нашим ученым, которые стремятся лишь к знаниям и исследуют то, что есть и было, так что в результате получается масса эмпирического материала, где открытие новой формы, нового червя или другого насекомого и нечисти почитается великим счастьем. Наши ученые профессора постольку куда невиннее софистов, однако за эту невинность философия не даст ни гроша»²²³.

Угроза – форма агрессии, встречающаяся как в философии, так и в религии. Можно утверждать, что угроза является доминирующей формой агрессией в религии, в то время как в философии она бывает реже.

²²² Карнап Р. Преодоление метафизики логическим анализом языка. URL: <http://kant.narod.ru/carnap.htm> (дата обращения 01.03.2015)

²²³ Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии. Книга первая. – СПб.: Наука, 2006. С. 7

Действительно, в христианской литературе и прежде всего в библии есть много предостережений против «злоречивости», сквернословия и прочих типов вербальной агрессии. Ю.В. Щербинина в главе «Вербальная агрессия в оценке православной культуры» обстоятельно исследует этические принципы христианства, имеющие отношение к данной проблеме, приводит множество цитат подтверждающих негативную оценку проявлениям именно вербальной агрессии. Но Щербинина упускает из рассмотрения элементы вербальной агрессии присущей основателям христианского вероучения. Подборку выражений библейских персонажей содержащих угрозу уже сделали Ф. Ницше в работе «Антихристианин» и М. Лютер в работе «О рабстве воли». Здесь нет необходимости приводить эти цитаты вновь, достаточно указать на места в библии, где их можно найти: (Мф 5:46), (1 Кор 3:16), (Мк 6:11), (Мк 9:42), и т.д. Многочисленные угрозы в христианстве объясняются специфическим пониманием мудрости, сформулированной Соломоном, будто мудрость – это страх Господень. Следовательно, постижение мудрости возможно для ближнего через устрашение ближнего перед Богом. Цель всех угроз апостолов и пророков – приобщение к Божественному началу. Хорошо ли это средство – такой вопрос здесь не ставим. Угрозы в философии, как правило, сопряжены с религиозным типом мировоззрения. Рассмотрим угрозу Сократа, адресованную своим соотечественникам после оглашения смертного приговора: «И вот я утверждаю, афиняне, меня умертвившие, что тотчас за моей смертью постигнет вас кара тяжелее, клянусь Зевсом, той смерти, которой вы меня покарали...»²²⁴. Видим, что в этой угрозе, высказанной в форме пророчества, есть упоминание божественной силы. И хотя Сократ угрожает не самим Зевсом, упоминание о нем также призвано напомнить согражданам о высшем порядке, о высшей справедливости.

Следующий тип вербальной агрессии – насмешка. Насмешка определяется как «обидная шутка, язвительное замечание, продиктованное

²²⁴ Платон. Диалоги. - М.: АСТ, 2005. С. 30

стремлением говорящего сказать собеседнику неприятное»²²⁵. Образцом интеллектуального насмешника в философии необходимо признать Вольтера. Колкости этого философа имеют эстетическую ценность, придают «живость» его мысли и являются отличительной чертой его творчества. Один из множества возможных примеров насмешки встречается в вольтеровских рассуждениях по поводу личности Жанны д'Арк. Развенчивая миф о ее святости, французский философ одновременно насмехается над историком Мезере, поддерживающего этот миф: «Мезере рассказывает, будто Жанне являлся вождь небесного воинства; мне очень жаль Мезере, и я прошу за него прощения у вождя небесного воинства...»²²⁶.

Итак, основные формы проявления вербальной агрессии в философии таковы:

- 1) Оскорбление;
- 2) Порицание;
- 3) Угроза;
- 4) Насмешка.

Основываясь на вышеприведенных примерах из философских текстов, суммируя их, необходимо определить роль и значения элементов вербальной агрессии:

1) Вербальная агрессия выполняет эстетическую функцию в философии, она имеет стилистическое значение, преобразовывает текст, делая его не таким монотонным и скучным, каким он может быть в силу насыщенности абстрактных категорий, которыми философия оперирует. С этой точки зрения философия как никакая другая интеллектуальная деятельность нуждается в «перемене языкового климата». Однако, даже с эстетической позиции вербальной агрессией нельзя злоупотреблять, ибо тогда текст может стать безобразным и пошлым, несмотря на возможную силу аргументов в ней приведенных;

²²⁵ Щербинина Ю. В. Вербальная агрессия. – М.: ЛКИ, 2008. С. 179

²²⁶ Вольтер. Философские повести. – М.: Эксмо, 2002. С. 507

2) В современной теории познания субъект познания не элиминирован и остается важным элементом. Вербальная же агрессия помогает понять настроение познающего субъекта, его волю к истине «во чтобы, то ни стало», его боевой настрой, характер. Конечно, вербальную агрессию нельзя расценивать как часть доказательной базы философа, как основу его аргументации. Скорее ее следует считать прологом к исследованию, эмоциональной подготовкой, как самого автора, так и читателя, к постижению идей;

3) Благодаря вербальной агрессии, автор философского текста может ясно продемонстрировать систему ценностей. Принижая одних, возвышая других, философ ради ясного изложения своей позиции может пренебречь чувствами отдельного человека. Здесь возникает дилемма: высокие нравственные принципы или предельно ясная однозначно истолкованная точка зрения; человек или истина. В связи с этим вспоминаются слова Аристотеля из «Никомаховой этики»: «Пусть мне дороги друзья и истина, однако долг повелевает отдать предпочтение истине»;

4) Не следует исключать, что вербальная агрессия в философии может выполнять свою «природную» функцию, а именно быть орудием для унижения подавления своих противников. В этом случае, целью является не истина, а удовлетворение личных амбиций. Несмотря на то, что вербальная агрессия призвана выразить эмоцию, в содержание текста она вносится вполне осознанно и рационально. Поэтому такая агрессия недопустима и неоправдана в философии.

Следует отметить, что вербальная агрессия составляющая образ мысли многих философов сопровождается и соответствующим поведением. Например, когда хозяин богатого дома пригласил к себе в гости киника Диогена и попросил его не плевать на пол, философ плюнул хозяину в лицо, пояснив, что не нашел места хуже.²²⁷

²²⁷ Мартынов К. Философия как оскорбление// Отечественные записки, № 6 (64), 2014. URL: <http://strana-oz.ru/2014/6/filosofiya-kak-oskorblenie> (дата обращения: 07.04.2015)

Вывод: Поскольку термин «агрессия» предполагает какое-то активное состояние, проявляющееся в конкретных ясно направленных действиях, постольку и о «вербальной агрессии» следует говорить как о наиболее радикальной форме реализации языковой активности. Вербальная агрессия в философии может рассматриваться как языковая установка, т.е. первичная реакция, вызванная неприемлемой позицией оппонента. Следствием такой реакцией становится критический анализ и построение собственной позиции. Отражение автором вербальной агрессии в философском тексте может объясняться его стремлением охватить и представить весь свой творческий процесс в надежде стать более понятным для читателя. Феномен вербальной агрессии не поддается однозначной оценке и в каждом конкретном случае его проявления требуется адекватный анализ и интерпретация по поводу его релевантности к контексту философии. Препятствовать всякому употреблению крепких выражений в современной философии – значит обкрадывать традицию философствования. Более детальный анализ феномена вербальной агрессии в философии расширяет представление о его многогранности, выделенные позитивные стороны применения его в философии, возможно, приведут однажды к пересмотру некоторых радикальных этических принципов и правил речевого этикета.

Заключение

Проблема активной роли языка в процессе познания сводится к основному тезису – то, как мы думаем и решаем когнитивные задачи, зависит от языка, на котором мы говорим, и от развитости наших языковых способностей. Мы рассмотрели факторы реализации языковой активности – метафоры, вербальную агрессию, языковую установку, языковое действие. Роль языка в процессе познания раскрывается как при рассмотрении взаимосвязи языка и мышления, так и в исследовании природы языка. Последняя обнаруживается при анализе языковых игр и языковых действий, которые могут быть представлены как физиологические действия с участием или без участия интеллекта.

В различных когнитивных процессах активность языка проявляется в разной степени. Кроме того, что языковые способности обуславливают когнитивные операции, в отдельных случаях то, что может быть расценено интеллектуальным, мыслительным действием, основано на языковой практике.

Оборотной стороной проблемы корреляция языковых и когнитивных процессов является проблема структуры языкового действия, протекающего иногда без контроля сознания. Тогда речь идет не о роли языка в процессе познания, а о роли интеллекта и сознания в языковых процессах.

Именно внесознательность многих языковых действий придает автономный характер феномену языка в противоположность когнитивным интеллектуальным процессам. Основа таких действий – языковая установка. Так языковые действия, представляющие сущность языка, выступают как физиологические акты, основанные на тренировке или, более категорично, на дрессировке. Независимые друг от друга теоретические и эмпирические исследования второй четверти двадцатого века показали одинаковые результаты относительно наличия внесознательного языкового компонента и его существенного влияния на выполнение различных интеллектуальных

задач, в дальнейшей эта идея развивалась в психологических исследованиях чувства языка и концепциях неорелятивизма.

В рамках парадигмы бихевиоризма снимается противоречие двухаспектного рассмотрения языка, как звука и значения, семантики и синтаксиса, где значение и смысл – это производные феномены сознания и мышления, а языку отводится роль вербального, материального воспроизведения этих интеллектуальных производных. Тогда язык представляется целостностью с явной границей, отделяющей его от мышления – основа языка по ту сторону сознания, а интеллектуальная деятельность всегда сознательна. Более того, эта целостность как физиологическая активность определяет восприятие окружающего мира. Если тезис энктивизма об «отелесненности нашего познания» является верным, то в той же мере и в том же смысле будет правильно говорить об «языковости» познания, о предзаданности познания языковыми особенностями, так как физиология активности, будь то активность тела или активность языка, имеет в сущности одно биологическое основание.

Не только культурное отличие языка одного народа делает специфической картину мира носителя данного языка, но и индивидуальные особенности отдельно взятого человека формируют уникальность языковых действий и соответственно влияют на его когнитивные способности. Постигание окружающего мира и понимание друг друга происходит через активные языковые действия в рамках стандартизированных языковых игр. Эта уникальность языковых действий с учетом контекста языковой игры, в которых осуществляются действия, дают возможность заключать о наличии схожего у группы людей мировоззрения и о существовании объективной реальности.

Исходя из основных положений диссертации, обозначим «когнитивный горизонт» и перспективы исследования:

Эффективность решений различных когнитивных задач зависит от учебно-тренировочного процесса освоения языка, способов его

употребления. Техника языковых игр может развиваться, и необходимо предлагать новые приемы и методы для дальнейшего интеллектуального совершенствования познающего субъекта. Предстоит глубокое переосмысление роли языка в конкретных познавательных актах, для появления возможности формирования таких приемов. В диссертации представлены несколько типов языковой активности. В перспективе следует предложить такую классификацию типов языковой активности, где нашли бы отражение все параметры активности как меры ценности вкладов в решение когнитивных задач. Также необходимо расширить представления об источниках, механизмах регуляции и проявления языковой активности. Одним из таких источников активности может рассматриваться «лингвистическая потребность». Такой взгляд изменяет представление не только на роль языка в процессе познания, но и на фундаментальные представления о психической организации человека.

Библиография

1. Августин Блаженный. Исповедь. – СПб.: Азбука, 2014. – 400 с.
2. Айдарова Л. И. Психологические проблемы обучения младших школьников русскому языку. – М.: Педагогика, 1978. – 144 с.
3. Алфимова Ж. П. Проблема универсалий в Львовско-Варшавской школе. Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. – М.: 2014. – 201 с.
4. Антоновский А. Ю. К проблеме интерсубъективности понимания// Язык – знание – реальность. – М.: Альфа-М, 2011. С. 104 – 125.
5. Аристотель. Поэтика. Об искусстве поэзии// Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. – Минск: Литература, 1998. С. 1064 – 1112.
6. Бажанов В. А. О роли идей И. Канта в развитии логики и университетской философии в России // Кантовский сборник. 2010, № 2 (32). С. 52 – 59.
7. Бажанов В. А. Кантианские мотивы в логике и философии науки. Идея единства априорного и эмпирического знания // Кантовский сборник, 2012, №3. С. 18 – 25.
8. Бажанов В. А. Разновидности и противостояние реализма и антиреализма в философии математики. Возможна ли третья линия? // Вопросы философии, 2014а, №5. С. 52 – 64.
9. Бажанов В. А. Реализм, антиреализм и идея третьей линии в философии математики // Математика и реальность. Труды Московского семинара по философии математик. М.: Изд-во Москов. ун-та, 2014б. С. 231 – 252.
10. Бажанов В.А. Современная культурная нейронаука и природа субъекта познания // Эпистемология и философия науки, 2015, №3. С. 135 – 151.
11. Бажанов В. А., Романенко Р. А. Рец. на кн.: Язык. Знание. Реальность. К семидесятилетию А. Л. Никифорова // Вопросы философии, 2012, №10. – С. 176 – 181.
12. Бейкер Г. П., Хакер П. М. С. Скептицизм, правила, язык. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2008. – 240 с.

13. Беляев Б. В. Очерки по психологии обучения иностранным языкам. — М.: Просвещение, 1965. — 174 с.
14. Белый А. Мысль и язык (философия языка Потебни). Кн.2. — М.: Логос, 1910. С. 240 – 258.
15. Бердяев Н. А. Падение священного русского царства: Публицистика 1914-1922. М.: Астрель, 2007. — 1179 с.
16. Бернштейн Н. А. Пути и задачи физиологии активности. URL: <http://a-mov.ru/papers/bernstein-ocherk-11-puti-i-zadachi-fiziologii-aktivnosti.html> (дата обращения 07.08.2014)
17. Библихин В. В. Витгенштейн: смена аспекта. — М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы Аквинского, 2005. — 576 с.
18. Библия: Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета (в русском переводе с параллельными местами и приложением) Канонические 25К 030-96(К). — М., 2003. — 1312 с.
19. Боас Ф. Введение к «Руководству по языкам американских индейцев»// История языкознания XIX – XX веков в очерках и извлечениях. Ч.2. — М., 1965. С. 170 – 181.
20. Болдырев Н. Н. Интерпретация мира и знаний о мире в языке// Когнитивные исследования языка, №19, 2014. С. 20 – 28.
21. Бородай С.Ю. Современное понимание проблемы лингвистической относительности: работы по пространственной концептуализации// Вопросы языкознания, №4, 2013. С.17 – 54.
22. Бородицки Л. Как язык формирует мышление// В мире науки, №5, 2011. С.15 – 18.
23. Бурлак С. Происхождение языка: Факты, исследования, гипотезы. — М.: Астрель: CORPUS, 2011. — 464 с.
24. Вежбицкая А. Семантические универсалии и базисные концепты. — М.: Языки славянских культур, 2011. — 568 с.
25. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. — М.: АСТ, 2010. — 177 с.
26. Витгенштейн Л. Философские исследования — М.: Астрель, 2011. — 347 с.

27. Вольтер. Философские повести. – М.: Эксмо, 2002. – 656 с.
28. Вригт Г. Х. фон Витгенштейн и двадцатый век// Вопросы философии, 2001, № 7. С. 33 – 46.
29. Вундт В. Психология народов. – М.: Эксмо, 2002. – 864 с.
30. Выготский Л. С. Мышление и речь// Психология мышления. – М.: АСТ: Астрель, 2008. С. 490 – 508.
31. Гадамер Х.-Г. Текст и интерпретация. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000037/st001.shtml> (дата обращения 03.09.2014)
32. Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии. Книга первая. – СПб.: Наука, 2006. – 352 с.
33. Гердер И. Г. Трактат о происхождении языка. – М.: ЛКИ, 2007. – 88 с.
34. Гоббс Т. Сочинения в 2 т. Т.1. – М.: Мысль, 1989. – 622 с.
35. Гохлернер М. М., Ейгер Г. В. Психологический механизм чувства языка// Вопросы психологии, №4, 1983. С.137 – 142.
36. Грязнов А. Ф. Язык и деятельность: Критический анализ витгенштейнианства. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 152 с.
37. Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода: Введение во всеобщее языкознание – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 376 с.
38. Декарт Р. Сочинения в 2 т. Т.2. – М.: Мысль, 1994. – 633 с.
39. Дерягина М. А., Васильев С. В. Формы общения у приматов и происхождение языка человека// Язык в океане языков. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1993. С. 60 – 85.
40. Долгоруков В. В. Кантовские категории и формальная семантика// Логическая семантика: перспективы для философии языка и эпистемологии. Сборник научных статей посвященных юбилею Е. Д. Смирновой. – М.: Креативная экономика, 2011. С. 263 – 273.
41. Дюдель Й., Рюэгг Й., Шмидт Р. Физиология человека. Т. 1 – М.: «Мир», 1996. – 328 с.

42. Жаров С. Н. Бытие и пространство: трансцендентальная перспектива// Пространство как трансцендентальная предпосылка познания реальности – М.: ИФРАН, 2014. С. 5 – 30.
43. Иванова Л. П. Курс лекций по общему языкознанию. Научное пособие – К.: Освита України, 2006. – 312 с.
44. Имедадзе Н. В. Экспериментально-психологическое исследование овладения и владения вторым языком. — Тбилиси: Мец-ниераба 1979. – 229 с.
45. Кант И. Критика чистого разума. – М.: Наука, 1998. – 1058 с.
46. Кант И. Прелегомены ко всякой будущей метафизике, могущей возникнуть в смысле науки. – М.: Академический Проект, 2008. – 174 с.
47. Карнап Р. Преодоление метафизики логическим анализом языка. URL: <http://kant.narod.ru/carnap.htm> (дата обращения 01.10.2014)
48. Касавин И. Т. Проблема сознания в психосемантике// Язык и сознание. Аналитические и социально-эпистемологические контексты. – М.: Альфа-М, 2013. С. 117 – 130.
49. Касавин И. Т., Вострикова Е. В. Введение. Язык и познание// Язык и сознание. Аналитические и социально-эпистемологические контексты. – М.: Альфа-М. 2013. С. 7 – 14.
50. Кассирер Э. Философия символических форм. Т. 1: Язык – М.: Академический Проект, 2011. – 271 с.
51. Князева Е. Н. Телесное и энактивное познание: новый проект в эпистемологии и когнитивной науке// Эпистемология: новые горизонты. М.: Канон+, 2011. С. 130 – 154.
52. Князева Е. Н. Проблема восприятия: А. Бергсон и современная когнитивная наука // Логос, 3 (71), 2009. С. 173 – 184.
53. Киященко Л. П. В поисках исчезающей предметности (очерки о синергетике языка) – М.: ИФРАН, 2000. – 116 с.
54. Козинцев А. Г. Происхождение языка: новые факты и теории// Теоретические проблемы языкознания. Сб. ст. к 140-летию каф. общего языкознания СПбГУ. – СПб.: Филол. фак-т СПбГУ, 2004. С. 35 – 50.

55. Козлова М. С. Размышления о феноменах сознания в работах позднего Витгенштейна // Проблема сознания в современной западной философии. — М., 1989. С. 190—212.
56. Козлова М. С. Витгенштейн: новый образ философии // Вопросы философии, 2001, № 7. С. 25—32.
57. Козлова М. С. Был ли Л.Витгенштейн логическим позитивистом? URL: http://iph.ras.ru/elib/HP5_1.html#_ednref68 (дата обращения: 20.02.2015)
58. Конфуций. Уроки мудрости. М.: Эксмо, 2007. — 958 с.
59. Коршунов А. М., Мантатов В. В. Теория отражения и эвристическая роль знаков. — М.: Московский университет, 1974. — 216 с.
60. Кошелев А. Д. О когнитивных факторах развития детской речи/ Проблемы онтолингвистики — 2009: Материалы международ. конф. СПб., 2009. С. 54 — 61.
61. Кошелев А. Д. О протоязыке и его трансформации в человеческий язык (лексико-семантические аспекты)// Дифференционно-интеграционная теория языка. — М.: Языки славянских культур, 2011. С. 155 — 182.
62. Красных В. В. Основы психоллингвистики: Лекционный курс. — М.: Гнозис, 2012. — 333 с.
63. Кривоносов А. Т. Философия языка — М.: Азбуковник, 2012. — 788 с.
64. Крипке С. Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке. — М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2010. — 256 с.
65. Кронгауз М. А. Гипотеза лингвистической относительности. URL: <http://postnauka.ru/video/6759> (дата обращения: 06.08.2014)
66. Крысько В. Г. Этнопсихологический словарь. Диспозиция. URL: <http://vocabulary.ru/dictionary/1067/word/dispozicija> (дата обращения 07.08.2014)
67. Курилович Е. Заметки о значении слова// Вопросы языкознания. №3. 1955. С. 73 — 81.
68. Куслий П. С., Вострикова Е. В. Язык как социальный феномен: лингвистическая относительность, конвенции, речевые акты // Язык и

- сознание. Аналитические и социально-эпистемологические контексты. – М.: Альфа-М. 2013. С. 313 – 335.
69. Ладов В. А., Суровцев В. А. Скептик, или к бессмыслице и обратно/ Скептицизм, правила и язык – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2008. С. 203 – 230.
70. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. – М.: Гнозис, 2011. – 512 с.
71. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
72. Лейбниц Г. В. Сочинения в четырех томах: Т. 3. – М.: Мысль, 1984. – 734 с.
73. Лекторский В. А. Проблема знания в современной эпистемологии// Язык – знание – реальность. – М: Альфа-М, 2011. С. 247 – 266.
74. Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм. – М.: Изд-во Политической литературы, 1977. – 392 с.
75. Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность. – М.: ЛЕНАНД, 2014. – 224 с.
76. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Политиздат, 1975. – 124 с.
77. Лишаев С.А. Метаморфозы слова. – СПб.: Алетейя, 2011. – 232 с.
78. Локк Дж. Сочинения: В 3-х т. Т. 1. – М.: Мысль, 1985. – 623 с.
79. Лурия А. Р. Язык и сознание. URL: http://www.center-nlp.ru/library/s55/nlp/yazik_soznanie.html?print_version=true¤t_book_page=2 (дата обращения 28.09.2014)
80. Макеева Л. Б. Как звуки становятся речью? // Язык и сознание. Аналитические и социально-эпистемологические контексты. – М.: Альфа-М. 2013. С. 78 – 93.
81. Манн Т. Волшебная гора. М.: Астрель, 2011. – 829 с.
82. Марков И. К. Возникновение логики Канта // Кант И. Логика. Труды Петроградского философского общества. Пг., 1915. Вып. 11. С. X – XX.
83. Марксистско-ленинская философия. Исторический материализм. М.: Мысль, 1972. – 448 с.

84. Маркс К. Сочинения том 23 – М.: Книга по Требованию, 2012. – 920 с.
85. Мартынов К. Философия как оскорбление// Отечественные записки, № 6 (64), 2014. URL: <http://strana-oz.ru/2014/6/filosofiya-kak-oskorblenie> (дата обращения: 07.04.2015)
86. Марцинковская Т. Д., Юревич А. В. Методические материалы для подготовки к кандидатскому экзамену по истории и философии науки. История психологии. – М: Диполь-Т, 2003. – 95 с.
87. Маяцкий М. Непереводимости реальные и воображаемые. Листая «Европейский словарь философий: лексикон непереводимостей» // Логос 5 - 6 (84). 2011. С. 13 – 21.
88. Мечковская Н. Б. Общее языкознание. Структурная и социальная типология языков. – М.: Наука, 2011. – 312 с.
89. Михальская А. К. Русский Сократ: лекции по сравнительно-исторической риторике. – М.: Академия, 1996. – 189 с.
90. Налимов В. В. Вероятностная модель языка. О соотношении естественных и искусственных языков – М.: Наука, 1979. – 304 с.
91. Никифоров А. Л. Чувственно-вербальное построение мира//Язык – знание – реальность. – М.: Альфа-М, 2011. С. 9 – 66.
92. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла: Сочинения. – М.: Эксмо, 2003. – 848 с.
93. Орлова А. М. К вопросу об объективной обусловленности так называемого «чувства языка». — Вопросы психологии, 1955, № 5, С. 38 – 45.
94. Павленис Р. И. Проблема смысла. Современный логико-философский анализ языка. – М.: Мысль, 1983. – 288 с.
95. Парменид// Фрагменты ранних греческих философов. – М: Наука, 1989. С. 274 – 298.
96. Паскаль Б. О геометрическом уме и об искусстве убеждать// Стрельцова Г. Я. Паскаль и европейская культура. – М.: Республика, 1994. С. 453 – 456.
97. Петров М. К. Язык, знак, культура. – М.: Наука, 1991. – 328 с.
98. Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка. – М: Педагогика-Пресс, 1994. – 528 с.

99. Пинкер С. Язык как инстинкт. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 456 с.
100. Пирс Ч. Избранные философские произведения. – М.: Логос, 2000. – 412 с.
101. Платон. Диалоги. - М.: АСТ, 2005. – 381 с.
102. Платон. Кратил// Платон. Собрание соч.: В 4 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1993, С. 613 – 681.
103. Портнов А.Н. Язык и сознание: основные парадигмы исследования проблемы в философии XIX - XX вв. – Иванов: Ив ГУ, 1994. – 370 с.
104. Потебня А. А. Мысль и язык. – СПб.: Лабиринт, 2007. – 256 с.
105. Потебня А. А. Об участии языка в образовании мифов // Из записок по теории словесности. – Харьков, 1905. С. 600 – 605.
106. Рабле Ф. Гаргантюа и Пантагрюэль. – М.: Эксмо, 2005. – 472 с.
107. Радченко О. А. Проблема языкового сообщества в немецкой философии языка первой половины XX века // Вопросы языкознания, № 4, 2000. С. 110 – 138.
108. Радченко О. А. Язык как мирозидание: Лингвофилософская концепция неогумбольдтианства. – М.: Едиториал УРСС, 2005. – 312 с.
109. Радченко О. А. Иоганн Лео Вайсгербер. URL: http://radcenko.ru/?page_id=141&page=8 (дата обращения 07.08.2014)
110. Райл Г. Понятие сознания. URL: <http://www.philsci.univ.kiev.ua/biblio/Ryle.htm> (дата обращения 07.08.2014)
111. Рассел Б. Человеческое познание. Его сфера и границы. – Киев: Ника-Центр, 2001. – 383 с.
112. Романенко Р. А. Проблема соотношения языка и познания в свете теории установки // Теория и практика общественного развития, 2014, № 3. – С. 50 – 53.
113. Рорти Р. Витгенштейн, Хайдеггер и гипостазирование языка // Философия Мартина Хайдеггера и современность. – М.: Наука, 1991. С.121 – 133.

114. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. – СПб: Питер, 2000. – 720 с.
115. Сепир Э. Статус лингвистики как науки// Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М.: Прогресс, 1993. – 656 с.
116. Соловьев В. Национальный вопрос в России. М.: АСТ, 2007. – 505 с.
117. Сокулер З. А. Проблема «следования правилу» в творчестве Л. Витгенштейна и её интерпретации // Современная аналитическая философия – М., 1988. Вып. 1. С. 127 – 155.
118. Соссюр Фердинанд де. Курс общей лингвистики. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. – 256 с.
119. Старостин С. А. У человечества был единый праязык// Знание – сила. №8. 2003. С. 39 – 44.
120. Старостин С. А. О доказательстве языкового родства// Труды по языкознанию. М., 2007. С. 779 – 793.
121. Струп Тест. Тренировка восприятия. URL: <http://www.superiq.ru/tasks/strup-tests.html> (дата обращения: 06.08.2014)
122. Терехин А. Т., Будилова Е. В., Карпенко М. П., Качалова Л. М., Чмыхова Е. В. Возрастные изменения когнитивных свойств мозга: нейросетевой подход// Дифференционно-интеграционная теория развития. – М.: Языки славянских культур, 2011, С. 435 – 448.
123. Томаселло М. Истоки человеческого общения. – М.: Языки славянских культур, 2011. – 328 с.
124. Узнадзе Д. Н. Психологические исследования. – М.: Наука, 1966. – 451 с.
125. Уорф Б. Л. Наука и языкознание. URL: <http://philology.ru/linguistics1/worf-60a.htm> (дата обращения 02.10.2014)
126. Фатенков А. Н. Идея подвижной иерархии в структуре философского дискурса. Диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук. – Нижний Новгород: 2006. – 366 с.

127. Филимонова Я. Неземной язык индейцев пираха. URL: <http://www.pravda.ru/science/useful/16-05-2012/1115100-piraha-0/> (дата обращения: 31.07.2014)
128. Фрумкина Р. М. Психолингвистика. – М.: Академия, 2008. – 320 с.
129. Хайдеггер М. Здесь-бытие и речь. Язык // Исток художественного творения. – М: Академический проект, 2008. С. 492 – 502.
130. Хайдеггер М. Парменид. URL: <http://www.platonizm.ru/content/martin-haydegger-parmenid> (дата обращения: 05.04.2015)
131. Хинтиikka Я. О Витгенштейне. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2013. – 272 с.
132. Черниговская Т. В. От коммуникационных сигналов к языку и мышлению человека: эволюция или революция?// Российский физиологический ж-л им. И.М. Сеченова РАН. 94.9.2008. С. 1017 – 1028.
133. Черниговская Т. В. Мозг и язык: врожденные модули или обучающаяся сеть? // Вестник РАН. М., 2010. С. 461 – 565.
134. Черниговская Т. В. Nature vs. Nurture в усвоении языка// Дифференционно-интеграционная теория развития. – М.: Языки славянских культур, 2011, С. 479 – 493.
135. Шестов Л. Апофеоз беспочвенности. – М.: АСТ, 2000. – 832 с.
136. Щербинина Ю. В. Вербальная агрессия. – М.: ЛКИ, 2008. – 360 с.
137. Шопенгауэр А. Две основные проблемы этики. М.: АСТ, 2005. – 512 с.
138. Шпет Г. Г. Внутренняя форма слова (Этюды и вариации на тему Гумбольдта). – М: Государственная Академия Художественных наук, 1927. – 219 с.
139. Ясперс К. Кант: Жизнь, труды, влияние. – М: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. – 416 с.
140. Bialystok E. Bilingualism: The good, the bad, and the indifferent// Bilingualism: Language and Cognition, 12, 2009, p. 3–11.
141. Bickerton D. But how did protolanguage actually start? // Interaction Studies. 9 (1). 2008, p. 169 – 176.

142. Boas F. Introduction // Handbook of American Indian Languages. – Washington, D. S.: Smithsonian Institution, 1964, p. 5 – 83.
143. Boroditsky L. How Language Shapes Thought. The languages we speak affect our perceptions of the world // Scientific American, February 2011, p.63 – 65.
144. Carnap R. The Logical Syntax of Language. 2001 L.:N Routledge, 352 p.
145. Geary D. C., Bow-Thomas C. C., Fan L., Siegler R.S. Development of Arithmetical Competencies in Chinese and American Children: Influence of Age, Language, and Schooling// Child Development, 1996, 67, p. 2022 – 2044.
146. Genesee, F.H. Early bilingualism: Perils and possibilities // Journal of Applied Research on Learning, 2009, N 2, p. 1 – 17.
147. Gonzalez V. Profiles of cognitive developmental performance in gifted children: Effect of bilingualism, monolingualism, and socioeconomic status factors// Journal of Hispanic Higher Education, 2006, 5, p. 142–170.
148. Jackendoff R. Language, consciousness, culture: Essays on mental structure. – Massachusetts Institute of Technology, 2007. – 403 p.
149. Kovas Y., Haworth C. M. A., Harlaar N., Petrill S. A., Dale P. S., Plomin R. Overlap and specificity of genetic and environmental influences on mathematics and reading disability in 10-year-old twins/ Journal of Child Psychology and Psychiatry 48:9 (2007), p. 914 – 922.
150. Lehrman A. Meaning as Grammar// Language Sciences, 2006, 28 (5), p. 497 – 507.
151. Leikin M. The effect of bilingualism on creativity: Developmental and educational perspectives/ International Journal of Bilingualism, 28 March 2012, DOI: 10.1177/1367006912438300.
152. Levinson S. C., Janzen G., Haun D. Tracking down abstract linguistic meaning: Neural correlates of spatial frame of reference ambiguities in language// PLoS One, 2012. V. 7 (2), e30657. DOI:10.1371/journal.pone.0030657.
153. Leung C. English as an additional language: distinctive language focus or diffused curriculum concerns? // Language Education, 15, 2001, p. 33–55.

154. Miura I. T. Mathematics achievement as a function of language // Journal of Education Psychology. 79, 1987, p. 79–82. DOI:10.1037/0022-0663.79.1.79
155. Rodic M., Tikhomirova T., Kolienko T., Malykh S., Bogdanova O., SiruiWan, XinlinZhou and Kovas Y. Spatial complexity of character-based writing systems and arithmetic in primary school: a longitudinal study// Frontiers in Psychology, 26 March 2015. DOI: 10.3389/fpsyg.2015.00333
156. Roehl K. Versuch einer systematischen Grammatik der Schambalasprache. – Hamburg, 1911. – 214 s.
157. Werzbicka A. Semantic Universal and ‘Primitive Thought’: The Questions of the Psychic Unity of Humankind // Journal of Linguistic Anthropology, 1994, 4 (1), p. 1 – 27.